

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Отделение Российского исторического общества в Республике Коми

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (29)

Сыктывкар, 2022

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2022. № 1 (29).
HISTORICAL DEMOGRAPHY. Science magazine. 2022. № 1 (29).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), Н.М. Игнатова (зам. главного редактора, Сыктывкар) В.А. Исупов (зам. главного редактора, Санкт-Петербург), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Санкт-Петербург), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Астана), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар),
Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2022

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (зам. гл. редактора, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Аверьянов К.А.** (Москва). Из истории освоения нижней Печоры4
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-4-13
- Куратов О.А.** (Сыктывкар). Особенности внутренней миграции населения территории Печорского уезда
Архангельской губернии (конец XIX – начало XX в.)14
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-14-17
- Старцев А.Ф.** (Владивосток). Средства транспортировки и передвижения у тунгусо-маньчжурских
этносов южной части Дальнего Востока России18
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-18-22
- Такижбаева Н.З.** (Алматы, Казахстан). Воины Коми АССР – защитники Родины (на примере 100-й
отдельной стрелковой бригады)23
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-23-27
- Мацук А.М.** (Сыктывкар). Половозрастной и национальный состав учащихся кооперативного техникума
г. Сыктывкара в 1950-е гг.28
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-28-32

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Зырянова М.А.** (Сыктывкар). Современные угрозы демографическому развитию регионов европейской
части Севера России33
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-33-40

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

- Гагиева А.К.** (Сыктывкар). Пространственное освоение арктических территорий Европейского Севера
России в дореволюционной историографии41
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-41-48
- Корвин-Пиотровский Л.В.** Селения Печорского края. Из «Трудов экспедиции 1909 г. по обследованию
5-го участка Усть-Сысольского уезда». Публикация **И.Л. Жеребцова** (Сыктывкар)49
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-49-61
- Елемесов С.М., Садыков Т.С.** (Астана, Казахстан). Отражение историко-демографических процессов
в топонимах монголо-ойратского происхождения в Акмолинской области Республики Казахстан62
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-62-64

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Жеребцов Л.Н.** Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1971 г. на Кольский полуостров.
Публикация **И.Л. Жеребцова, Л.Я. Каневой** (Сыктывкар)65
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-65-77

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

- Мацук М.А.** (Сыктывкар). Долголетие населения Яренского уезда по данным переписной книги 1710 г. ...78
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-78-80
- Филиппенко А.А.** (Вологда). Население Спасо-Суморина монастыря в XIX – первой четверти XX века
по ведомостям «О монашествующих и бельцах»81
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-81-84
- Косяк Н.А.** (Минск, Беларусь). Этапы создания Эстонского института национальной памяти85
DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-85-86

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

- Содержание журнала «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» за 2021 год87
- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»89

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 93/94(282.044.247.11)

DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-4-13

*К.А. Аверьянов**

Из истории освоения нижней Печоры

Рассматривается ранняя история Печорского края, расположенного на крайнем северо-востоке Европы, поисках в крае месторождений серебра и основании Пустозерска, первого русского города в Заполярье.

Ключевые слова: *Русский Север, Печорский край, Печорские акты, Вычегодско-Вымская летопись, река Цильма, Пустозерск, изыскания месторождений*

K.A. Averyanov

From the history of the development of the lower reaches of the Lower Pechora River

The early history of the Pechora region, located in the extreme north-east of Europe, the search for silver deposits in the region and the founding of Pustozersk, the first Russian city in the Arctic, is considered.

Key words: *Russian North, Pechora Territory, Pechora Acts, Vychegda-Vym Chronicle, Tsilma River, Pustozersk, field exploration*

Печорский край упоминается в русских летописях очень рано. Его название встречается уже в начальной недатированной части «Повести временных лет». Легендарный Нестор, описывая пределы известного ему мира, сообщает: «В Афетове же части седять Русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь». И далее он уточняет: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь, норома, либь: си суть свой языкъ имущее, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полуношныхъ» [1].

Первые сведения о русских экспедициях на Печору относятся к рубежу XI–XII вв. Именно к этому времени относятся упоминания в Начальной летописи «печорской дани». Расположенный на далекой окраине тогдашней ойкумены Печорский край манил людей не только богатствами, но и различными чудесами. Под 1096 г. летописец помещает рассказ новгородца Гюряты Роговича, посылавшего своего отрока в Печору, где жили «люди, иже суть дань дающе Новугороду», откуда тот проник еще дальше – в Югру («Югра же людье есть языкъ немь, и соседять с самоядью на полунощ-

* **Аверьянов Константин Александрович** (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, histgeogr@yandex.ru.

ных странах»), где услышал рассказы о людях, заточенных в горах якобы Александром Македонским [2]. Это была далеко не единственная экспедиция новгородцев. Под 1114 г. летописец, со слов ладожского посадника Павла, сообщает о том, что еще раньше новгородские мужи «ходили за Югрю и за Самоядь» и видели сами «на полунощныхъ странахъ» другое чудо: «спаде туча, и в той тучи спаде веверица (белки. – *Авт.*) млада, яку топерво рожена, и възрастьши, и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали в ней, и възрастають, и расходятся по земли» [3].

Как видим, уже на рубеже XI–XII вв. новгородцы в поисках драгоценной пушнины забирались далеко на крайний северо-восток Европы, где вели меновную торговлю с народами Севера. Из Печорского края шел громадный поток пушнины (в основном белки), который обрабатывался в Каргополе, а затем доставлялся в Ладогу, откуда меха расходились по всей Руси. Оценить его размеры позволяет тот факт, что долгое время основным промыслом в Каргополе являлась выделка беличьих мехов – еще в 70-х гг. XIX в. тут выделывалось до 2 млн. шкур. Если учитывать, что пушнина тогда составляла одну из основных статей русского экспорта, становится понятным, какое значение имела печорская дань. Под 1133 г. Лаврентьевская летопись помещает известие, что во время одной из княжеских распрей новгородцы откупились от великого князя Ярополка Владимировича (сына Владимира Мономаха) именно печорской данью [4].

Добираться до Печоры было крайне сложно. Из Онежского озера поднимались вверх по р. Водле, откуда волоком выходили в р. Кену, приток р. Онеги. С востока к последней подходила р. Емца, приток р. Северной Двины. В ее нижнем течении в р. Северную Двину впадает р. Пинега, делающая большую петлю. Для нас наибольший интерес представляет то, что в самой северной точке этой петли р. Пинега очень близко подходит к р. Кулой, впадающей в Мезенскую губу Белого моря. Здесь издавна существовал волок, на месте которого во второй половине 1920-х гг. даже был построен судоходный канал длиной 6 км (рис. 1).

Но, выйдя в Мезенскую губу Белого моря, новгородцы опасались идти дальше «Дышючим» (или Дышащим) морем (именно так оно упоминается в «Сказании о гибели земли Русской», написанном вскоре после нашествия Батыея) [5]. Первые землепроходцы, еще не дойдя до морского побережья, видимо, немало смутились духом, когда неведомая сила подхватила их суда и стремительно помчала с огромной скоростью вперед, поскольку ничего не знали о морских приливах и отливах, повторяющихся с четкой периодичностью дважды в сутки. Наибольшая их сила наблюдается именно в Мезенской губе, где разница между уровнем воды в прилив и отлив достигает 10 м. В устье Мезени отлив, подхватив лодку, мчит ее к морю, словно санки с горы, со скоростью более 20 км/час. Еще более ощутима морская мощь в прилив, когда бегущий по течению реки пенный вал воды достигает 8 м в высоту, а приливная волна докатывается до р. Пезы, впадающей в р. Мезень на 86-м км от устья. Поэтому далее на восток путь лежал по р. Пезе, откуда волоком попадали в р. Цильму, впадающую в р. Печору.

Важной особенностью сбора печорской дани являлось то, что она была лишена твердой правовой основы. Военный набег и мирная торговля сплошь и рядом шли рука об руку. Одни и те же люди могли выступать то в роли грабителей и захватчиков, то в качестве мирных купцов. Соблазн легкой наживы порой был настолько велик, что новгородские сборщики дани просто забывали обо всем прочем. Иногда эти данщики встречали сопротивление и были истребляемы вдруг в разных местах. Под 1187 г. в Первой новгородской летописи встречаем известие, что новгородские сборщики дани были перебиты на Печоре, Югре и за Волоком. Погибло их человек сто. Восстание, как видно, было в разных местах в одно время [6].

Но новгородцы были не единственными, кого манили богатства Печоры. Начиная с середины XII в. сюда устремляют взоры князья Северо-Восточной Руси. Иногда эти стремления выливались в ожесточенные столкновения. Под 1169 г. летописец сообщает, что новгородский воевода Данислав Лазутинич отправился за Волок для сбора дани со своей дружиной из 400 чел. Навстречу ему великий князь Андрей Боголюбский послал семитысячный отряд войска перехватить его, но Данислав обратил в бегство суздальцев, убив у них 1300 чел., а своих потеряв только 14. После этого он отступил, боясь, вероятно, идти дальше, но потом двинулся опять вперед и благополучно взял всю дань, не преминув собрать ее еще и с суздальских подданных. Следующей зимой Андрей в отместку

собрал ростовские и суздальские полки, к которым позднее присоединились смоленские, рязанские и муромские князья, и осадил Новгород [7].

Рис. 1. Русский Север XII–XVI вв.

Карта выполнена С.Н. Темушевым (Белоруссия, Минск, Белорусский государственный университет).

Лишь с середины XIII в., со времен великого князя Ярослава Ярославича (брата Александра Невского), на Печоре установился более или менее твердый порядок сбора дани. Во всяком случае, именно от этой эпохи до нас дошли первые договорные грамоты Новгорода с великими князьями владимирскими, в которых Печора именуется новгородской волостью: «А се, княже, волости новгородьскыи... Пермь, Печера, Югра». Эта формулировка встречается во всех подобных договорах вплоть до самого конца новгородской независимости [8].

И хотя Москва формально признавала суверенитет Новгорода над этим краем (впервые название «Печора» в перечне московских владений фиксируется лишь в духовной грамоте Ивана III 1504 г., т.е. после присоединения Новгорода), фактически московские владения появились здесь уже в XIV в. Об этом становится известным из так называемых «Печорских актов» – указной грамоты

1294–1304 гг. великого князя Андрея Александровича на Двину посадникам, скотникам и старостам о кормах и подводах для трех ватаг великого князя, ходящих на морской промысел; жалованной грамоты 1328–1339 гг. великого князя Ивана Даниловича Калиты печорским сокольникам Жиле с ватагой об освобождении их от даней и некоторых повинностей; указной грамоты 1329 г. Ивана Калиты и всего Новгорода на Двину о поручении Печорской стороны в ведение Михаила с ватагой для морского промысла; жалованной кормленной грамоты 1363–1389 гг. великого князя Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление [9].

В первой из них интересно указание на «старину»: «А как пошло при моем отце и при моем брате» (речь идет соответственно о великих князьях Александре Ярославиче Невском и его сыне Дмитрие Александровиче Переяславском). Аналогичное свидетельство имеется и в последней грамоте – в ней прямо говорится, что после Ивана Калиты Печорой последовательно владели великие князья Семен Иванович Гордый и Иван Иванович Красный.

К этим актам примыкает свидетельство предисловия «Летописца княжения Тферскаго», в котором его автор, перечисляя владения тверского князя Александра Михайловича, сообщает, что тот владел «землею Русскою... даже до моря Печерскаго» [10].

Из этих источников выясняется, что Печорским краем на протяжении более чем столетия – с середины XIII в. по конец XIV в. последовательно владели великие князья владимирские: сначала Александр Невский, затем его сыновья Дмитрий Переяславский и Андрей Городецкий, которых сменил Александр Тверской, после которого этими землями обладали представители московского княжеского дома: Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской.

Земледелие и скотоводство в этих местах никогда не были основным занятием его обитателей. Главную роль здесь играли рыбный промысел, охота и добыча морского зверя. Наиболее богатыми ими являлись побережья Баренцова и Белого морей, зачастую располагавшиеся из-за сезонного характера этих промыслов на сотни верст от места постоянного жительства рыбаков, охотников и зверобоев.

С очень раннего времени для более равномерного использования природных ресурсов все арктическое побережье Русского Севера России было поделено на отдельные промысловые участки. Напоминанием этого является то, что до сих пор различные части побережья Баренцова и Белого морей, начиная от Норвегии вплоть до устья р. Печоры, носят устойчивые названия «берегов»: Мурманский берег, Терский берег, Кандалакшский берег и т.д. На востоке крайними из этих «берегов» являлись Тиманский (Самоедский) и Захарьин берега, протянувшиеся вдоль западного побережья Печорской губы.

По этим «берегам» были разбросаны десятки становищ, в которых в сезон добычи рыбы и морского зверя промысловая жизнь была ключом. Здесь стояли жилые избы, а также имелись амбары, скеи (погреба) и помещения, где вытапливали рыбий жир и сушили рыбу. Оценить, разумеется, очень приблизительно, размах здешних промыслов можно по одному летописному свидетельству. В 1386 г. великий князь Дмитрий Иванович Донской в наказание за нападения новгородских ушкуйников на волжские города возложил на Новгород дань в 8 тыс. руб., из которых 5 тыс. было собрано с Заволочья, «занеже заволочане быле же на Волге» [11]. Разумеется, это был экстраординарный сбор. Для сравнения отметим, что на рубеже XIV–XV вв. с Московского княжества собиралась дань от 5 до 7 тыс. руб. [12].

Границами «берегов» и поныне являются ориентиры – глубоко вдающиеся в море мысы и устья крупных рек. При этом «чужакам» запрещалось вести на них лов: «А как пошло при моем отце и при моем брате не ходити на Терскую сторону ноугородцам, и ныне не ходять», – читаем в упомянутой грамоте великого князя Андрея Александровича [13]. Также оговаривалось число промышленников: «а ходити на море въ дватцати человекъ», или же указывались их имена» [14]. При этом выясняется, что особенностью «Печорской стороны» являлась добыча высоко ценившихся при княжеских дворах соколов и кречетов.

Захарьин берег получил свое название явно от какого-то Захария, очевидно, человека достаточно видного и богатого, возможно, первым освоившим эти места. Осторожно можно предположить, что речь должна идти о новгородском боярине Захарии (Неревине), избранном в посадники в 1161 г. В

определенной мере это подтверждается тем, что Захарий упоминается в берестяной грамоте № 724, где речь идет об упомянутом выше конфликте по поводу сбора дани с Андреем Боголюбским. Читаем в ней (в современном переводе): «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав (человека, через него) клятвенно заявил: “не давайте Савве ни единого песца с них собрать. (Я) сам за это отвечаю (или: (Он) сам за это взялся, т.е. он самозванец)”. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и (его) люди отняли дань. А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или вышли из повиновения). Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его» [15] (рис. 2).

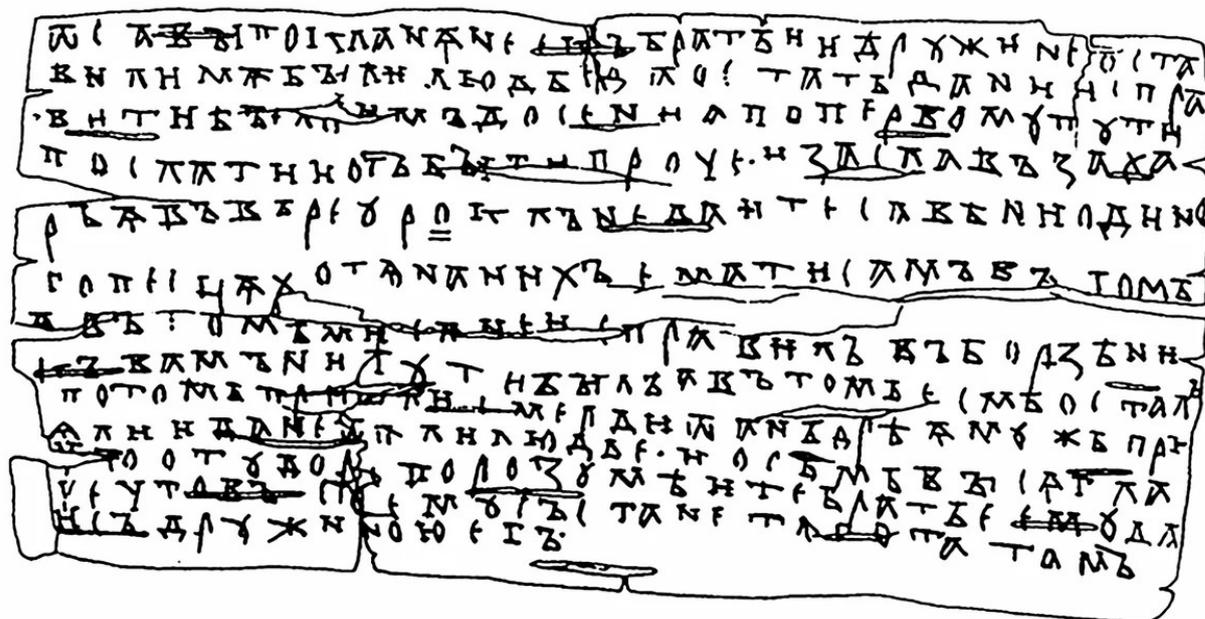

Рис. 2. Прорись новгородской берестяной грамоты № 724.

Двойственный статус Печоры (де-факто находившейся в руках московских князей, а де-юре значившейся за Новгородом) вызывал определенные трения. Обратившись к летописям, узнаем, что после возвращения из очередной поездки в Орду Иван Калита потребовал от Новгорода уплаты так называемого «закамского серебра». Новгородцы медлили, и Калита отобрал у них Торжок и Бежецк. В начале 1333 г. он вместе с суздальскими и рязанским князьями снова пришел в Торжок, вывел своих наместников из Новгорода и начал разорять новгородские земли. Напрасно послы Новгорода просили Калиту вновь занять новгородский стол. Князь их даже не слушал. Новое посольство прибыло к Калите в Переславль-Залесский и безуспешно предлагало ему 500 рублей за отнятые у Новгорода волости. Конфликт был погашен лишь после очередной поездки московского князя в Орду.

Эти события хорошо известны по общерусским летописям. Однако лишь из уникального известия Вычегодско-Вымской летописи (она велась в резиденции пермских владык – городке Усть-Вымь) становится известным, что конфликт между московским князем и Новгородом произошел именно из-за владений на Печоре и Вычегде, откуда шел основной поток пушнины: «Лета 6841 (1333 г. – *Авт.*) князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцев и на ноугородцев, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди» [16]. Формально это выглядело как получение московским князем права собирать дань на Печоре в счет ордынского «выхода».

Выше уже отмечалось, что при Дмитриии Донском (1359–1389) Печора жалуется в кормление Андрею Фрязину. «Фрягами» на Руси именовали итальянцев, славившихся умением правильно

оценивать, принимать, хранить и продавать пушнину. Эта деятельность требовала особых, специфических знаний. Достаточно сказать, что в зависимости от качества стоимость шкурки соболя в XVI в., от которого дошли первые сведения о ценах на пушнину, могла колебаться от 20 копеек до 2 рублей, т.е. в 10 раз. Московские князья нуждались в людях, умеющих правильно оценить пушнину, – в их казне, помимо денег и множества дорогих вещей, имелась масса мехов.

Новгородцы не оставляли намерения вернуть себе Печору. На протяжении только одного XIV в. они пытались сделать это дважды. Под 1367 г. находим известие о «розмирье» великого князя Дмитрия Донского с Новгородом. Это событие известно целому ряду летописей, но лишь в Вычегодско-Вымской летописи встречаем уникальное известие об условиях заключенного мира: «Лета 6875 (1367. – *Авт.*) князь великий Дмитрей Иванович заратися на Ноугород, а ноугородцы смирилися. Взял князь Дмитрей по тому розмирию к себе Печеру, Мезень и Кегрольские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новугородцом не норовили» [17].

Вместе с тем с конца XIV в. сведения о распоряжении Печорой московскими князьями из источников исчезают. Объясняется это тем, что в 1398 г. вновь обострились московско-новгородские противоречия. Сын Дмитрия Донского Василий I занял Двинскую землю, служившую перевалочным пунктом, через который новгородцы получали «закамское серебро» и дорогие меха, шедшие из Печоры и Югры, а также соколов и кречетов. Жители Двинской земли и даже новгородские воеводы, находившиеся в ней, охотно переходили на сторону великого князя, тем более что его войска взяли уже Вологду, Торжок и другие города, отрезав Двинскую землю от Новгорода. Встревоженные новгородцы поспешили отправить в Москву посольство, но Василий I не хотел и слышать о возвращении Двинской земли. Тогда Новгород направил туда сильную рать, опустошившую край и захватившую изменников-бояр. По возвращении домой главного из них сбросили с моста в Волхов. Позднее в Москву прибыли новгородские послы с челобитьем и большими дарами. Великий князь принял их с большой честью и подписал с ними новый мирный договор, направив в Новгород своим наместником младшего брата Андрея. Причиной такой уступчивости стали дошедшие до него слухи о сношениях Новгорода с великим князем литовским Витовтом. Очевидно, именно тогда, не желая окончательно потерять Новгород, Василий I был вынужден уступить владения на Печоре новгородцам, которые обладали Печорским краем вплоть до конца новгородской самостоятельности. Во всяком случае, под 1471 г. IV Новгородская летопись помещает известие о том, что жители Печоры находились в Заволоцкой рати, сражавшейся с войсками великого князя [18], а упоминания о Печоре отсутствуют в списках московских владений, составленных в 1470-х гг. при подготовке ликвидации новгородской независимости [19].

Конец XV в. стал началом эпохи великих географических открытий. Как известно, в 1492 г. Христофор Колумб открыл Новый свет. Правда, при этом он до конца жизни был убежден, что добрался до земель, лежащих вблизи Китая и Японии. Путь из Европы в западном направлении был сразу же монополизирован испанцами и португальцами, свидетельством чему является Тордесильянский договор 1494 г. между Испанией и Португалией, определивший их сферы влияния в мире. Но из Европы можно было двигаться и в восточном направлении – мимо побережья Норвегии и Русского Севера, чтобы выйти на р. Обь, которая, по тогдашним представлениям, вытекала из «Китайского озера». Однако сразу выйти на Обь мореплавателям долгое время не удавалось – мешали льды Карского моря и поэтому основным путем стала р. Печора, из верховьев которой, перевалив через Уральский хребет, можно было попасть в бассейн р. Обь. В истории географических исследований эти экспедиции получили название поисков Северо-Восточного прохода.

Неудивительно, что в этих условиях, после падения Новгорода в 1478 г. и окончательного присоединения к Москве Печорского края русское правительство обращает пристальное внимание на крайний Северо-Восток Европы, предпринимая шаги по освоению его природных богатств. Самым известным из них стала экспедиция 1491 г. на Цильму в поисках серебра. Из анализа всей совокупности известий о ней в ряде летописей вырисовывается следующая картина.

Остро нуждаясь в драгоценном металле, ибо на Руси его запасов разведано не было и для нужд денежного обращения приходилось перечеканивать западноевропейскую монету, Иван III в начале 1491 г. решил отправить на Печору, где по слухам имелось серебро, специальную экспедицию.

Искать его было поручено иноземным горным мастерам – немцам Ивану и Виктору (именно на их родине были знаменитые Богемские рудники, снабжавшие серебром всю Западную Европу). С ними были посланы Андрей Петров и Василий Иванов сын Болтин. 26 марта 1491 г. они выехали из Москвы [20]. К лету экспедиция прибыла на место и начала обследование отрогов Тиманского кряжа по притокам Печоры. Были обнаружены залежи свинцового блеска, содержащего серебро и медь, а 8 августа 1491 г. по уступам береговой террасы р. Цильмы, «не доходя Космы реки за польдница, а от Печеры реки за семь днищ», было найдено довольно значительное месторождение меди. Разведки показали, что оно обширно по размерам: «а места того, где нашли, на десяти верстах». Встречались и признаки серебра, но провести более детальное изучение помешала надвигавшаяся осень. 20 октября Андрей Петров и Василий Болтин возвратились в Москву с известием о находке [21].

Воодушевленный этим сообщением, Иван III весной следующего года направил на Цильму новую экспедицию. 2 марта 1492 г. из Москвы выехали Мануил Ралев, Василий Иванов сын Болтин, Иван Брюхо Кузьмин сын Коробьин, Андрей Петров. С ними отправились мастера «фрязи» – «серебра делати и меди». В помощь им были даны «делавцы, кому руда копати». С Устюга было набрано 60, с Двины – 100 чел., 80 чел. – с Пинеги. Для снабжения их продовольствием было вытребовано «пермич, и вымич, и вычегжан, и усолит сто человек». Вычегодско-Вымская летопись, сообщая о распоряжении великого князя местному населению давать «ужина» участникам экспедиции, добавляет уникальную подробность: «А на ужена князь великий пожаловал пермичов тони на устье Печоры-реки от Болванские до Пустозерские». По предположению Б.Н. Флори, эти сведения были заимствованы летописцем из какого-либо документа, например, великокняжеской жалованной грамоты на эти угодья [22].

На р. Цильме в 7 км выше впадения в нее Рудянки были заложены медные рудники и плавильные печи. До сих пор приблизительно в 15 км ниже устья р. Космы по обеим сторонам р. Цильмы на пространстве около 10 км рельефно выделяются следы древних разработок: остатки строений с кирпичными печами, погребов, угольных куч, кузнечных и плавильных печей, вокруг которых много шлаков. Обнаруживаются и места, где проводились промывка и толчение руд.

Но результаты оказались довольно неутешительными. Посланцы великого князя выявили породы, содержащие до 50 % меди, однако не встретили месторождений серебра промышленного значения. Добыча же меди оказалась невыгодной из-за сложных условий, короткого промышленного сезона, отдаленности, отсутствия путей сообщения и трудностей со снабжением [23]. Тем не менее именно эта экспедиция считается началом горнорудного дела в России.

Во многом неудача 1492 г. была связана с тем, что в конце XV в. на Печоре еще не было постоянного русского населения. Положение в определенной степени изменилось лишь после похода московских воевод князей Семена Федоровича Курбского и Петра Федоровича Ушатого 1499 г., в результате которого была присоединена Югра, а на Печоре «городок заруби для людеи князя великого», получивший название Пустозерска. Он стал административным центром здешних мест. Еще через три года сюда был направлен наместником из Выми один из местных князьков – Федор Вымский: «Лета 7010 (1502. – *Авт.*) повеле князь великий Иван вымскому Феодору правити на Пусте-озере волостью Печорою, а на Выме не быти ему, потому место Вымское не порубежное» [24].

Любопытно, что на Западе внимательно следили за шагами русского правительства по освоению крайнего северо-востока Европы. Сведения о Печоре находим в «Записках о Московии» барона Сигизмунда фон Герберштейна, дипломата Священной Римской империи. В качестве посла он дважды побывал в России – в 1517 и 1526 гг. Здесь, по его словам, ему была «доставлена рукопись на русском языке, в которой содержалось описание этого пути, и которую я перевел и в точности помещаю здесь». Так на основе русского дорожника в его сочинении появилась небольшая глава «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби», который, как он пишет, был переводом некоего описания, «сделанного на русском языке», согласно которому от Печоры до Китая можно было добраться примерно за десять месяцев [25]. Приведенные Герберштейном сведения довольно точны. В частности, это касается характеристики р. Печоры, которая по оценке автора, «при впадении Цильмы простирается на две версты в ширину». По недавним измерениям, сделанным по льду р. Печоры, ее ширина в районе Усть-Цильмы составляет 1,6 км.

Историки спорили по поводу того, каким образом у Герберштейна оказался данный дорожник. Предполагали, что он достался ему от Семена Федоровича Курбского, который был еще жив на момент посольства Герберштейна, и с которым тот беседовал о подробностях похода 1499 г. Но скорее всего, он получил его от русского дипломата Дмитрия Герасимова, служившего в первые десятилетия XVI в. переводчиком при русских посольствах в Швеции, Дании, Норвегии, Пруссии, Священной Римской империи. В перерывах между посольствами он занимался книжной и переводческой деятельностью. Примечательно, что, вероятнее всего, именно он перевел изданный в Кельне в 1523 г. отчет о кругосветном плавании Магеллана, который на Руси был известен как «Сказание о Молукитцких островах».

Как бы то ни было, но именно из книги Герберштейна, впервые изданной на латинском языке в 1549 г., в Западной Европе стали известны подробности о землях, лежащих на крайнем северо-востоке Европы. Этому способствовало и то, что к данному изданию была приложена карта России и окрестных земель (рис. 3).

Рис. 3. Фрагмент карты, приложенной к книге С. Герберштейна.

Карта Герберштейна была использована выдающимся фламандским картографом XVI в. Абрахамом Ортелием (1527–1598) в вышедшем в 1570 г. атласе «Theatrum Orbis Terrarum» («Зрелище круга земного»), который, по сути, явился первым атласом земного шара в привычном нам смысле этого слова. Эти две карты надолго стали основой для графического изображения Печорского края в XVII и первой половине XVIII в. Так, изданная в Амстердаме в 1614 г. карта России Г. Гесселя фактически их повторяла.

Говоря об основании Пустозерска, нельзя не отметить одно обстоятельство. На европейских картах XVI–XVII вв. кроме Пустозерска на нижней Печоре обозначен еще один город – Печора. К сожалению, его точное местоположение неизвестно – одни картографы помещают его на правом берегу реки, другие – на левом. Исследователи, обратившие внимание на этот факт, пытались объяснить его тем, что западноевропейские путешественники так называли Пустозерск по имени реки. Другие отождествили его с Ортинским городищем, открытым археологами во второй половине XX в. Правда, раскопки 80-х – начала 90-х гг. XX в. отнесли существование этого памятника

к X–XIII вв., а следовательно он не мог существовать в XVI–XVII вв., когда фиксируется западноевропейскими картами [26].

Определенный ключ к решению проблемы дает известие разрядных книг, отмечающих при описании похода 1499 г., что русские рати «пришли в Печору реку до Усташу-града... да тут осенева-ли и город зарубили» [27]. Где стоял последний, неизвестно. В литературе было высказано мнение, что в нем жили вогуличи, т.е. манси. Это подтверждается тем, что название Усташ достаточно надежно этимологизируется на почве мансийского языка: *манс.* Us-ty (r), Us-tew(s) досл. «городецкое озеро» (манс. us «городец», ty(r), tew(s) «озеро») [28].

В данном случае, очевидно, имеем ситуацию, когда места сбора дани отстояли на некотором расстоянии (обычно 15–20 км) от мест проживания податных групп. Пустозерск с самого начала возник как пункт сбора дани с местного населения, жившего в вогульском городке Усташ. При выборе места для него воеводы руководствовались прежде всего оборонительными условиями – с трех сторон он был окружен водой, что делало невозможным внезапный удар. Если мы правы, то следы вогульского городка Усташ следует искать в радиусе около 20 км от Пустозерска.

Потребовалось еще полвека, чтобы берега нижней Печоры были окончательно заселены. Под 1544 г. Вычегодско-Вымская летопись сообщает: «Лета 7052 пожаловал князь великий Иван новгородца Ластку да Власку печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и безошлино, а оброку рублевую за тони и бечевники привозити на Москву вместе с вычегжаны и вымичи» [29].

Мы не знаем, на какой срок были освобождены от уплаты податей первые обитатели Усть-Цильмы. По косвенным данным можно полагать, что он составлял 20 лет. Судить об этом можно по известию Вычегодско-Вымской летописи под 1564 г. о присылке на Печору писцов: «Они же писцы волостку Пусто-озеро в оброки верстали и самоядские луки писали». К 1575 г. относится ее же сообщение о проведении писцового описания на Печоре: «Лета 7083 (1575. – *Авт.*) писцы князя великого Василий Агалин, Степан Федоров писали Пустозерскую волостку и отписали от Вымского присуду слободки Усть Цилемскую и Ижемскую, а велено быти тем слободкам за присуду за Пустозерские» [30]. Однако на практике первым поселенцам пришлось платить в государеву казну больше и гораздо раньше. Из грамоты 1555 г. выясняем, что оброк с владений Ивана Ластки составлял уже 6 рублей в год. Связано это было с тем, что Усть-Цильма вскоре оказалась на довольно оживленном торговом пути в Сибирь, который проложили русские землепроходцы – от Северной Двины, Пине-гою в Кулой, Мезень, Пезу, Цильму, Печору, Усу и далее на оленях к Оби. Естественно, правительство не упустило возможности наложить оброк с жителей столь бойкого места.

Во всяком случае, именно после писцового описания 1575 г. образовался самостоятельный Пустозерский уезд, просуществовавший почти полтора столетия, вплоть до губернской реформы 1709 г. Петра I, когда вошел в состав Архангельской губернии.

Источники и литература

1. ПВЛ. – С. 8, 10.
2. ПВЛ. – С. 107–108.
3. ПВЛ. – С. 107, 126–127.
4. ПСРЛ. – Т. I. – С. 132.
5. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 90.
6. ПСРЛ. – Т. III. – С. 19; См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / *С.М. Соловьев.* – Москва: Соцэргиз, 1959. – Кн. I. – С. 643–644.
7. ПСРЛ. – Т. III. – С. 221.
8. ГВНП. № 1–3, 6, 9, 14, 15, 19, 22, 26, 77.
9. АСЭИ. Т. III. № 1–4; ГВНП. № 83–85, 87; О датировке см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / *В.Л. Янин.* – Москва: Наука, 1991. – С. 151–152, 163–165, 172.
10. ПСРЛ. – Т. XV. – Стб. 465.
11. ПСРЛ. – Т. III. – С. 380, 381.
12. ДДГ. № 13, 16, 17.
13. АСЭИ. Т. III. № 1.

14. ГВНП. № 84, 85.
15. URL: [http:// www. Gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/724/](http://www.Gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/724/) (дата обращения: 01.07.2022).
16. КВЛ. – С. 257; Характеристику этого источника см.: *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись / *Б.Н. Флоря* // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. – Москва: Наука, 1967. – С. 218–231.
17. КВЛ. – С. 257–258.
18. ПСРЛ. – Т. IV. – С. 128.
19. АСЭИ. Т. III. № 14–16.
20. ПСРЛ. – Т. XII. – С. 228; – Т. XVIII. – С. 274.
21. ПСРЛ. – Т. XXVI. – С. 287; – Т. XXVII. – С. 362; – Т. XXVIII. – С. 156; – Т. XXXIII. – С. 128, 149.
22. КВЛ. – С. 264; *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись / *Б.Н. Флоря*. – С. 223.
23. ПСРЛ. – Т. XXVI. – С. 288.
24. КВЛ. – С. 264.
25. *Герберштейн С.* Записки о Московии / *С. Герберштейн*. – Москва, 2008. – Т. 1. – С. 365–377 (текст дан на латинском и старонемецком языках, с параллельным переводом на русский).
26. *Ясински М.Э.* Пустозерск. Русский город в Арктике / *М.Э. Ясински, О.В. Овсянников*. – Санкт-Петербург: Петерб. востоковедение, 2003. – С. 77–103; *Окладников Н.А.* Пустозерск и Пустозерье. Из истории Печорского края / *Н.А. Окладников*. – Архангельск: Правда Севера, 2010. – С. 37–43.
27. *Миллер Г.Ф.* История Сибири / *Г.Ф. Миллер*. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. I. – С. 204.
28. *Игнатов М.Д.* Этимологии различных названий городка Пустозерск / *М.Д. Игнатов* // История и культура российского севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – Ч. 3. – С. 17.
29. КВЛ. – С. 265.
30. КВЛ. – С. 266.

Список сокращений

- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Москва: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. III.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950.
- КВЛ – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958.
- ПВЛ – Повесть временных лет. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1999.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. I. *Лаврентьевская летопись*. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846; Т. III. Новгородские летописи. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. – С. 19; Т. IV. V Новгородская и Псковская летописи. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848; Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – Москва: Языки русской культуры, 2000; Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – Москва: Языки русской культуры, 2000; Т. XVIII. *Симеоновская летопись*. – Москва: Языки славянских культур, 2007; Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2006; Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. – Москва: Языки славянских культур, 2007; Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963; Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Ленинград: Наука, 1977.

О.А. Куратов*

**Особенности внутренней миграции населения территории
Печорского уезда Архангельской губернии (конец XIX – начало XX в.)****

В статье производится анализ особенностей внутренних миграций на территории Печорского уезда в конце XIX – начале XX в. на основе делопроизводственной документации Управления земледелия и государственных имуществ Архангельской губернии. Особое внимание уделяется влиянию географического фактора на масштаб переселений на территории Печорского уезда.

Ключевые слова: внутренние миграции, Печорский уезд, Европейский Север России

O.A. Kuratov

**Features of internal population migration of the Pechora County territory
of the Arkhangelsk Province (late XIX – early XX centuries)**

The article analyzes the features of internal migrations on the territory of the Pechora County in the late XIX – early XX centuries on the basis of official documentation of the Department of Agriculture and State Property of the Arkhangelsk Province. Particular attention is paid to the influence of the geographical factor on the scale of resettlement in the Pechora County.

Key words: internal migration, Pechora County, European North of Russia

Внутренние миграции населения в Российской империи, носившие в пореформенную эпоху бессистемный характер, в конце XIX в. начинают регламентироваться государством, которое выработывает новую политику в отношении переселенческого движения с целью его рационализации и поощрения миграции в восточном направлении. Этот процесс был связан с аграрным кризисом: малоземельем и избытком рабочих рук в центральных губерниях страны [1, с. 230]. В целом политика правительства к концу XIX в. стала постепенно меняться в сторону смягчения запретительных норм для крестьян-переселенцев [2, с. 115].

13 июля 1889 г. был принят закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» [3, с. 535]. Он сделал статус легального переселенца более привлекательным, поскольку позволял получать денежные ссуды на обустройство хозяйством, и практически не ограничивал в вариантах пользования ресурсами осваиваемой территории.

В связи с тем, что сегодня в Российской Федерации поставлена задача дальнейшего хозяйственного развития северных, сибирских и дальневосточных территорий (в том числе при помощи стимулирования миграции населения из центральных областей), а также очень актуальна проблема оттока населения из регионов, изучение внутренних миграций в означенный исторический период представляется достаточно важным.

Одной из самых слабозаселенных территорий Европейского Севера России в конце XIX в. был Печорский уезд Архангельской губернии (средняя и нижняя Печора с притоками Ижмой, Цильмой, Усой и др.), с центром в с. Усть-Цильма, выделенный в 1891 г. из Мезенского уезда. Эта территория соответствовала границам бывшего Пустозёрского уезда (сущ. с 1606 по 1780 г.). Площадь уезда

* Куратов Олег Александрович (Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, olegkuratov@mail.ru.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

в 1897 г. составляла 402,4 тыс. км². При столь обширной площади, как уже было отмечено, население уезда было незначительным – по данным переписи 1897 г. его количество составляло 35 тыс. чел. [4].

По описанию известного географа Николая Васильевича Латкина, северная часть уезда представляет собой огромное равнинное пространство, тундру, местами поросшую мелким кустарником, в основном лишайниками, мхами и мелким ивняком. Малоземельская тундра расположена к западу от низовьев Печоры, а Большеземельская тундра – к востоку от Уральских гор. В некоторых местах тундра изрезана горами и возвышенностями. Южная часть уезда представляет собой всхолмленную равнину, в юго-западной части проходят отроги Тиманского кряжа, а в юго-восточной части – Урала [5, с. 548].

Важно отметить климатические условия территории. В статье о Печорском уезде для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Н.В. Латкин отмечает, что «климат в крае суровый, лето длится не более 2,5 месяцев. Осень при этом наступает уже в конце августа, зима – в конце октября, весна начинается с конца апреля. Латкин пишет, что летом хотя и бывает жара, но недолго, чаще дожди и сильные северные ветры, особенно в северной части уезда». В целом, по словам Латкина, лето в Печорском уезде холоднее, чем в более западной части Архангельской губернии под теми же широтами. «Земледелие служит поэтому только некоторым подспорьем для жителей, да и то только для южной части края», – делает важный для нас вывод Н.В. Латкин [5, с. 549].

Основным источником по истории внутренней миграции Печорского уезда во второй половине XIX – начале XX в. являются материалы Управления государственных имуществ Архангельской области. Обратимся к краткой характеристике этого государственного учреждения, оформившегося в качестве самостоятельного органа 1 мая 1839 г. согласно указу Императора Николая I как Архангельская палата государственных имуществ Министерства госимуществ. Открытие состоялось при архангельском гражданском губернаторе А.Н. Муравьеве. Палата была реорганизована указом Сената от 22 декабря 1866 г. в Управление государственных имуществ Архангельской губернии (далее – Управление). После аграрной реформы 1866 г. Управление занималось незаселенными землями, казенными, крестьянскими и другими лесами, их разработкой, учетом доходов и расходов, разведкой полезных ископаемых, учетом иностранных поселенцев, а также переселенческими мероприятиями. Находилось в ведении Министерства земледелия и госимуществ, с 1905 г. – Главного управления землеустройства и земледелия, с 1915 г. – Министерства земледелия. Упразднено в декабре 1917 г. [6]. Делопроизводственные документы, содержащие сведения о работе Управления, содержат ценные сведения о количестве населения, деревень, землевладений крестьян, их переселении.

Необходимо учитывать ряд трудностей, с которыми неизбежно сталкивается исследователь, использующий данные государственных учреждений. Известный специалист по исторической географии В.К. Яцунский отмечал, что изучение динамики массовых явлений прошлого <...> осложняется неполнотой, и, часто отрывочностью сохранившихся данных [7, с. 34]. Это в полной мере относится и к данным Управления.

Основной корпус документов Управления, отражающих количество переселенцев – дела о разрешении переселения крестьян из одной местности в другую. Содержание дел раскрывает управленческий механизм предоставления в пользование нового участка казенной земли. Прежде всего, переселенец должен был направить письменное прошение на имя «Его Высочородия Господина чиновника по крестьянским делам Архангельского уезда» с указанием фамилии, имени просителя (в случае коллективного прошения – всех заявителей), места проживания на данный момент, описанием участка земли, желаемого для переселения, указанием причины переселения.

Стоит отметить, что в 1910 г. по инициативе Главногоуправляющего Землеустройством и Земледелием А.В. Кривошеина в Архангельской губернии с помощью административных ресурсов Управления проводится исследование, направленное на выработку управленческих решений по вопросу образования переселенческих участков для крестьян из других губерний, а также участков для продажи. В рамках исследования с каждого уезда губернии собирались сведения о количестве поданных прошений о переселении за период с 1900 по 1910 г. (как о переселении внутри уезда, так и извне), а

также о количестве неразрешенных дел по прошениям крестьян. По этим данным были составлены сводные таблицы за указанное десятилетие, для нас они также являются ценным источником.

Рассмотрим количество поданных прошений за период с 1891 по 1917 г. Исходя из имеющихся дел о переселении, с момента образования Печорского уезда по 1899 г. было подано три прошения, одно из которых было коллективным (6 чел.), все они касаются перемещений в пределах губернии [8; 9].

За период с 1900 по 1910 г. было крестьянами подано 35 прошений на перемещение в пределах Печорского уезда. При этом шесть из них были коллективными и подписывались сразу несколькими крестьянами, желающими перемещения в пределах одной местности. В них в общей сложности перечислялись еще 27 заявителей. Стоит заметить, что количество поданных прошений по Архангельской губернии за указанное десятилетие в целом невелико (300) – из них, таким образом, доля прошений крестьян Печорского уезда составляет 11,6 % [10].

За весь период с 1900 по 1910 г. было подано лишь одно прошение на перемещение в пределы Печорского уезда иногубернскими крестьянами – в нем указаны 10 семейств из разных волостей, при этом самовольно переселившихся.

С 1911 по 1917 г. были удовлетворены 11 прошений крестьян, перемещающихся в пределах Печорского уезда [11]. Два прошения поступили от крестьян Симбирской и Вологодской губернии [19; 20]. На одно прошение был дан отказ, в связи с тем что крестьянин ходатайствовал об отводе земли лишь под возведение усадьбы [21]. Одним из условий выделения участка казенной земли было именно обещание ее сельскохозяйственного использования.

В случае самовольного переселения крестьян проводилась аналогичная процедура с той лишь разницей, что прошение предваряла докладная записка Лесного Ревизора, в которой разъяснялась конкретная ситуация с ходатайством об удовлетворении уже предварительно составленного официального прошения от лица крестьян.

Несомненно, случаев самовольного переселения на новые участки земли могло быть намного больше. Так, например, в докладной записке Лесного Ревизора Третьякова от 1915 г. о самовольном поселении группы самоедов (ненцев) в с. Усть-Уса упоминается, что они жили оседло на данной территории уже несколько лет и сами обратились с ходатайством об уже официальном переселении на новую местность. Причиной их желания переселиться стало отношение местных жителей Усть-Усы, которые пытались обложить самоедов сборами. Возник конфликт, в результате чего самоедам стало «непосильно жить» в селе [22]. Итак, факт переселения стал очевидным лишь в результате самостоятельного обращения новых поселенцев в государственные органы, что говорит о несовершенстве системы учета переселенцев.

Экономический интерес казны в отношении Печорского уезда выражался, в первую очередь, в лесных богатствах края, которые и стали главной причиной выделения его в самостоятельную административную единицу. Поэтому при принятии решения о выделении крестьянам казенного участка незанятой земли учитывалось именно наличие на нем ценных пород леса, и лесничий, отвечая на запрос Управления, чаще всего делал акцент именно на этом. Так, к примеру, описывает местность в районе Ижемской дачи лесничий Печорского лесничества по прошению крестьянина из Красноборской волости: «участок покрыт ивовым кустарником дровяного качества не имеющего важного значения в лесохозяйственном отношении, и при этом участок пригоден для сельскохозяйственного пользования» [23].

В прошениях, как уже отмечалось выше, крестьяне сообщали о состоянии желаемого для переселения участка казенной земли. Так, к примеру, описывают земельный участок в местности Подворье, Терпиловской дачи крестьяне из Ижмы (6 чел.). Место «вполне удобное для поселения, потому что земля сухая: грунт песчаный, дальше вдоль речки находится холм, на котором произрастает лес сосновой породы. Бор этот возможно разрабатывать для обращения в земельное угодье пахоты. Вообще вся окрестность этой местности на довольно значительном пространстве вполне удачна для заселения, а в особенности в том отношении, что близость Двинской губы и реки Маймаксы даст возможность заниматься рыбной ловлею» [24]. Традиционные промыслы, безусловно, играли важнейшую роль в жизни населения Печорского уезда, поэтому оценивая пригодность того или иного

нового участка земли для проживания своих семей, они искали в них удобства с точки зрения доступа к рыбным местам и охотничьим угодьям.

Таким образом, внутренние миграции населения на территории Печорского уезда в конце XIX – начале XX в. носили характер эпизодического перемещения крестьян в местности, которые считали более пригодными для ведения хозяйственной деятельности. Чаще всего эти местности были не сильно удалены от предыдущего места жительства. В большинстве случаев крестьяне брали расходы на переселение на себя. При этом основным мотивом для переселения служила в первую очередь близость выбранного участка к местам, пригодным для занятия традиционными промыслами. Климатические условия и состояние путей сообщения в уезде, очевидно, не способствовали привлечению переселенцев из других губерний, что подтверждается соотношением количества таких прошений о переселении в сравнении с прошениями о переселении крестьян внутри Печорского уезда.

Источники и литература

1. *Есикова М.М.* Аграрный кризис конца XIX – начала XX века / *М.М. Есикова* // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnyy-krizis-kontsa-hih-nachala-hh-veka> (дата обращения: 08.10.2022).
2. *Грицай В.В.* Основные тенденции развития миграционных процессов в Российской империи в конце XIX – начале XX в. / *В.В. Грицай, И.В. Яблонский* // Общество и право. – 2019. – № 1 (67). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-migratsionnyh-protsessov-v-rossiyskoy-imperii-v-kontse-hih-nachala-hh-v> (дата обращения: 08.10.2022).
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том IX. 1889 г. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1891. – 1490 с. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10002/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 08.10.2022).
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=18 (дата обращения: 07.10.2022).
5. *Латкин Н.В.* Печорский уезд / *Н.В. Латкин* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIIIа. – Санкт-Петербург, 1898. – С. 548–550.
6. Открытие Архангельской губернской палаты государственных имуществ // Архангельская областная летопись: (с древнейших времен до наших дней). – Архангельск: Государственный архив Архангельской области, 2014. – С. 206.
7. *Яцунский В.К.* О применении статистического метода в исторической науке / *В.К. Яцунский* // Исследования по отечественному источниковедению: сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. – Москва: Наука, 1964. – С. 26–36.
8. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 115. Оп. 11. Д. 426–427.
9. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 462.
10. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1026. Л. 10.
11. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1239.
12. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1536.
13. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1550.
14. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1561.
15. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1578.
16. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1604–1605.
17. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1674.
18. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1678–1679.
19. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1453.
20. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1606.
21. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1582. Л. 4.
22. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1679. Л. 5об.
23. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1578.
24. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 462. Л. 2–2об.

А.Ф. Старцев*

Средства транспортировки и передвижения у тунгусо-маньчжурских этносов южной части Дальнего Востока России

Рассматриваются традиционные способы средств передвижения и доставки промысловой продукции к жилищу, которые были обусловлены физико-географическими условиями расселения аборигенов региона и зависели от направления хозяйственной деятельности. Малочисленные народы Севера при хождении по тайге пользовались посохом, по воде передвигались на лодках разных конструкций, а зимой использовали лыжи двух видов и промысловые нарты. Продукцию охоты, рыболовства и собирательства переносили на специальных заплечных носилках.

Ключевые слова: традиция, аборигены, транспорт, тайга, посох, лыжи, нарты, лодки

A.F. Startsev

Means of transportation and movement among the Tungus-Manchu ethnic groups of the southern part of the Russian Far East

The traditional methods of transportation and delivery of fishery products to the dwelling are considered, which were due to the physical and geographical conditions of the settlement of the natives of the region and depended on the direction of economic activity. The small peoples of the North, when walking in the taiga, used a staff, moved on water in boats of various designs, and in winter they used two types of skis and fishing sleds. The products of hunting, fishing and gathering were carried on special shoulder stretchers.

Key words: tradition, natives, transport, taiga, staff, skis, sleds, boats

Традиционные способы средств передвижения и доставки промысловой продукции к месту назначения тесно связываются с физико-географическими условиями местности и во многом зависят от направления хозяйственной деятельности.

Малочисленные народы Приамурья, Приморья и Сахалина в поисках пищи осваивали водные и сухопутные пути сообщения. Одну половину года они практически проводили на воде, поэтому водные пути сообщения в бассейне р. Амура и в бассейнах рек, впадающих в Японское и Охотское моря, были хорошо изучены охотниками и рыбаками. Хорошо аборигены знали и таежные тропы. В поисках диких зверей охотники уходили за многие сотни километров от своего жилья и проводили вдалеке от дома по два–три месяца. Во время переходов из одной местности в другую аборигены узнавали новые пути сообщения, прокладывали путики и помечали дорогу зарубками на деревьях, которые имели различные значения.

Летом охотники региона при движении по тайге пользовались обыкновенной палкой – посохом, при помощи которой сохраняли равновесие при переходе через реки и горные ручьи. Посохом промысловик искал съедобные и лекарственные травы, защищался от ядовитых змей, посох сохранял устойчивость человека при спуске с горы и т.д. [4, л. 108].

Каждый охотник весь свой скарб носил на себе. Для переноски охотничьего инвентаря, постели, продуктов питания и других вещей, без которых человек не мыслит свое существование, использовались специальные приспособления – *сина* и *ханами*.

* **Старцев Анатолий Фёдорович** (Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, starcev.42@mail.ru.

Первое приспособление, характерное для нанайцев, ульчей, орочей и удэгейцев, называлось *сина* (удэгейцы), *хина* (орочи), *пина* (ульчи и нанайцы) [19, с. 325]. Оно представляет собой одну или две вилообразные рогульки, соединенные ремешками и снабженные плечевыми лямками*. При необходимости носилки *сина* изготовлялись на месте промысла. Охотник вырезал нужной величины рогульку, прикреплял к ней лямки из свежей коры *илакя* маньчжурского ореха *кусиктэ*. На изготовление таких носилок или приспособления требовалось не более 15 минут. Заплечные носилки аборигенов *сина* являются замечательным изобретением древних охотников: они удобные, легкие, вместительные и не требуют больших затрат времени на изготовление [22, с. 67].

Второй тип приспособления *ханами* (нанайцы, ульчи, удэгейцы) [22, с. 67] для переноски тяжелых представляет собой дощечку с двумя лямками и многочисленными тесемками, при помощи которых увязывали необходимый груз [8, с. 66]. Конструкция носилок *ханами* удэгейцами, нанайцами и ульчами заимствована у эвенков.

Охотники Приамурья, Приморья и Сахалина, занимаясь добычей копытных животных, часто использовали водные средства передвижения. При добыче лосей или изюбров охотники чаще всего использовали лодки-долбленки. Согласно классификации В.В. Антроповой, лодки народов Приамурья и Приморья по конструкции кормы и носа относятся к двум типам амурского варианта [9, с. 114].

Первый тип долбленок – остроконечная оморочка, второй – лодка с лопатообразным носом. Лодка с лопатообразным носом и прямой кормой известна русским переселенцам под названием *бат* [13, с. 19]. Этот тип лодки использовался для перевозки больших грузов и добычи рыбы, а остроконечная оморочка применялась охотником при добыче копытных животных в заводях и протоках реки.

Изготавливалась оморочка из липы или тополя *амигда* больших размеров. Оморочку хорские удэгейцы называли термином *утунгиэ*, бикинские, самаргинские и иманские удэгейцы, а также орочи, ульчи, уилта – *угда*, нанайцы и негидальцы – *огда* [19, с. 244]. У оморочки дно овальное, а корма и нос имеют заостренные формы. Обычно длина ее 5–6 м, ширина – 60 см, высота – 25 см, толщина бортов – 2 см. Процесс и последовательность изготовления оморочки осуществляется примерно так: выбранное дерево абориген валит в нужном направлении, в пень втыкает веточку того же дерева, которая символизировала душу живого тополя *соогини*. Если не сделать этого, считали аборигены, то лодка перевернется и погубит своего хозяина. Строго запрещалось изготавливать лодку из выброшенного на берег или поваленного бурей дерева, душа которого, по представлениям коренных жителей, находилась в загробном мире *бунигэ* [20, с. 140].

При обработке поваленного дерева от комля отмерялось и отделялось 5–6 м. Полученное бревно поднимали на козлы *вогэ* и с помощью специального топорика *хэмэнгку* и тесла *досингку* начинали выборку древесины. Толщина бортов лодки *тактани* достигает 2 см. Днище *хээни* делалось заууженным и вдвое толще, чем борта. Выдолбленную, но еще не законченную лодку переносили от места ее изготовления (из тайги) к берегу реки. Там ее устанавливали на катки, под лодкой равномерно раскладывали бересту и поджигали. Это делалось для того, чтобы лодку просушить и окурить дымом. Во время опаливания борта оморочки выравнивали особым способом и устанавливали распорки [21, с. 131].

По обычаям аборигенов Нижнего Амура нельзя было опаливать лодку на том месте, где она изготавливалась. Этот предмет, предназначенный для человека, должен быть завершен там, где он будет ему служить, иначе для её хозяина наступит быстрая смерть (лодка перевернется) и она станет последним его пристанищем [20, с. 141].

Плавание на оморочке требовало умелого и осторожного обращения с ней. «Для человека незнакомого с оморочкой плавание на ней даже в сидячем положении очень трудно, – подчеркивал А.Л. Белькович, – так как она очень легка и валка на воде и малейшее, неосторожное, и неловкое движение ведет к тому, что оморочка опрокидывается, а сидящий в ней неопытный пловец, падает в воду; каждый же орочон совершенно свободно плавает на оморочке стоя, чувствует в ней себя как дома и нередко только быстрыми поворотами своего корпуса он заставляет свое легкое суденышко поворачиваться кругом и в стороны» [7, с. 29].

* У иманских удэгейцев выявлена конструкция носилок не из рогулек, а из двух согнутых палок.

Кроме лодки-долбленки *угда*, в прошлом охотники Нижнего Амура пользовались оморочками *зав*; *завкаан* (эвенки), *зави* (солоны, орочи), *зай* (уйлта, нанайцы), *зай* (ульчи), *зайа* (маньчжуры), сделанными из бересты [18, с. 240].

Охотники в долбленках и берестяных лодках передвигались при помощи двухлопастного весла *суи* (орочи) (*ванмисуу* – бикинские; *суу* – хорские, самаргинские и бикинские удэгейцы), *соил*, *сои* (нанайцы), *суј* (ульчи), *гёвул* (негидальцы), *геевун* (эвенки) [1, с. 225; 20, с. 144; 21, с. 132]. Двухлопастное весло применялось только при плавании в оморочке по заводи или реке с тихим течением во время охоты на лося или изюбра. Отправляясь на охоту в ночное время, охотник укладывает перед собой на фигурные перемычки *уки* ружье *мёуса* и берет специально предназначенные только для охоты короткие весла *мэгу* или *патахи* (удэгейцы), *мэлбиэ*, *мэлбикэ* (нанайцы), *мэлбике*, *мэлбу* (ульчи), *мэббу*, *мэббуку* (орочи), *мэлби* (уйлта), *мэбикэн*, *мэлбинхэн* (негидальцы), *мэлбикэ* (эвенки) [18, с. 566], длина которых составляла 50–60 см. Чтобы весла не потерялись, их привязывают за ручки ремешками. Соединенные весла вешают на шею, берут за концы ручек и гребут с подветренной стороны по реке недалеко от берега. Малые размеры весел позволяют избегать лишнего шума и всплесков, что дает возможность незаметно подплыть к зверю на водопое. Когда охотник приближается к зверю, он без малейшего шума выпускает весла из рук в воду, тихо берет ружье и стреляет [20, с. 145].

В тихих и мелких заводях вместо коротких весел использовали небольшие шесты *гауга* (удэгейцы), *гао* (нанайцы), *гоану* (ульчи), *гау* (орочи), *гоопу* (уйльта), *гавун* (негидальцы, эвенки) [18, с. 134], при помощи которых отталкивались от дна протоки, причем это делалось так тихо и умело, что ни одна капля с шестов не падала в воду. Когда охотник подплывал близко к животному, он втыкал шесты в дно и стрелял. Вместе с убитым животным шесты забирали в лодку [22, с. 198].

Зимой охотники использовали сухопутные средства передвижения – лыжи и нарты. По классификации В.В. Антроповой лыжи относятся к двум разновидностям амурского типа [9, с. 84]. Первая разновидность лыж – простые деревянные *кунгилтэ* (нанайцы, уилта, ульчи), *кингэнэ* (негидальцы, эвенки), *кингил* (орочи), *кингилэ* (удэгейцы), *кингна* (эвены) [18, с. 396] и вторая – с меховой обшивкой *сугала* (удэгейцы), *соксилта* (нанайцы), *соксила* (негидальцы), *сулгилта* (уйлта), *суикта* (орочи), *султа* (ульчи), *сууксилла* (эвенки), *хуулдаа* (эвены) [19, с. 122]. Лыжи *кингилтэ* и *сугала* делали из березы, реже из дуба, пихты и др. деревьев.

Охотничьи лыжи народов Приамурья и Приморья в зависимости от роста человека имели длину от 170 до 200 см [14; 15]. Лыжи *голицы* охотниками использовались весной, когда снег был скользким и твердым, а лыжи с камусной основой применяли зимой при глубоком снеге.

На лыжах охотники делали большие переходы по тайге со специальной лыжной палкой или так называемым посохом *тијэвун* (эвенки), *тијун* (эвены), *тијэвун* (негидальцы), *тијоо* ~ *тијэу(н-)* (орочи), *тиу*, *тиэу(н-)* (удэгейцы), *тинэпу(н-)* (ульчи), *тэинггэпту(н-)* ~ *тэнггэипту(н-)* (уйлта), *тунэпу* (нанайцы), *тэјфун* (маньчжуры), длина которого достигала плеч охотника [19, с. 176]. Нижний конец палки снабжался костяным наконечником *сасу*, сделанным из рога изюбра, и подвижным ограничителем – кольцом *пэгулэ*. Верхний конец посоха имел вид небольшой лопаточки, предназначенной для разгребания снега [6, л. 40–41; 23]. При спуске с горы охотник садился на лыжную палку верхом и ловко скатывался вниз. «Искусство ходить на лыжах у них развито до виртуозности, – писал В.К. Арсеньев об удэгейцах. – Например, спускаясь по склону горы к реке, которая еще не замерзла, и, опираясь на правило, ловкачи около самой воды описывают окружность и опять поворачиваются лицом в гору» [2, с. 25]. Умение аборигенов хорошо ходить на лыжах не раз спасало им жизнь в критические минуты. Так, например, один из приморских удэгейцев при плавании с торговцем на лодке в районе устья Амгу оказался отрезанным от берега шугой. Оценив положение, удэгеец надел лыжи и бегом по кашеобразной массе мелкого льда добрался до берега. Его спутник, пожалев свой товар, не последовал его примеру и утонул [3, с. 193]. Охотничьи лыжи народов Приамурья и Приморья – это замечательное изобретение таежных охотников. «Они как нельзя лучше приспособлены для передвижения по гористой и лесистой местности. Предельно тонкая, очень легкая основа, подклеенная лосиным камусом, придавала лыжам чрезвычайную гибкость и эластичность. Эти качества обеспечивали скорость бега по рыхлому снегу и позволяли

без особой затраты энергии совершать длительные переходы во время преследования выслеженного зверя. Камусная подшивка при подъеме в гору затормаживала движение лыж назад и одновременно заглушала шум от скольжения, облегчая тем самым условия для скрадывания зверя на близком расстоянии» [10, с. 17].

Зимой для перевозки грузов удэгейцы, нанайцы, орочи, ульчи, негидальцы, уилта использовали низкую прямокопыльную нарту *турки* (эвены), *тукки* (орочи), *тухи* (удэгейцы), *тучи* (ульчи, уилта), *токи* (нанайцы) [19, с. 220] без дуг. Ручные грузовые нарты охотников на Нижнем Амуре имели длину от 3,5 до 5 м, шириной 40 см и высотой от 30 до 40 см, полозья загнуты спереди и сзади, концы которых скреплялись горизонтальными планками [16, с. 168–169]. «Нарту тянули с помощью ремня и лямки, надеваемой на правое плечо. К левому переднему копылу обычно прикрепляли длинную жердь («оглоблю»), ею охотник направлял движение нарты, а при спуске с гор тормозил» [17, с. 106].

У охотников были грузовые нарты – большие и малые. На малых нартах имелось две пары прямых копыльев, а у большой – до пяти пар. Груз *тэвуу* (эвенки, негидальцы), *тэву* (орочи), *тэвэ* (удэгейцы, ульчи, уилта, нанайцы) [19, с. 224–225] укладывали на настил из тонких жердочек, покоящихся на поперечных горизонтальных вязках, попарно соединяющих копылья чуть выше их середины, образующих раму («кузов») нарты. Орочи, уилта и ульчи имели небольшие нарты с загнутыми полозьями только с одной стороны. Этот тип нарты *ончоко* (орочи) [11, с. 42], *онгсо* (сахалинские эвенки и ульчи), *оксо* (уилта) [19, с. 22] использовался охотниками, но в нартах отсутствовали правила.

Охотничьи нарты очень легкие и удобные в использовании. На нартах перевозились припасы, охотничье снаряжение, утварь и прочее снаряжение, необходимое во время зимнего промысла. «Все припасы укладываются с учетом очередности их использования. Вниз кладутся наиболее тяжелые вещи и припасы, которые будут расходоваться на месте промысла. Поверх их увязываются припасы, необходимые в пути... Поверх всего слева закрепляются копьё гида, ружье, патронташ. Сзади нарт на груз дном вверх крепятся котел, топор и постель. Справа впереди ставят ящик с табаком, который расходуется в пути. Вся упаковка строго продумана и отвечает требованиям длительного пути. Даже если бы нарта перевернулась, груз остается целым и невредимым. Общий вес охотничьей нарты достигал 240–250 кг, иногда 290 кг» [16, с. 170].

Нарту всегда тянул охотник вместе со своей собакой. В отличие от нанайцев, ульчей и других народов Дальнего Востока, имевших специальных ездовых собак, удэгейцы использовали одних и тех же собак и на охоте, и при перевозке тяжестей. Применение собак в качестве тягловой силы было известно многим народам Сибири и Дальнего Востока [12, с. 76–80], но у удэгейцев упряжное собаководство большого развития не получило. Очевидно, это связывалось с полукочевым охотничьим образом жизни, при котором лишние собаки в хозяйстве были не нужны.

Традиционные средства передвижения народов Приамурья и Приморья – лодки, лыжи и нарты полностью соответствовали хозяйственной деятельности этносов. Они были прочные, легкие и не требовали много времени и дорогого материала на изготовление. Их конструкция была тесно связана с направлением хозяйственной деятельности, а также физико-географическими условиями местности. Средства передвижения аборигенов исследуемого региона развивались в течение веков не изолированно от других народов. Терминология средств передвижения, распространенная среди нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев и других аборигенов, в значительной мере связана с тунгусским компонентом.

В годы советской власти национальные средства передвижения претерпели большие изменения и имеют свою историю. Но до настоящего времени аборигены используют традиционные нарты *тухи* в домашнем хозяйстве и промыслах.

В 1980-е гг. у охотников проявляется повышенный интерес к мотосаням типа «Буран», к которым промысловики прицепляют нарты или небольшие сани и из тайги доставляют продукцию охоты в село [5, л. 48].

Из традиционных водных средств передвижения в охотничьем промысле сохраняются оморочки, которыми и ныне пользуются охотники.

Несмотря на то, что современные средства передвижения вытеснили традиционные грузовые лодки, значительно сократили применение национальных нарт, легких лодок и лыж, они сыграли

большую роль в жизни аборигенов и обогатили их культуру. В наши дни невозможно представить охотника-аборигена без оморочки и моторной лодки, без традиционной нарты и мотосаней «Буран», которые не только облегчают труд промысловика, но и сокращают время при следовании к местам промысла. Сочетание традиционных средств передвижения с современными не нарушает общей гармонии развития национальной культуры, а ведет ее к дальнейшему развитию.

Литература и источники

1. *Аврорин В.А.* Ороческие тексты и словарь / *В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева.* – Ленинград: Наука, 1978. – 264 с.
2. *Арсеньев В.К.* Лесные люди удэгейцы / *В.К. Арсеньев.* – Владивосток: Кн. дело, 1926. – 48 с.
3. *Арсеньев В.К.* За соболями: (Скупщики пушнины на Дальнем Востоке) / *В.К. Арсеньев* // Соч. – Владивосток: Примиздат, 1949. – Т. 6. – С. 178–193.
4. Архив Дальневосточного отделения Российской Академии наук (А ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 73). – Полевые материалы А.Ф. Старцева.
5. Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (А ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27). – Полевые материалы А.Ф. Старцева.
6. Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (А ИИАЭ ДВО РАН. ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 144). – Полевые материалы А.Ф. Старцева.
7. *Белькович А.Л.* Из дневника члена Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества А.Л. Бельковича во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 года / *А.Л. Белькович* // Труды ПОИРГО за 1895 год. – Хабаровск, 1896. – С. 20–40.
8. *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / *Г.М. Василевич.* – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
9. Историко-этнографический атлас Сибири. – Москва–Ленинград: АН СССР, 1961. – 498 с.
10. *Ларькин В.Г.* Удэгейцы: (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней) / *В.Г. Ларькин.* – Владивосток, 1958. – 36 с.
11. *Ларькин В.Г.* Ороочи: (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней) / *В.Г. Ларькин.* – Москва: Наука, 1964. – 176 с.
12. *Левин М.Г.* О происхождении упряжного собаководства / *М.Г. Левин* // СЭ. – 1946. – № 4. – С. 76–80.
13. *Надаров И.П.* Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края по результатам путешествия генерального штаба подполковника Надарова 1882/83 г. / *И.П. Надаров.* – Владивосток, 1884. – 37 с.
14. Приморский Государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (ПГОМ им. В.К. Арсеньева), № НВ 1522-4 (4а, 4б)].
15. РЭМ № 1995-77 (а, в); 7003-102/1-2.
16. *Сем Ю.А.* Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Этнографические очерки / *Ю.А. Сем.* – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. – 314 с.
17. *Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект / *А.В. Смоляк.* – Москва: Наука, 1984. – 247 с.
18. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. – Ленинград: Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.
19. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. – Ленинград: Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.
20. *Старцев А.Ф.* Удэгейские лодки-долбленки / *А.Ф. Старцев* // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. – С. 140–147.
21. *Старцев А.Ф.* Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.) / *А.Ф. Старцев.* – Владивосток: ДВО РАН, 1996. – 156 с.
22. *Старцев А.Ф.* Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.) / *А.Ф. Старцев.* – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 444 с.
23. ХКМ им. Н.И. Гродекова, № 7170].

*Н.З. Такижбаева**

**Воины Коми АССР – защитники Родины
(на примере 100-й отдельной стрелковой бригады)**

Рассматриваются формирование и боевой путь 100-й отдельной стрелковой бригады, пополнение бригады призывниками из Коми АССР, их потери и возрастной состав погибших и пропавших без вести в операциях 1943 г. на Калининском, Прибалтийском и Втором Прибалтийском фронтах. Выявлено, что средний возраст красноармейцев составлял 30 лет. Год рождения варьируется в пределах 1900–1924 гг. Отмечается необходимость изучения архивных документов воинов 100-й бригады, призванных районными военными комиссариатами Коми АССР, что позволит ввести в научный оборот исторические факты о красноармейцах и сержантах бригады, в том числе из числа заключённых.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Казахская ССР, Коми АССР, 100-я отдельная стрелковая бригада, призывники

N.Z. Takizhbaeva

**Warriors of the Komi ASSR – defenders of the Motherland
(on the example of the 100th separate rifle brigade)**

The formation and combat path of the 100th separate rifle brigade, the replenishment of the brigade with conscripts from the Komi ASSR, their losses and the age composition of the dead and missing in the operations of 1943 on the Kalinin, Baltic and Second Baltic fronts are shown. It was revealed that the average age of the Red Army soldiers is 30 years. The year of birth varies between 1900–1924. The need to study the archival documents of the soldiers of the 100th brigade, called up by the regional military commissariats of the Komi ASSR, is noted, this will make it possible to introduce into scientific circulation historical facts about the Red Army soldiers and sergeants of the brigade, including from among the prisoners.

Key words: Great Patriotic War, USSR, Kazakh SSR, Komi ASSR, 100th separate rifle brigade, conscripts

В годы Великой Отечественной войны главная нагрузка по защите Родины выпала на Вооруженные силы СССР, которые состояли из «Красной Армии» («КА») и «Военно-Морского Флота» («ВМФ»). В условиях тяжелой обстановки на фронте возникла необходимость в создании стрелковых бригад как более мобильных формирований.

100-я отдельная стрелковая бригада начала формироваться в Алма-Ате после приказа Среднеазиатского военного округа (САВО) от 26 ноября 1941 г., принятого на основании Постановления ГКО от 13 ноября 1941 г., и была укомплектована, в основном, призывниками 1922 года рождения, что предусматривалось постановлением ГКО от 15 сентября 1941 г. Бригада была сформирована 20 декабря 1941 г., приступила к учебе, сколачиванию частей и подразделений. Национальный состав бригады в момент формирования был таким: казахов – 86 %, русских – 11 % и 3 % украинцев, белорусов и др. национальностей. 100-я отдельная стрелковая бригада, в отличие от всех других формирований КазССР, проходивших до сих пор, имела особенность: ресурсы, продовольствие, об-

* Такижбаева Найля Закеновна (г. Алматы) – кандидат исторических наук, доцент профессиональной кафедры международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана.

мундирование, фураж, снаряжение, вооружение, саперное имущество, – всё это давалось трудящимися области или из фонда области.

В июне–июле 1942 г. 100-я осбр отработывала навыки, продолжая заниматься боевой, общевойсковой и специальной подготовкой.

Отправка на фронт заняла несколько дней (с 12-го по 15-е августа). 27 августа 1942 г. на станцию Лосиноостровская (г. Бабушкин) прибыл последний 7-й эшелон. 100-я особая стрелковая бригада в полном составе сосредоточилась в новом районе [1]. С этого времени она находилась в Резерве Ставки ВГК.

С 1 сентября 1942 г. начались плановые занятия по боевой и политической подготовке. На 1 октября 1942 г. 100-я и 101-я отдельные стрелковые бригады находились в Московском военном округе в Действующей армии. Свой боевой путь бригада начинала в 39-й армии, в составе которой участвовала в Ржевской битве, одной из самых кровавых во всей Второй мировой войне, составной частью которой являлась Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

За время боевых действий, 100-й осбр довелось действовать на трех фронтах: Калининском (19 октября 1942 г. – 10 октября 1943 г.); Прибалтийском (10 октября 1943 г. – 20 октября 1943 г.); 2-м Прибалтийском (20 октября 1943 г. – 9 декабря 1943 г.). В боевом составе Калининского фронта 100-я отдельная стрелковая бригада принимала участие в Ржевской битве – самой продолжительной и кровопролитной битве Великой Отечественной войны. Она осуществлялась с 8 января 1942 г. по 31 марта 1943 г. «Только в ходе боёв за город Ржев и Ржевский выступ с октября 1941 года по март 1943 года Красная Армия потеряла, включая раненых и пропавших без вести, 1 миллион 342 тысячи 888 человек. Называю эти, собранные по архивным источникам страшные, трагические, ещё далеко не полные цифры – впервые, отдавая дань памяти подвигу известных и безымянных героев, о которых в послевоенные годы в силу разных причин говорили незаслуженно, несправедливо мало или вовсе молчали» [2].

И именно в Ржевской битве, в операции «Марс», воины 100-й отдельной стрелковой бригады показали, что они вступили в боевые действия, которые будут носить длительный, упорный, ожесточенный характер, но они будут бороться до конца, не жалея своих жизней, чтобы остановить врага.

За время боевых действий в операции «Марс» боевой и численный состав 100-й стрелковой бригады значительно уменьшился. Если до начала операции на 01 ноября 1942 г. в бригаде было 4770 чел. личного состава, то к 03 декабря 1942 г. осталось всего 1994 чел. [3]. В таком составе 100-я осбр 07 декабря 1942 г. была передана в состав 22 Армии. С 11 декабря 1942 г. по 20 декабря 1942 г. бригада находилась в резерве 22-й Армии в районе Лыба (12 км севернее города Белый), так как после кровавых боёв в операции «Марс» ей предстояло получить пополнение и привести себя в порядок для дальнейших боевых действий. 20 декабря 1942 г. 100-я осбр в 15:00 выбыла из состава Армии. С 20-го по 23 декабря 1942 г. бригада автотранспортом была переброшена в район г. Великие Луки, где поступила в подчинение командующего 3-й Ударной Армии (3 УА) [4]. Вот как в ЖБД 100-й осбр описываются боевые действия под Великими Луками:

Несколько слов о всей проведенной операции бригадой с 5 по 12.1.43г. На бригаду в наступлении 5.1.43г. ставилась главная задача по срезу выступа противника, вклинившегося в нашу оборону в районе Путятино, Комоки, Плеханово и вспомогательные удары на 19 гв.сд и 360 сд. По всем данным противник в этом районе также готовил наступление и подтянул в этот район свежие силы. <...> В результате первого дня боя бригада потеряла до 80 % всего личного состава. С 6 по 11.1.43 г. бригада вела тяжелые бои с превосходящими силами танков и пехоты противника, который свой главный удар направил на нашу бригаду. Это известно по карте, взятой у офицера 3 роты 5 егерского батальона на высоте 174.2. На карте было указано направление главного удара противника Грибушино, высота 174,2, Белодедово, Олешкино и далее на Великие Луки [5].

В целом же бойцы 100-й отдельной стрелковой бригады, находясь в составе 3-й Ударной армии, внесли немалый вклад в успешное проведение этой наступательной операции Калининского фронта, переросшей из вспомогательной в основную, став по своему значению «Сталинградом в миниатюре». И вполне заслуженно: в ходе Великолукской операции, продолжавшейся около 50 дней, войска 3 УА сковали до 10 дивизий противника, не допустив их использования на других направлениях [6].

Понеся большие потери, с 13 января бригада находилась на переформировании, готовясь к приему пополнения, немалая часть которых приходилась на призванных в январе 1943 г. из Коми АССР. Во всех последующих операциях, в том числе и боях местного масштаба, воины бригады достойно сражались, защищая Родину. Среди погибших было немало бойцов из Коми АССР. Только за период с января по сентябрь их потери составили около 20 человек, средний возраст которых составил 29 лет. Были среди них и 1900 года рождения, и совсем молодые – 1924 г.р.

К началу октября 1943 г. закончилась оперативная пауза, в течение которой советские войска готовились к продолжению наступления и подтягивали тылы. Наступательные бои вновь развернулись на многих участках тысячекилометрового советско-германского фронта. Войска Калининского фронта развивали наступление на Витебск. Встала на очередь Невельская операция, которая командованием фронта планировалась заранее, но письменная директива о подготовке этой операции с целью сохранения тайны не отдавалась.

Г.Г. Семенов, находившийся на оперативной работе в штабе 3-й ударной армии, вспоминал, что задуманная операция имела ограниченную цель и являлась частью наступательной операции Калининского фронта на витебском направлении. Войска Красной армии должны были овладеть узлом дорог в районе города Невель и удерживать его, обеспечивая с севера наступление главных сил фронта на Витебск. Удар армии на Невель, кроме того, приковывал к нам значительные силы противника. Овладение Невелем, важнейшим перекрестком железных, шоссейных и грунтовых дорог, нарушало всю систему немецких коммуникаций, исключало возможность переброски с севера резервов против витебской группировки войск Калининского фронта. Отразив многочисленные контратаки противника, войска 3-й ударной армии 10 октября 1943 г. полностью завершили Невельскую операцию (6–10 октября 1943 г.). Говоря о 100-й отдельной стрелковой бригаде в этой операции, следует отметить, что она проявила большую стойкость в обороне, отбив все контратаки противника. В этой операции бригада уничтожила 1483 солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 14 танков, два самоходных орудия «Фердинанд», 19 автомашин, 21 орудие, пять минометов, 10 станковых пулеметов, 28 ручных пулеметов, более 150 винтовок, 70 автоматов и другое военное имущество противника [7].

«У врага после потери Невеля создалось исключительно тяжелое положение, так как на полоцком направлении образовалась брешь. К сожалению, у нас не было резервов, чтобы немедленно использовать это. Вместе с тем гитлеровцы вполне основательно, опасаясь дальнейшего развития нашего успеха, бросали на этот участок войска, для противодействия которым у нас далеко не всегда хватало сил. Так что речи о сколько-нибудь серьезных наступательных действиях не могло быть» [8]. Имелись немалые потери личного состава 100-й осбр. Среди них только за октябрь 1943 г. было около 80 бойцов из Коми АССР, средний возраст которых составил 31 год. Самые старшие из них были бойцы 1900 года рождения, а самые младшие – 1924 г.р.

После завершения Невельской наступательной операции 100-й осбр находилась в составе Прибалтийского фронта (10.10.43 – 20.10.43), а затем – вплоть до своего преобразования в 1-ю стрелковую дивизию – во 2-м Прибалтийском фронте. Это следовало из приказа Ставки ВГК № 30228 от 16 октября 1943 г. «О переименовании Центрального, Калининского и Прибалтийского фронтов». В последующих операциях бригада нанесла противнику большой ущерб как в живой силе, так и в технике. Основными недостатками, выявленными в последних боевых действиях бригады, были плохое обеспечение тыла, несвоевременность доставки боеприпасов и эвакуации раненных в силу отсутствия транспорта, недостаточность артиллерии непосредственно в штате бригады.

Вплоть до своего преобразования (7 декабря 1943 г.), когда был получен приказ о слиянии 31-й осбр и 100-й осбр и образовании 1-й стрелковой дивизии, бойцы бригады вели бои, нанося главные удары по врагу. Всё это приводило к потерям личного состава 100-й осбр. Только за ноябрь 1943 г. среди погибших было около 30 воинов, призванных РВК Коми АССР. Их средний возраст составил 29 лет. Это были бойцы 1900–1924 годов рождения.

Всего же в составе 100-й осбр в 1943 г. среди погибших и пропавших без вести было более 120 красноармейцев из Коми АССР, средний возраст которых составил 30 лет (1900–1924 г.р.). Эти мужественные ребята не запятнали свою воинскую честь: они жизнь отдавали за Родину! Многие

из них совершали подвиги, которые были отмечены боевыми наградами. В их числе ст. сержант Г.И. Михеев, красноармеец П.Н. Копылов, красноармеец И.Ф. Ростовщиков.

Старший сержант Михеев Григорий Иванович, 1911 г.р., был призван в Красную Армию 12 ноября 1943 г. Железнодорожным РВК Железнодорожного района Коми АССР. Будучи помощником командира взвода 5-й роты 2-го отдельного стрелкового батальона, он с 08 ноября 1943 г. по 9 ноября 1943 г. участвовал в наступательных боях на дер. Королево, где показал героизм и инициативу. Когда вышел из строя командир роты и взводам создавалось трудное положение, тов. Михеев брал инициативу на себя, собрал всех бойцов и поднял их в атаку. В траншейном бою со своими людьми он уничтожил до 20 человек, выбил противника с занимаемой позиции и закрепил за собой деревню. Тов. Михеев не дрогнул, когда немцы пошли в контратаку и отбил три контратаки и притом уничтожил до 23 немцев. Командуя ротой, сумел вести людей в бой и организовать бой в обороне занятой позиции у противника. Сам в этом бою лично уничтожил до 17 немцев. Когда получил приказ на занятие дер. Карамзы с 18 бойцами смело и умело атаковал деревню и занял ее, отбил одну контратаку противника. Таким образом, его рота уничтожила до 50 немцев и отбила четыре контратаки противника. Упорно удерживает оборону. За личный героизм и проявленную инициативу был удостоен ордена «Красная Звезда» [9].

Красноармеец Копылов Павел Николаевич, 1922 г.р., призван Кожвинским РВК Кожвинского района Коми АССР. Будучи разведчиком отдельной роты разведчиков в ночь с 14 на 15 октября 1943 г. находился в группе захвата в поиске и обеспечил захват контрольного пленного. С 17 на 18-е октября 1943 г. обеспечил захват контрольного пленного и лично подавил огневую точку противника. При выполнении задачи был ранен. За свой подвиг был удостоен медали «За отвагу» [10].

Красноармеец Ростовщиков Иван Федорович, 1922 г.р., в Красную Армию был призван 12 января 1943 г. Железнодорожным РВК Железнодорожного района Коми АССР). Наводчик минометной роты 1-го отдельного стрелкового батальона, он в оборонительном бою на высоте Птахино отличной наводкой из миномета уничтожил одну пулеметную точку и открытый наблюдательный пункт противника, рассеял и частично уничтожил группу немецких солдат, пытавшихся вывести с поля боя подбитый танк. Его миномет за все время боя работал безотказно и метко поражал цели. За свой подвиг приказом командира 100-й осбр от 18 июля 1943 г. он был удостоен медали «За боевые заслуги». Рядовой И.Ф. Ростовщиков погиб на поле боя 05 ноября 1943 г. [11].

Эти воины прошли славный боевой путь, но были и те, кто встал на путь предательства. Информация о них имеется на сайте «Память народа», что является отражением исторических фактов и не является реабилитацией военных преступников. Были такие и в 100-й осбр. В частности, красноармеец Хахулин Г.И., 1914 г.р., призванный 15 января 1943 г. в Красную Армию (Железнодорожный РВК, Железнодорожный район, Коми АССР) и осужденный 02 сентября 1943 г. Военным трибуналом 100-й осбр к лишению свободы в ИТЛ на 10 лет [12].

Всего за годы войны на фронт из Коми АССР ушли более 170 тыс. чел., в том числе 120 тыс. бывших заключенных [13]. Эти воины достойно защитили Отечество от фашистско-немецких захватчиков. Их призыв в Красную Армию осуществляли следующие РВК: Вожальский, Железнодорожный, Калязинский, Княжпогостский, Кожвинский, Мамадышский, Нейловский, Печерский, Сыктывдинский, Сыктывкарский, Сысольский, Троицко-Печорский, Устардильский, Усть-Вымский, Усть-Куломский, Усть-Усинский, Усть-Цилемский, Ухтинский. Всего – 18 РВК, о которых говорится на сайте «Память народа» [14].

Сейчас настало время поднять все архивы, изучить историю каждого воина, призванного на фронт из Коми АССР. Это позволит ввести в научный оборот исторические факты. И только тогда мы, потомки фронтовиков, можем сказать: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Источники и литература

1. ЦАМО РФ. Ф. 100 осбр. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 3об. // *Абенев К.* Операция «Марс». Казахи в «Долине смерти» / *К. Абенев.* – Алматы: Жеті жарғы, 2010. – С. 216–217; ЦАМО РФ. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130658754>

2. Путин В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим (Дата публикации ст.: 19 июня 2020 года). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527>
3. ЦАМО. Ф. 1918-100 отдельная стрелковая бригада. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 // *Исатова Д.* Право на добрую память / *Д. Исатова.* – Алматы, 2017. – С. 170; ЦАМО РФ. Ф. 100 осбр. Оп. 1. Д. 3, 5 // *Абенов К.* Операция «Марс». Казахи в «Долине смерти» / *К. Абенов.* – Алматы, 2010. – С. 186.
4. ЦАМО. Ф. 39. Оп. 9072, м/ф 7129 // *Абенов К.* Операция «Марс». Казахи в «Долине смерти». – Алматы, 2010. – С. 176; ЦАМО РФ. Ф. 100 осбр. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 с об. // *Абенов К.* Операция «Марс». Казахи в «Долине смерти». – Алматы: Жеті жарғы, 2010. – С. 216–217; ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 587. Л. 7. – URL: <https://pamyat-naroda/documents/view/?id=170000271>
5. ЦАМО. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 3. Л. 24об. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130658754>
6. *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. 1941–1944: Записки командующего армией / *К. Н. Галицкий.* – Москва: Наука, 1973. – С. 280, 290; *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2: Выжженная земля, 1943–1944 / *П. Карель;* пер. О. Строгановой. – Москва: Эксмо, 2009. – С. 276.
7. ЦАМО. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 3. Л. 24об. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130658754>
8. *Еременко А.И.* Годы возмездия. 1943–1945 / *А.И. Еременко.* – М.: Финансы и статистика, 1985. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/eremenko_ai3/index.index
9. Михеев Григорий Иванович. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18917433
10. Копылов Павел Николаевич. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie22370989
11. Ростовщиков Иван Федорович. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie3567537/?backurl=%3DРостовщиков%3ДИван%3ДФедорович%3D
12. Хахулин Георгий Иванович. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie56991642/?backurl=%3DХахулин%3ДГеоргий%3ДИванович%3D
13. *Жеребцов И.Л.* Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен / *И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, М.Б. Рогачев, Б.Р. Колегов.* – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. – 344 с. – С. 224. – URL: <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2016/02/istoricheskaja-hronika.2002.pdf>
14. Подробнее см.: *Такижбаева Н.* 100-я отдельная стрелковая бригада / *Найля Такижбаева.* – 3-е изд., испр. и доп. – Алматы, 2022.

Сокращения

ВГК – Верховное Главное Командование
 ГКО – Государственный комитет обороны
 ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря
 КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика
 Коми АССР – Коми Автономная Советская Социалистическая Республика
 осбр – отдельная стрелковая бригада
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик

А.М. Мацук*

Половозрастной и национальный состав учащихся кооперативного техникума г. Сыктывкара в 1950-е гг.**

В представленной статье рассмотрены вопросы половозрастного и национального состава учащихся кооперативного техникума, готовившего специалистов среднего звена для торгово-экономической сферы народного хозяйства Коми АССР в 1950-е гг. Сделаны выводы о доминирующем положении доли учащихся женского пола на протяжении всего изучаемого периода, выявлена тенденция увеличения числа учащихся старшего возраста во второй половине 1950-х гг., показано общее количество представителей различных национальностей, проходивших обучение в техникуме, выделены блоки по частоте упоминания и числу учащихся той или иной национальности.

Ключевые слова: *среднее специальное образование, кооперативный техникум, Коми АССР, 1950-е годы, половозрастной состав, национальный состав*

A.M. Matsuk

Gender, age and national composition of students of the cooperative college in Syktyvkar in the 1950s

The presented article deals with the issues of gender, age and national composition of students of the cooperative college, which trained mid-level specialists for the trade and economic sphere of the national economy of the Komi ASSR in the 1950s. Conclusions are drawn about the dominant position of the proportion of female students throughout the entire period under study, a trend towards an increase in the number of older students in the second half of the 1950s is revealed, the total number of representatives of various nationalities who studied at the college is shown, blocks are allocated according to the frequency of mention and the number students of one nationality or another.

Key words: *secondary specialized education, cooperative college, Komi ASSR, 1950s, gender and age composition, national composition*

В 1950-е гг. в Коми АССР действовала сложившаяся к этому времени система среднего специального образования. Из более чем 10 действовавших техникумов и училищ в изучаемый период следует выделить единственный, готовивший специалистов среднего звена для торгово-экономической сферы народного хозяйства республики в 1950-е гг., кооперативный техникум.

Период 1950-х гг. для Коми АССР был временем заметного социально-экономического развития. В эти годы модернизируются и развиваются практически все сферы народного хозяйства республики, существенно увеличивается численность населения, идет активный процесс урбанизации и создания городской инфраструктуры, что требовало достаточного притока квалифицированных кадров. В изучаемый период отмечен значительный рост сферы розничной торговли, как в плане увеличения количества предприятий розничной торговли, общественного питания, так и в росте объемов товарооборота: если в 1950 г. в Коми АССР было 2050 и 573 предприятий розничной торговли и общественного питания, то к 1960 г. их насчитывалось уже 2879 и 993 соответственно

* **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, almmatsuk@gmail.com.

** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

[1, с. 123–124; 2]. Объемы розничного товарооборота увеличились за изучаемый период в 3,7 раза, в том числе по товарообороту продовольственных товаров – в 3,5 раза, непродовольственных – почти в 4,2 раза [1, с. 130].

Истории системы среднего специального образования в Коми АССР посвящено достаточно научных работ, в которых в той или иной степени освещены различные аспекты данной проблемы, в том числе и в период 1950-х гг. Однако вопрос половозрастного и национального состава учащихся ССУЗов, действовавших в Коми АССР в изучаемый период освещен на сегодняшний день недостаточно полно. В первых работах, посвященных, в том числе, исследованию различных аспектов истории системы среднего специального образования в Коми АССР, Я.Н. Безносиковым были приведены данные о гендерном и национальном составе специалистов среднего звена, работавших в республике в конце 1950-х гг. – 1970 г. [3; 4]. В нескольких работах А.К. Гагиевой, посвященных изучению потребительской кооперации, приведена информация о национальном и гендерном составе учащихся Сыктывкарского кооперативного техникума в середине 1930-х гг. и в период Великой Отечественной войны [5; 6]. В ряде наших работ были затронуты вопросы подготовки кадров изучаемым учебным заведением, в том числе и в 1950-е гг., однако без освещения поднимаемых в данной статье вопросов; гендерного состава учащихся ССУЗов на территории Европейского Севера страны в 1960–1980-е гг.; в общем плане был проработан аспект национального состава всех техникумов и училищ, функционировавших в республике в изучаемый период, но без выделения данных по конкретным учебным заведениям [7; 8; 9]. В связи с этим изучение вопроса половозрастного и национального состава учащихся единственного действовавшего в 1950-е гг. в Коми АССР техникума, готовившего специалистов для торгово-экономической сферы, представляется достаточно актуальным. Представленное в данной статье исследование базируется на информации из ежегодных статистических отчетов за 1951/52–1959/60 учебные годы, которые руководство учебного заведения предоставляло в Статистическое управление Коми АССР. Данные отчеты находятся на хранении в фонде Статуправления Коми АССР ГУРК «Национальный архив Республики Коми» [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Прежде всего рассмотрим половозрастной состав учащихся изучаемого техникума. В ежегодных отчетах техникума, заполняемых по форме № 79-кт (с 1958 г. – № 2-нк), эти данные содержатся в отдельных таблицах под заголовком «Состав учащихся по полу и возрасту». Сама таблица, в результате частого изменения формы отчета, содержала на протяжении 1950-х гг. от пяти до восьми граф с указанием возраста учащихся. В начале 1950-х гг. в ней отдельно указывали учащихся в возрасте 13 лет и менее, затем шла градация от 14 до 19 лет с разделением граф по одному году и в последней графе указывали число учащихся в возрасте 20 лет и старше. С 1954 г. количество граф с указанием возраста учащихся сокращается: учет ведется с возраста 14 лет и менее, а последние три графы объединяются в одну – «18 лет и старше». В 1957 г. в данной таблице были объединены графы с возрастом 16 и 17 лет в одну. В связи с вышеизложенным представим динамику изменения половозрастного состава учащихся кооперативного техникума в унифицированном виде, соответствующем последней редакции отчетной таблицы. Для наглядности информация представлена в виде отдельных таблиц по возрастному и гендерному составу учащихся (табл. 1–3).

Таблица 1

Возрастной состав учащихся женского пола кооперативного техникума г. Сыктывкара в 1950-е гг.

Возраст	Учебные годы								
	1951/52	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
Число учащихся									
14 лет и менее	2	6	8	5	5	2	1	2	2
15 лет	9	17	25	16	19	13	13	4	6
16–17 лет	38	79	86	91	58	58	21	43	27
18 лет и старше	60	54	99	120	167	120	126	83	82

Таблица 2

*Возрастной состав учащихся мужского пола
кооперативного техникума г. Сыктывкара в 1950-е гг.*

Возраст	Учебные годы								
	1951/52	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
	Число учащихся								
14 лет и менее	1	1	1	1	1	–	–	–	–
15 лет	3	4	5	3	1	1	1	–	1
16–17 лет	8	8	13	14	10	5	3	1	3
18 лет и старше	11	5	5	7	16	16	15	11	12

Таблица 3

Гендерный состав учащихся кооперативного техникума г. Сыктывкара в 1950-е гг.

Пол	Учебные годы								
	1951/52	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
	Число учащихся								
Жен.	109	156	218	232	249	193	161	132	117
Муж.	23	18	24	25	28	22	19	12	16

Источники (таблицы 1-3): ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 36 об.; Д. 4255. Л. 65 об.; Д. 4263. Л. 24 об.; Д. 4268. Л. 36 об.; Д. 5193. Л. 10 об.; Д. 5194. Л. 22 об.; Д. 5197. Л. 19 об.; Д. 5206. Л. 20 об.; Д. 5209. Л. 30 об.

Как видно из приведенных данных, подавляющее большинство учащихся кооперативного техникума на протяжении изучаемого периода составляли представители женского пола. В процентном соотношении их число составляло от 82,5 до 91,6 % от общего количества учащихся. Возрастной состав учащихся женского пола в 1950-е гг. показывает следующую динамику: если в первой половине 1950-х гг. доля учащихся 14 лет и менее находилась в границах 1,8–3,8 %, то во второй половине изучаемого периода их доля сократилась до 0,6–1,7 %; доля учащихся женского пола в возрасте 15 лет также сократилась с 6,9–11,5 % в первой половине 1950-х гг. до 3–8,1 % во второй половине. По имеющимся данным доля учащихся женского пола 16–17 лет заметно уменьшилась во второй половине изучаемого периода – если в 1951/52–1955/56 учебных годах она составляла от 23,3 до 50,6 %, то в 1956/57–1959/60 учебных годах составляла от 13 до 32,6 %. Учащиеся женского пола 18 лет и старше составляли в первой половине 1950-х гг. от 34,6 до 67,1 % от общей численности учащихся женщин, во второй половине изучаемого периода их доля в целом увеличилась и составляла от 62,2 до 78,3 %.

Возрастной состав учащихся кооперативного техникума мужского пола в изучаемый период также заметно изменялся. Так, доля учащихся мужского пола в возрасте 14 лет и менее в первой половине 1950-х гг. составляла от 3,6 до 5,5 %, но во второй половине 1950-х гг. учащихся мужчин данной возрастной категории в отчетах техникума отмечено уже не было. Доля учащихся мужского пола 15 лет в 1951/52–1954/55 учебных годах находилась в границах 12–22,2 %, заметное же снижение данного показателя произошло с 1955/56 учебного года, когда он составил 3,6 % от общего числа учащихся мужского пола и находился до конца изучаемого периода в границах до 6,3 %, причем в 1958/59 учебном году не было отмечено ни одного учащегося мужского пола в возрасте 15 лет. Учащиеся мужчины 16–17 лет в первой половине 1950-х гг. составляли от 34,8 до 56 %, во второй половине изучаемого периода их доля сократилась до 8,3–22,7 %. Доля учащихся мужского пола 18 лет и старше в 1951/52–1955/56 учебных годах находилась в границах 20,8–57,1 %, тогда как во второй половине 1950-х гг. она заметно увеличилась и составляла от 72,7 до 91,7 %.

Рассмотрев половозрастной состав учащихся кооперативного техникума в 1950-е гг., перейдем к освещению национального состава его учащихся, данные о котором также содержатся в ежегодных

статистических отчетах техникума. Всего на протяжении изучаемого периода обучение в кооперативном техникуме проходили представители 15 национальностей – среди них: коми, русские, белорусы, украинцы, казахи, литовцы, молдаване, армяне, латыши, карелы и финны (отмечались в отчетах как одна национальность), мордовцы, чувашаи, немцы, корейцы и китайцы.

Следует подчеркнуть, что представители всех отмеченных национальностей не были отмечены в отчетах техникума за каждый учебный год. Отметим с какой частотой упоминаются учащиеся той или иной национальности среди учащихся: за все девять учебных лет (с 1951/52 по 1959/60 учебный год) в отчетах кооперативного техникума указаны представители коми, русских и украинцев; за семь учебных лет отмечены немцы; за пять учебных лет – белорусы и литовцы; за три учебных года – молдаване, карелы и финны, корейцы; за два учебных года – армяне, латыши, мордовцы, чувашаи и китайцы; за один учебный год – казахи [19].

В заключение представим данные о национальном составе учащихся кооперативного техникума в привязке к количеству учащихся. Для наглядности данные сгруппируем в блоки по количеству учащихся той или иной национальности, указанной в отчетах техникума. Отметим, что число учащихся одной национальности могло заметно меняться из года в год, в связи с чем они могут находиться в нескольких блоках одновременно (в таком случае укажем количество учебных лет, за которые представители определенной национальности относились к определенному блоку). Так, в блок от 1 до 5 учащихся за учебный год вошли представители белорусов, казахов, молдаван, армян, латышей, карелов и финнов, мордовцев, чувашей, корейцев, китайцев, литовцев (за 4 учебных года из 5, когда они были отмечены), немцев (за 2 учебных года из 7) и украинцев (за 3 учебных года из 9). В блоке от 6 до 9 учащихся за учебный год отмечены литовцы (за 1 учебный год из 5), немцы (за 2 учебных года из 7) и украинцы (за 3 учебных года из 9). В блоке от 16 до 21 учащегося – немцы (за 3 учебных года из 7) и украинцы (за 3 учебных года из 9). В блоке от 39 учащихся и больше – коми и русские.

Таким образом, по имеющимся в ежегодных статистических отчетах кооперативного техникума данным о половозрастном составе учащихся в 1950-е гг. видно, что доля учащихся женского пола на протяжении всего изучаемого периода занимала доминирующее положение по сравнению с долей учащихся мужчин. Возрастной же состав учащихся на протяжении второй половины 1950-х гг. имел заметную тенденцию к изменению в сторону увеличения доли учащихся старшего возраста, причем данный процесс отмечен как в отношении учащихся женского, так и мужского пола. Что касается вопроса национального состава учащихся кооперативного техникума, то, по имеющимся данным, видно, что на протяжении 1951/52–1959/60 учебных лет обучение в нем прошли представители 15 национальностей. Однако основное место среди учащихся, как по численности учащихся, так и по периодичности упоминания в отчетах на протяжении изучаемого периода, занимали представители коми и русских.

Источники и литература

1. Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971.
2. Народное хозяйство Коми АССР. Статистический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – С. 128.
3. *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР / *Я.Н. Безносиков.* – Москва: Наука, 1968. – С. 211, 212.
4. *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР / *Я.Н. Безносиков.* – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – С. 114, 158.
5. *Гагиева А.К.* Исторический опыт и проблемы кооперативного образования России в 20–90-е годы XX века (на материалах Республики Коми) / *А.К. Гагиева.* – Саратов: изд-во ФГОУ ВПО Саратовский ГАУ, 2004. – С. 80.
6. *Гагиева А.К.* Потребительская кооперация и система кооперативного образования Республики Коми в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / *А.К. Гагиева* // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2010. – № 1. – С. 9–14.
7. *Мацук А.М.* Женщины-учащиеся средних специальных учебных заведений Европейского Севера СССР (1960–1980-е годы) (по материалам региональных статистических сборников) / *А.М. Мацук* // Историческая демография. – 2017. – № 2(20). – С. 42–47.

8. *Мацук А.М.* Средние специальные учебные заведения сферы торговли, экономики и бытового обслуживания на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. / *А.М. Мацук* // Вопросы истории. – 2020. – № 12–3. – С. 74–82.

9. *Мацук А.М.* Национальный состав учащихся средних специальных учебных заведений Коми АССР в 1950-х годах / *А.М. Мацук* // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2022. – № 1(53). – С. 93–97.

10. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251.

11. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4255.

12. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4263.

13. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4268.

14. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5193.

15. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5194.

16. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5197.

17. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5206.

18. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5209.

19. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 36 об.; Д. 4255. Л. 65 об.; Д. 4263. Л. 24 об.; Д. 4268. Л. 36 об.; Д. 5193. Л. 10 об.; Д. 5194. Л. 22 об.; Д. 5197. Л. 19 об.; Д. 5206. Л. 20 об.; Д. 5209. Л. 30 об.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

314.18(470.1/.2)

DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-33-40

М.А. Зырянова*

Современные угрозы демографическому развитию регионов европейской части Севера России**

Статья посвящена выявлению и систематизации современных угроз, препятствующих благоприятному демографическому развитию регионов европейской части Севера России. Выявлено, что некоторые проблемы усугубились в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации с начала 2020 г. В статье подробно описаны основные демографические и некоторые важнейшие социальные и экономические проблемы указанных территорий, показано, что они носят глубокий характер и требуют незамедлительного решения для сохранения народонаселения Севера.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, миграция, уровень жизни, демографическая ситуация, коронавирус, алкоголизм, северные регионы России

М.А. Zyryanova

Actual threats to the demographic development of the regions of the European part of the North of Russia

The article is devoted to the identification and systematization of modern threats that impede the favorable demographic development of the regions of the European part of the North of Russia. It was revealed that some problems have worsened due to the worsening epidemiological situation since the beginning of 2020. The article describes in detail the main demographic and some important social and economic problems of these territories, it is shown that they have a deep nature and require an immediate solution to preserve the population of the North.

Key words: birth rate, mortality, migration, standard of living, demographic situation, coronavirus, alcoholism, northern regions of Russia

Скоро заканчивается действие Концепции демографической политики Российской Федерации: она была рассчитана до конца 2025 г. В рамках ее действия было заявлено множество задач, направленных на улучшение демографической ситуации у нас в стране. Прошло долгих пятнадцать лет с начала ее действия, но на Севере России продолжает оставаться и усугубляться множество

* **Зырянова Мария Александровна** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, zyryanova.1809@mail.ru.

** Работа выполнена по теме НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ государственного учета 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

демографических проблем. Поэтому целью настоящей статьи является выявление и систематизация современных угроз демографическому развитию регионов европейской части Севера России, препятствующих возобновлению и пополнению человеческих ресурсов северных территорий, и социально-экономическому развитию. Уточним, что к регионам европейской части Севера России относятся Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Мурманская область.

Демографические и экономические проблемы северных регионов России, препятствия благоприятному развитию и механизмы решения актуальных проблем воспроизводства населения отражены в трудах В.В. Васильева и В.С. Селина [1], М.А. Зыряновой [2], А.М. Киселевой и О.В. Гокковой [3], С.А. Кожевникова [4], Л.А. Поповой [5], С.А. Сукневой [6], В.В. Фаузера, А.В. Смирнова, Т.С. Лыткиной, Г.Н. Фаузер [7], Ю.П. Шабаева [8] и др.

Первая угроза – увеличение уровня смертности. Уровень смертности, измеряемый таким показателем как общий коэффициент смертности (ОКС), в 2010–2020 гг. выше среднероссийского уровня в Республике Карелия и Архангельской области, ниже, чем в среднем по России, в Мурманской области и особенно – в Ненецком АО, который по многим показателям демографического и экономического развития отличается в выгодную сторону. В начале 2010-х гг. были позитивные сдвиги в сокращении смертности населения, но ее уровень с приходом пандемии достиг катастрофических размеров и прирост был беспрецедентным для мирного времени во всех регионах европейской части Севера России, как, впрочем, и в целом по стране. Наглядно уровень прироста ОКС виден, если сравнить его показатели в 2021 г. и в 2019 г. и темп прироста между ними (так мы сделаем и с другими демографическими показателями). В России прирост в общем коэффициенте смертности за пандемию Covid-19 произошел на уровне 36,6 %: с 12,3 до 16,8 ‰, выше он был в Мурманской области – на 38,6 % (с 11,4 до 15,8 ‰), Ненецком АО – на 39,5 % (с 8,6 до 12,0 ‰), в Республике Карелия – на 45,1 % (с 14,2 до 20,6 ‰). Чуть ниже, чем по России, но тоже высокий, прирост был зафиксирован в Республике Коми – на 34,2 % (с 12,0 до 16,1 ‰) и Архангельской области – на 33,3 % (с 13,2 до 17,6 ‰).

Смертность от коронавируса действительно велика в РФ, выше, чем в других странах. В России летальность от коронавирусной инфекции на 20 июня 2022 г. составила 2,07 % от общего числа заболевших. Для примера, в США коэффициент летальности составляет 1,19 %, в Швеции – 0,75 %, в Беларуси – 0,71 %*. Но не он стал основной причиной такой динамики показателя смертности. Советский и российский экономист, специалист в области организации промышленного производства, проблем производительности труда, заработной платы, макроэкономики, эконометрики, менеджмента, академик РАН А.Г. Аганбегян справедливо отмечает, что «в целом суммарная смертность от коронавируса, составила, по данным Роспотребнадзора, в 2020 г. примерно около 20 % от общего прироста смертности. В это же время в условиях пандемии произошел рост смертности от сердечно-сосудистых и др. заболеваний, поскольку она отвлекла на себя основные ресурсы здравоохранения – персонал, средства, коечный фонд и скорую помощь» [9].

Вторая угроза – сокращение показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении, во многом ставшее следствием увеличения уровня смертности населения в условиях пандемии коронавируса. Сравним уровень этого показателя в 2011, 2012, 2013, 2017, 2019 гг. (перед пандемией) и в 2021 г. (табл. 1).

Таблица 1

*Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в России и европейской части северных регионов РФ, лет*

Год	Российская Федерация	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.
2011	69,83	67,95	67,95	68,75*	66,71	68,93
2012	70,24	68,00	68,33	69,65*	68,21	69,81

* Статистика распространения коронавируса. [Электронный ресурс]. – URL: <https://coronavirus-monitor.info/#stats>

Год	Российская Федерация	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.
2013	70,76	69,19	69,27	70,27	65,76	70,46
2017	72,70	70,65	71,05	71,96	71,52	71,67
2019	73,34	71,46	71,30	72,30	73,19	71,75
2021	70,06	67,31	68,32	69,60	69,39	68,29

* – Архангельская область с учетом Ненецкого АО.

Источники: Регионы России: социально-экономические показатели / Ст. сб. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

В период 2010-х гг. наблюдался поступательный рост ОПЖ в РФ и во всех регионах европейской части Севера России. Успехи были достаточно внушительными за такой небольшой промежуток времени. Ситуация начала меняться в противоположную сторону в условиях распространения Covid-19. В 2021 г. по сравнению с 2019 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни сократился на 3,28 лет в России, на 4,15 лет – в Республике Карелия, на 2,98 лет – в Республике Коми, на 2,70 лет – в Архангельской области, на 3,80 лет – в Ненецком АО, на 3,46 лет – в Мурманской области. В России и во всех рассмотренных регионах (кроме Ненецкого АО) показатель ОПЖ в 2021 г. выглядит хуже, чем в 2013 г.

Третья угроза – снижение рождаемости. Относительно благоприятная возрастная структура, действие комплекса мер федеральной демографической политики по стимулированию рождаемости, к которым с 2010-х гг. присоединились региональные меры, позволили добиться позитивных тенденций в рождаемости и даже в некоторых регионах европейской части Севера России выйти на естественный прирост. Так, в России с 2013 по 2016 г., в Республике Коми с 2011 по 2016 г. был естественный прирост, в Ненецком АО всегда существовал естественный прирост, а в 2012–2017 гг. он достиг особенно внушительных значений, в Мурманской области с 2012 по 2015 г. удалось преодолеть естественную убыль населения, в Республике Карелия и Архангельской области так и не удалось добиться естественного прироста населения.

Показатели рождаемости – общий коэффициент рождаемости (ОКР) и суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – стали сокращаться после 2015–2016 гг., в Ненецком АО – с 2017 г. (табл. 2, 3) и на то было несколько причин: сокращение женщин репродуктивных возрастов в общей структуре населения и постарение возрастной структуры внутри женского репродуктивного контингента; ухудшение экономической ситуации с введением западных санкций в 2014 г. и наступлением валютного кризиса; «привыкание» населения к крупнозатратным мерам демографической политики; преждевременное исчерпание итоговой плодовитости репродуктивных когорт под действием мер стимулирования рождаемости.

Второй этап сокращения показателей рождаемости пришелся на время пандемии Covid-19, причем СКР не сократился только в Ненецком АО, достигнув в 2020 г. 2,26, хотя в 2019 г. составлял 2,17. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. изменения в СКР незначительные, но данные за 2021 г. еще отсутствуют в официальной статистике. Во всех регионах европейской части Севера России суммарный коэффициент рождаемости ниже теоретической нормы, приемлемой для замещения поколений (2,1–2,2), за исключением Ненецкого АО. Динамика общего коэффициента рождаемости в последние годы в условиях Covid-19 указывает на глубокий кризис рождаемости (табл. 2).

Так, в 2021 г. по сравнению с 2019 г. ОКР сократился в Республике Карелия на 4,5 %, в России – на 5,0 %, в Ненецком АО – на 6,0 %, в Республике Коми – на 7,3 %, в Мурманской области – на 7,8 %, в Архангельской области – на 10,2 %. Если взять в учет, что рождаемость начала снижаться раньше, чем пришла пандемия, и сравнить имеющийся ее уровень с «расцветом рождаемости», например, наблюдающимся в 2013 г., то мы видим, что спад рождаемости является крайне критическим и это сокращение к 2021 г. по сравнению с 2013 г. составило в среднем по России 27 %, в Ненецком АО – 24 %. В остальных регионах за этот период спад был еще более существенным: в Республике Карелия – на 29 %, в Мурманской области – на 30 %, в Республике Коми – на 37 %, в Архангельской области – на 38 %.

Таблица 2

*Общий коэффициент рождаемости в России
и европейской части северных регионов РФ, 2010–2021 гг., ‰*

Год	Российская Федерация	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.
2010	12,5	12,1	12,9	12,4	16,6	11,7
2011	12,6	12	13,1	12,1	15,2	11,5
2012	13,3	12,6	14,0	12,6	17,3	11,8
2013	13,2	11,9	14,2	12,7	16,4	11,9
2014	13,3	12,3	14,2	12,5	16,8	11,7
2015	13,3	12,2	13,7	12,2	17,6	11,9
2016	12,9	12	13,1	11,8	18,5	11,2
2017	11,5	10,3	11,5	10,5	15,2	10,3
2018	10,9	9,8	10,2	9,6	14,1	9,8
2019	10,1	8,9	9,6	8,8	13,3	9,0
2020	9,8	8,5	9,3	8,2	13,4	8,8
2021	9,6	8,5	8,9	7,9	12,5	8,3

Источники: Регионы России: социально-экономические показатели / Ст. сб. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm

Таблица 3

*Суммарный коэффициент рождаемости в России и европейской части северных регионов РФ,
2010–2020 гг., чел. родившихся в среднем на одну женщину за репродуктивный период*

Год	Российская Федерация	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.
2010	1,57	1,58	1,63	нет свед.	2,11	1,49
2011	1,58	1,60	1,70	1,62	2,01	1,49
2012	1,69	1,71	1,88	1,74	2,35	1,57
2013	1,71	1,65	1,96	1,78	2,31	1,62
2014	1,75	1,74	2,01	1,81	2,42	1,65
2015	1,78	1,77	2,00	1,82	2,58	1,71
2016	1,76	1,76	1,97	1,80	2,77	1,65
2017	1,62	1,56	1,78	1,65	2,35	1,56
2018	1,58	1,52	1,63	1,58	2,24	1,52
2019	1,50	1,43	1,57	1,49	2,17	1,44
2020	1,50	1,40	1,57	1,43	2,26	1,45

Источники: ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/>

Во всех регионах европейской части севера России в период пандемии усугубилась ситуация с естественной убылью населения, а в Ненецком АО хоть и остался естественный прирост, но он сократился до 0,5 ‰ в 2021 г. Демографические потери в период пандемии были очень серьезными. Если за шесть лет в период с 2014 по 2019 г. по причине превышения смертности над рождаемостью страна не досчитала 597 003 чел., то за два года пандемии эти потери уже составили 1 млн 731 тыс. 404 чел., т.е. мы взяли период в три раза короче, а естественная убыль оказалась в три раза больше. В ряде регионов европейской части Севера России аналогичная ситуация. В Республике Карелия за шесть лет до пандемии естественная убыль была чуть выше (14 105 чел.), чем в условиях коронавируса – 12 238 чел. В Республике Коми в 2014–2019 гг. суммарно естественный прирост был даже выше естественной убыли, а за 2020–2021 гг. естественная убыль составила 9 211 чел. В Ненецком АО уровень естественного прироста снизился в пандемию, хотя был 5,1 ‰ в 2018 г. и 4,7 ‰ в 2019 г. В Архангельской области в пандемию естественная убыль достигла большего размера (17 995 чел.),

чем за шесть лет до пандемии (16 487 чел.). В Мурманской области – превышение смертности над рождаемостью в условиях Covid-19 в три раза больше, чем общее значение показателя естественной убыли за 2014–2019 гг.

Четвертая угроза – усугубление после середины 2010-х г. негативного воздействия структурных факторов на рождаемость. Первая проблема – сокращение женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет) в общей структуре населения. В 2010 г. в России доля женщин 15–49 лет составляла 49,1 % в общей структуре женского населения, а в 2020 г. – 43,9 %. В Республике Карелия – 47,6 % в 2010 г. и 41,3 % в 2020 г., в Республике Коми – 51,4 и 43,5 %, в Архангельской области – 47,9 и 41,4 %, в Ненецком АО – 51,6 и 45,1 %, в Мурманской области количество женщин репродуктивного возраста сократилось с 50,9 % в женском населении в 2010 г. до 44,9 % в 2020 г.

Также происходит постарение возрастной структуры и внутри женского репродуктивного контингента. Так, в России доля женщин 15–24 лет в структуре женщин детородного возраста 15–49 лет в 2010 г. составляла 27,8 %, а в 2020 г. еще меньше – 19,9 %. В Республике Карелия их доля в 2010 г. составляла 25,9 %, а в 2020 г. – 20,9 %. В Республике Коми доля женщин 15–24 лет в структуре женского населения репродуктивных возрастов в 2010 г. составляла 25,4 %, а в 2020 г. – 21,4 %. В Архангельской области произошло снижение с 26,4 до 20,9 %, в Ненецком АО – с 27,1 до 23,6 %, в Мурманской области – с 24,0 до 19,2 %. Эти тенденции свидетельствуют о том, что структурные факторы в ближайшей перспективе еще будут продолжать играть негативную роль в формировании уровня рождаемости.

Пятая угроза – миграционный отток населения. Во всех регионах европейской части Севера России наблюдается миграционный отток населения, за исключением Ненецкого АО, привлекательного как место занятости с большим количеством рабочих мест в ресурсно-добывающей отрасли экономики (табл. 4).

Таблица 4

Коэффициент миграционного прироста в европейской части северных регионов РФ, 2010–2021 гг., на 10 000 чел.

Год	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.
2010	-53,85	-139,04	нет свед.	-49,87	-68,95
2011	-17,89	-112,16	нет свед.	31,94	-76,76
2012	-15,23	-121,84	нет свед.	11,73	-101,06
2013	-12,55	-120,2	-85,22	-2,80	-129,13
2014	-6,95	-107,15	-67,52	1,39	-65,02
2015	-11,63	-101,53	-71,53	23,16	-57,37
2016	-16,04	-81,2	-55,65	-72,91	-57,15
2017	-30,67	-111,98	-69,99	-52,54	-46,36
2018	-21,28	-111,02	-60,61	-89,27	-58,63
2019	-11,50	-94,40	-28,00	17,50	-65,30
2020	-0,80	-41,70	-22,70	28,90	-69,20
2021	21,80	-52,50	-19,30	30,60	-39,30

Источники: ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/>

Как известно, людям свойственно искать место проживания, способное обеспечить наилучшее качество жизни, особенно для этого есть силы и желание у работоспособного населения в репродуктивных возрастах. Естественно, множество регионов России комфортнее по климату и способны дать «больше возможностей», в том числе для реализации человеческого потенциала. По рейтингу на 2021 г. по качеству жизни населения Мурманская область занимает 38 место, Республика Коми – 65 место, Республика Карелия – 71 место, Архангельская область – 72 место*. Миграционный отток

* Рейтинг регионов России по качеству жизни – 2021. – URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html

неизбежно ведет к постарению возрастной структуры населения и росту коэффициента демографической нагрузки.

Шестая угроза – сокращение численности постоянного населения. Негативные демографические тенденции формируют постоянное сокращение населения регионов европейской части Севера России, исключением является опять же Ненецкий АО. В 2021 г. по сравнению с 2010 г. численность населения рассмотренных регионов сократилась очень существенно: в Республике Карелия – на 5,4 % (с 643 548 чел. до 609 071 чел.), в Мурманской области – на 7,9 (с 795 409 чел. до 732 864 чел.), в Архангельской области – на 8,7 % (с 1 185 536 чел. до 1 082 662 чел.) и особенно – в Республике Коми – на 9,7 % (с 901 189 чел. до 813 590 чел.). Необходимо в регионах с такой критической убылью населения создавать службы, в которых бы принимались заявления населения о том, в каких направлениях требуется улучшение инфраструктуры населенных пунктов, какие проблемы существуют, приносящие дискомфорт в качество, уровень жизни, какие шаги можно предпринять по улучшению благоустройства региона, его каждого конкретного города и сельских территорий. Обратная связь должна быть выражена в реальных действиях органов управления по устранению выявленных проблем, а не только декларироваться «на бумаге».

Седьмая угроза – снижение репродуктивных установок. В 2008, 2013 и 2020 гг. (уже после начала пандемии) коллективом сотрудников ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН были проведены социологические исследования, посвященные измерению репродуктивных установок населения. В результате было выявлено сокращение репродуктивных установок населения в репродуктивном возрасте в 2020 г. Наилучшим образом выглядели репродуктивные установки в 2013 г. (табл. 5).

Таблица 5

Среднее идеальное, желаемое и ожидаемое число детей у населения Республики Коми в возрасте 15–49 лет, 2008, 2013 и 2020 гг.

Тип репродуктивных установок	2008 г.	2013 г.	2020 г.
Идеальное число детей	2,35	2,50	2,29
Число детей, желаемое при всех необходимых условиях	2,48	2,67	2,37
Ожидаемое число детей	1,98	2,13	1,96

Источники: Результаты социологических исследований, проведенных коллективом сотрудников ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

В начале 2010-х гг. произошел рост репродуктивных установок, так как экономическая ситуация в стране еще не начала ухудшаться, федеральные меры демографической политики были усилены региональными мерами, и они еще не утратили эффекта новизны. Далее мы видим, что по результатам обследования 2020 г. репродуктивные установки вновь сократились, на что могли повлиять новые условия – ухудшение экономической ситуации (начиная с 2014 г.) и эпидемиологическая напряженность (с января 2020 г.). В наибольшей степени в 2020 г. по сравнению с 2013 г. сократилось число детей, желаемое при все необходимых условиях (на 11,2 %). Сокращение к 2020 г. репродуктивных установок – неблагоприятная тенденция, свидетельствующая о необходимости решительного обновления мер демографической политики, решения проблем бедности семей с детьми, проведения ценностно-ориентационной работы для трансляции образа жизни счастливых гармоничных полных семей у нас в стране, чтобы они стали примером для многих. Поколениям 1990-х и начала 2000-х гг. предстоит реализовывать вторые и последующие рождения в непростых экономических, эпидемиологических условиях, острая проблема состоит еще в том, что сами эти поколения являются малочисленными, рожденными в кризис рождаемости.

Восьмая угроза – алкоголизация населения. В национальном рейтинге трезвости регионов Мурманская область расположилась на 32 месте, Республика Карелия занимает 60 место, Архангельская область – 65 место, Ненецкий АО – 80 место, а Республика Коми – на самом последнем 85 месте (!)*. В качестве основы для составления «Рейтинга Трезвости Регионов–2020» были вы-

* Трезвая Россия. Национальный рейтинг трезвости регионов – 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trezvros.ru/calendar/953>

браны наиболее важные шесть критериев оценки степени трезвости регионов и связанной с ней социальной напряженностью: число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти (отравления алкоголем); численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы; число преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения (единица); региональный объём всей проданной алкогольной продукции в литрах чистого спирта; число правонарушений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта и алкогольной продукции (единица); сила регионального антиалкогольного законодательства (количество часов запрета продажи алкоголя в сутки» и количество дней в году, когда полностью запрещена продажа алкогольной продукции)*.

Можно с уверенностью сказать, что никакие плакаты, реклама здорового образа жизни, декларации, указы, запретные дни и часы продажи алкоголя – по одиночке не способны справиться с этой проблемой, пока алкогольные магазины не перестанут открываться в каждом жилом доме. Частой практикой стало открытие сразу нескольких магазинов алкогольной продукции в одном доме. Когда алкоголь – самый доступный продукт для населения, никакие декларации не помогут справиться с этой проблемой, зачастую перерастающую в болезнь. По рейтингу трезвости видим, что для Севера алкоголизм считается социальной, общественной болезнью.

Девятая угроза – ухудшение в последние годы показателей экономического развития. Негативная динамика показателей экономического развития становится очевидным фактом, если эти показатели, выражаемые в рублях, привести к сопоставимым ценам 2020 г. через умножение на коэффициент инфляции. Наилучшее состояние рассмотренных экономических показателей наблюдалось в 2012–2013 гг., т.е. до наступления валютного кризиса в России 2014–2015 гг., связанного с резким ослаблением российского рубля ввиду снижения мировых цен на нефть и введением экономических санкций для России со стороны других государств. Итак, мы видим, что в 2020 г. по сравнению с 2013 г. произошло сокращение:

- среднедушевых денежных доходов населения, особенно существенно они сократились в Республике Коми (на 17,8 %) и Ненецком АО (на 14,8 %);

- потребительских расходов населения особенно в Республике Коми (на 29,2 %) и Мурманской области (на 11,9 %). Исключение: Архангельская область, где потребительские расходы с 2013 г. не сократились, а их размер уменьшился только в условиях пандемии;

- показателя оборота розничной торговли за год, на душу населения, наиболее сильным это сокращение было в Республике Коми (на 22,6 %) и в Мурманской области (на 10,6 %). Исключением являются Архангельская область и Республика Карелия, в которых был зафиксирован рост данного показателя в 2020 г. по сравнению с 2013 г.;

- снижение коэффициента покупательной способности доходов населения, рассчитанного как отношение между среднедушевыми денежными доходами и прожиточным минимумом населения региона, особенно в Мурманской области (на 15,8 %), Ненецком АО (на 22,0 %) и Республике Коми (на 22,7 %).

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. во всех регионах европейской части Севера России наблюдается рост безработицы. В России произошел рост безработицы на 1,2 п.п., среди рассмотренных регионов ее увеличение выше общероссийского уровня в Республике Карелия – 1,3 п.п. и в Мурманской области – 2,3 п.п.

Таким образом, исследование позволило выявить и систематизировать основные проблемы, препятствующие сохранению и воспроизводству населения на Европейском Севере России. Первая проблема – увеличение во время пандемии коронавируса уровня смертности. Вторая – сокращение показателей ожидаемой продолжительности жизни. Третья – снижение рождаемости после 2015–2016 гг. Четвертая угроза демографическому развитию – усугубление с 2010-х гг. влияния фактора неблагоприятной возрастной структуры на рождаемость. Пятая проблема – практически непрерывный миграционный отток населения. Шестая проблема – сокращение численности постоянного населения. Седьмая угроза демографическому развитию – снижение репродуктивных установок.

* Трезвая Россия. Национальный рейтинг трезвости регионов – 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trezvros.ru/calendar/953>

Восьмая – высокий уровень алкоголизации населения. И, наконец, девятая проблема – ухудшение экономических показателей, являющихся индикаторами уровня жизни, которое стало особенно заметно после 2014–2015 гг. Более благополучным на фоне других рассмотренных регионов выглядит Ненецкий АО – малочисленный регион с развитым добывающим сектором экономики, относительно молодой структурой населения и наличием коренного этноса с сохранившимися более высокими стандартами детности.

Население хорошо знает свои проблемы, из-за которых трудно сохранить здоровье, решиться на рождение (еще ребенка), продлить счастливую наполненную смыслом жизнь, а также знает проблемы своего региона, которые вынуждают решиться на переезд. Однако часто люди остаются не услышанными. Поэтому на федеральном, региональном и муниципальном уровнях должны налаживаться способы деятельного взаимодействия населения с органами власти, принимающими решения. Должны быть созданы в регионах, особенно имеющих проблемы демографического развития, организации, аккумулирующие в себе деятельность активных граждан и государственных структур в решении острых демографических проблем, выявлении их причин и предотвращении их усугубления. Должен осуществляться общественный контроль за претворением в жизнь выносимых решений. Требуется кардинальное решение проблемы бедности семей с детьми и сокращения доли семей, находящихся у ее порога. Важно показывать в средствах массовой информации преимущества семейно-детного образа жизни, свести на нет программы, транслирующие модели недостойного, бескультурного поведения, а социальная инфраструктура городов и поселков должна соответствовать задаче укрепления института семьи – для этого должны быть и не в одном количестве парки, скверы, зоны отдыха, спортивные площадки. На настоящий момент цели и задачи Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. не удалось достичь, произошел «откат» назад многих важнейших показателей. Пришло время активизировать финансовые резервы (бюджет государства последние несколько лет выходил в профицит, значит, располагает ими) для реальной помощи населению.

Литература

1. *Васильев В.В.* Анализ особенностей производства и жизнедеятельности человека на Севере России / *В.В. Васильев, В.С. Селин* // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2017. – № 1 (52). – С. 17–25.
2. *Зырянова (Шишкина) М.А.* Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты Всероссийских переписей населения / *М.А. Зырянова (Шишкина)* // Регионология. – 2018. – Т. 26. – № 2 (103). – С. 358–383. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383.
3. *Киселева А.М.* Демографическая безопасность северных регионов: проблемы депопуляции и миграции населения / *А.М. Киселева, О.В. Гокова* // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 4. – С. 181–190.
4. *Кожевников С.А.* Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ / *С.А. Кожевников* // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 87–107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5.
5. *Попова Л.А.* Продолжительность жизни населения северных регионов России: тенденции и резервы роста / *Л.А. Попова* // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2021. – № 4 (74). – С. 157–171. DOI:10.37614/2220-802X.4.2021.74.012.
6. *Сукнёва С.А.* Демографический компонент пространственного развития Северо-Востока России / *С.А. Сукнёва* // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии. Материалы Международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / отв. ред. Н.И. Быков. – 2018. – С. 411–416.
7. *Фаузер В.В.* Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение / *В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер* // Арктика: экология и экономика. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 111–122. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-1-111-122.
8. *Шабаев Ю.П.* Народы европейского Севера России: положение, специфика идентичности / *Ю.П. Шабаев* // Социологические исследования. – 2011. – № 2 (322). – С. 54–63.
9. *Аганбегян А.Г.* Как восстановить сохранность народа России / *А.Г. Аганбегян* // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 4–18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1.

А.К. Гагиева*

Пространственное освоение арктических территорий Европейского Севера России в дореволюционной историографии

Актуальность изучения арктических территорий Европейского Севера, игравших большую роль в истории Российского государства, бесспорна. Цель статьи представить историю изучения региона в литературе досоветского периода. Для ее достижения были использованы вышедшие до 1917 г. научные труды по истории заселения арктических территорий, а также исследования, посвященные вопросам сельскохозяйственного освоения, организации управления, быта и культуры народов, ее заселявших. На основе изученного материала был сделан вывод о выведении проблемы хозяйственного освоения арктических территорий за рамки регионального изучения.

Ключевые слова: *труды Вольного экономического общества, Археографическая комиссия, Императорское Русское Историческое общество, краеведческие научные общества*

A.K. Gagieva

Spatial development of the Arctic territories of the European North of Russia in Pre-Revolutionary Historiography

The relevance of studying the Arctic territories of the European North, which played a major role in the history of the Russian state, is indisputable. The purpose of the article is to present the history of the study of the region in the literature of the pre-Soviet period. To achieve it, scientific works published before 1917 on the history of settlement of the Arctic territories, as well as studies on agricultural development, management organization, life and culture of the peoples who inhabited it were used. On the basis of the studied material, it was concluded that the problem of economic development of the Arctic territories was removed from the framework of regional study.

Key words: *proceedings of the Free Economic Society, Archeographic Commission, Imperial Russian Historical Society, local history scientific societies*

Актуальность изучения арктических территорий Европейского Севера, игравших большую роль в истории Российского государства, бесспорна. Европейский Север в разные исторические эпохи

* Гагиева Анна Капитоновна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, gngkol2@mail.ru.

играл определяющую роль в становлении, развитии и формировании экономического и стратегического потенциала страны. В настоящее время историками и краеведами активно рассматриваются различные проблемы освоения арктических регионов. Существуют как общие [1], так и специальные работы [2].

Вместе с тем сегодня настала необходимость комплексного изучения арктических территорий Европейского Севера России в досоветской историографии. Первой такой работой была монография Петра Андреевича Колесникова «Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в российском государстве», изданная в 1976 г. Ученый основной упор сделал на изучение сельскохозяйственного освоения Европейского Севера России в XVIII в. Он показал расширение посевного клина, развитие агрокультуры, животноводства и др. С этой целью автор использовал целый комплекс впервые введенных в научный оборот исторических источников, материалы ревизий, подворных описаний и т.д. Однако ряд вопросов остались вне поля зрения автора, в том числе и историография, посвященная исследованию освоения арктических пространств.

Цель статьи – представить историю изучения региона в литературе досоветского периода. Для ее достижения были использованы вышедшие до 1917 г. работы историков, экономистов, географов и краеведов по истории сельскохозяйственного освоения, заселения и организации управления на Европейском Севере России и на арктических территориях. В основу анализа были положены общепризнанные методологические принципы, разработанные И.Д. Ковальченко [3] и Л.Н. Мазур [4]. Они помогают изучить опубликованные сочинения исходя из их двойственной природы. С одной стороны – это источники по истории изучаемого региона, с другой – уникальный историографический пласт.

Арктические территории – термин относительно новый. Он появился в конце XX – начале XXI в. Сюда вошли территории следующих субъектов Российской Федерации: Республики Коми; семь муниципальных округов Архангельской области, включая ГО Архангельск; Красноярский край (ГО Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий и Туруханский районы) и др. [5]. В данной работе нас будут интересовать регионы, относящиеся к арктическим районам Европейского Севера России: это северные части Архангельской области, Республики Коми, Мурманской области. В изучаемое время они входили в состав различных административных образований, где проживали русские, коми, ненцы, карелы, саамы и др.

Первые письменные сведения о заселении и освоении арктических территорий Европейского Севера России мы находим в северных летописях, крупными центрами которых были Архангельск, Вологда, Устюг, Холмогоры. Для северного летописания, как и для общероссийского, были характерны провиденциализм и прагматическое понимание истории. В каждой летописи шло подробное описание земель, перечислялись народы, проживавшие на этих землях, исследовались результаты монастырской и княжеской колонизации и т.д.

Со второй половины XVI в. появились первые сочинения иностранцев, в которых отражены сведения о северных территориях, промысловой и торговой деятельности населения [6]. Вызывали удивление успехи архангельских и мурманских мореходов в строительстве морских судов, в составлении мореходных карт. Житийная литература этого периода также не оставила без внимания арктические территории. Подчеркивалась роль Православной Церкви в освоении региона, деятельность монастырей и подвижников.

Конец XVII – первая половина XVIII в. характеризовались коренными изменениями в экономической, культурной и политической жизни. Происходило изменение роли и значения Европейского Севера России и его арктических территорий. Открытие и разработка уральских месторождений, перенесение торговых путей в Европу и Сибирь из Поморья несколько принизили роль изучаемого региона. Однако изучение производительных сил продолжалось. Первым историком, основоположником историографии Европейского Севера был Василий Васильевич Крестинин (1729–1795 гг.). Он являлся краеведом, общественным деятелем, активным участником борьбы на Архангельском посаде мещанской части населения против купеческой верхушки. Привлекая для написания работ посадские и частные архивы, он ввел в научный оборот северные и писцовые переписные книги, материалы ревизий, мирские приговоры, окладные книги, различный актовый материал. Написан-

ные им сочинения впервые ввели в научный оборот целый комплекс архивных документов, ранее неизвестных исторической общественности [7].

Во второй половине XVIII в. было создано Вольное Экономическое общество (ВЭО), которое объявляло конкурсы проектов по повышению производительности сельского хозяйства и промыслов как в центре России, так и в северных регионах. Начиная с 1770 г. ВЭО начинает печатать материалы северных корреспондентов о животноводстве и промыслах. Так, в 1790 г. была напечатана статья современника В. Крестинина архангелогородца А. Фомина «Описание изобретенного поселянами Архангельской губернии унавожения пашен торфом, называемым тундрой» [8]. Следует отметить, что в статьях В. Крестинина, А. Фомина и других использовались материалы подворной переписи Архангельской губернии 1785 г., где присутствовал материал об агротехнике, крестьянских промыслах, питании, быте и хозяйстве самоедов, проживавших в низовьях р. Печоры и на р. Усе, были представлены праздники жителей Архангельской губернии.

В этот же период Академия наук организовала ряд экспедиций для исследования природы, населения и хозяйства страны. Некоторые из них были посланы на Север. Участники экспедиций оставили дневники, карты, планы и другие документы, непосредственно посвященные вопросам освоения Европейского Севера. Это записки И. Лепехина, руководившего в 1768–1772 гг. академической экспедицией по Архангельской губернии [9]. В IV томе «Записок», основная часть которого написана Н.Я. Озерецковским, были исследованы история заселения, быт, нравы и занятия жителей с. Ижма.

Определенный вклад в изучение арктических территорий Европейского Севера внесли работы, связанные с характеристикой губерний. Экспедиции, проводившиеся в 1775–1785 гг., дали толчок проведению естественнонаучных исследований. В 1777 г. А.А. Засецким было составлено историко-географическое описание Вологодского края на основе известных ему летописей и других источников [10]. По инициативе губернатора А.П. Мельгунова, в 1784 г. было опубликовано одно из первых описаний Вологодского наместничества «Топографическое описание Вологодского наместничества вообще». В этом описании приведены географические сведения о тундре, реках Печора и Вычегда (длина, ширина, характер берегов), а также многочисленные сведения о природных ресурсах – точильной горе на р.Соплес, о богатых лесных массивах и др. В этот же период стали публиковаться топографические описания северных территорий, отдельных уездов и городов, которые сохранились практически по всем уездам. Здесь представлены сведения по истории, характеризовалось состояние сельского хозяйства, промыслов и ремесел. К этим работам прилагались Атласы, составленные губернскими и уездными землемерами.

Развитие общероссийской исторической науки нашло отражение и в становлении краеведения. Этому содействовала деятельность Археографической комиссии Российской академии наук. Она организовывала экспедиции на Европейский Север по сбору уникальных исторических источников и опубликовала значительное количество актовых и иных материалов по истории региона. В неофициальной части газет «Губернские ведомости» начали печататься историки-краеведы. С начала выхода этих газет, с 1838 и до 1860 гг., только по аграрной истории северного крестьянства и коренного населения Арктики было опубликовано более 30 статей и документов, в центральных журналах и сборниках – более 50. Примером могут служить «Вологодские губернские ведомости». Газета была основана другом А.И. Герцена В.И. Соколовским, сосланным в Вологду и имевшим опыт экономических и географических описаний. Не удивительно, что с первых номеров издания здесь стали публиковать краеведческие материалы не только по истории, но и по географии и экономике Европейского Севера. В поле зрения краеведов оказались самые разнообразные вопросы: история заселения и освоения Европейского Севера, история промысловой деятельности, занятия, уклад, управление и др. Однако следует признать, что изучение Европейского Севера и его арктической части в это время не выделялось в самостоятельную проблему.

Вторая половина XIX в. – это время открытия Европейского Севера, как одного из районов России, сохранившего прекрасные исторические памятники материальной и духовной культуры русских, коми, карел и других народов. Активизации деятельности по изучению региона способствовали и появившиеся общественные организации. Речь идет об Императорском Русском историческом обществе и Императорском Русском географическом обществе.

Императорское Русское историческое общество было образовано в 1866 г. Основная деятельность состояла в сборе и публикации исторических источников и введении их в научный оборот. Отобранные материалы публиковались в «Сборниках Русского Исторического Общества». Всего было издано 148 томов. Как правило, публиковались редкие или ранее неизвестные документы. Например, публикация наказов крестьян Европейского Севера в Уложенную комиссию 1767–1768 гг., актовые материалы по истории заселения и хозяйственного освоения и др.

Продолжалась активная работа по изучению географии, климата, водных ресурсов, полезных ископаемых арктических территорий членами Императорского Русского географического общества. Организуя экспедиции, члены общества проводили картографирование, опросы населения, измеряли глубины рек и озер, делали анализ почв, совершали астрономические наблюдения и др. Все это было опубликовано в Вестниках Императорского Русского географического общества, путевых записках, монографиях и т.д. Следует упомянуть «Дневник В.Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1845 г.», где представлено освоение Печорского края, заселение арктических территорий. Примыкает к дневниковым записям и опубликованное «Путешествие по Северу России в 1791 г.» П. Челищева, где автор описывал занятия населения северных губерний – коми и ненцев [11].

В 1859 г. появилось отдельное двухтомное издание историка, этнографа, краеведа, писателя С.В. Максимова «Год на Севере». Автор, исследуя жизнь населения Европейского Севера, представил интересные зарисовки быта жизни русских, ненцев и коми. Он обратил внимание на особый уклад жителей с. Усть-Цильма, праздники и обряды, изучил систему местного управления. При этом неоднократно подчеркивал роль животноводства и оленеводства в жизни ненцев и ижемцев. Заслугой автора было и то, что он впервые ввел в научный оборот новый исторический документ – «Платежницу с писцовой книги Пустозерских волостей 1575 г.» [12].

Активизации интереса к арктическим территориям способствовали и «Памятные книжки», которые начали издаваться статистическими комитетами губерний. Архангелогородский губернатор А.П. Энгельгард, совершая путешествие по Северу в своих путевых записках упоминает Пустозерск, Ижму, Усть-Цильму и другие арктические территории. В своей работе он ссылается на Памятную Книжку Ижемской церкви [13]. К сожалению, данный документ не обнаружен, но подтверждение о нем также присутствует в работе Н. Ончукова «Печорские былины» [14]. Все вышеназванные работы описывали Европейский Север, однако в работах не были указаны причины освоения арктических территорий. Единственный автор, который попытался это сделать, был А.И. Шренк. Причиной колонизации арктических территорий, по его мнению, были пушной промысел и торговля [15]. Эта же причина заставляла население продвигаться на север и восток, осваивая арктические пространства.

Постепенно определились главные направления изучения арктических территорий Европейского Севера: освоение территории, общественный уклад, сельское хозяйство и промыслы. Этим проблемам в 60–90-е гг. XIX в. было посвящено 20 книг и более 60 статей. Они печатались как в местных, так и в центральных журналах: «Сын Отечества», «Русская старина», «Русское богатство» и др. Среди книг и статей необходимо выделить статьи верховажского мещанина М.Н. Мясникова, по истории Важского уезда [16] и А.С. Ульяновского [17]. Так, А.С. Ульяновский, определяя дату основания Ижмы, указывал, что основателями населенного пункта были усть-цилемы, чакольцы, кеврольцы и мезенцы. Основываясь на этнографических материалах и собственных наблюдениях, автор показал самобытность общественного уклада населения этого района, особенности ведения хозяйства и доказал, что промыслы являлись главными источниками дохода населения [18].

Следует отметить, что изучение Европейского Севера и арктических территорий, сбор исторических и этнографических материалов происходили одновременно. Это проявилось в организации экспедиций, в которых принимали участие видные ученые того времени. По числу участников они были невелики, их основные маршруты пролегли по берегам рек и ограничивались одной навигацией. Подготовленные и изданные в результате научных изысканий материалы до настоящего времени являются ценными историческими источниками. Дополняют их монографии по изучаемой проблеме, опубликованные в этот период.

Работа М.М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.», написанная на основе большого количества исторических источников, посвящена вопросам заселения арктических территорий и организации управления в крестьянских мирах Поморья и Европейского Севера. Автор считал, что крестьянские общины, сформированные здесь, были поземельными организациями и самостоятельными самоуправляющимися единицами. Вместе с тем из поля зрения автора фактически выпали вопросы имущественного и социального расслоения, быта и культуры [19].

Исследуя исторические произведения по истории Европейского Севера, вышедшие в досоветский период, нельзя не сказать о трудах, посвященных истории северной общины. Историография этого вопроса достаточно хорошо изучена. Так, по данным исследователей истории северной общины досоветского периода посвящено 113 работ. Это монографии, статьи, очерки и др. [20]. Первой работой в этом направлении была статья А. Лалоша «Сельская община в Олонецкой губернии», опубликованная в 1874 г., где автор показывал отличия крестьянских общин севера и юга России [21]. В 1877 г. П.А. Соколовский в работе «Очерки истории сельской общины на Севере России» открыл новый этап в исследовании вопроса. Он утверждал, что в северной общине, включая общины арктических территорий, не было экономического неравенства и принуждения, а господствовали равные права его членов [22]. Вслед за этой работой появляются работы П.И. Сергеева, П.И. Иванова и др. [23].

Особо бы хотелось остановиться на работе А.Я. Ефименко, которая, вступив в полемику с П.А. Соколовским, выдвинула интересную теорию, в которой доказывала, что на севере колонизация и освоение незаселенных пространств проходили семейными союзами – задругами или печищами. Создавалось нераздельное владение большой родовой семьи. Печищное землевладение было основано на принципе «долевой организации». Каждый двор имел право на свою долю земельного владения деревни. В результате эволюции семейно-долевого землевладения и в силу определенных исторических условий, общинное землевладение превратилось в течение XVII в. в подворное. При этом автор верила в общину на Севере, которая являлась не только поземельной, но и общественной организацией, имевшей свое выборное общинное управление и аппарат [24]. В работе «Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии» А.Я. Ефименко исследовала традиционную юридическую культуру этих народов, включая гражданское право, уголовное право, судебную систему и социальную организацию. Эта работа, кроме того, содержала исторические документы XVII–XIX вв., большая часть которых была впервые введена в научный оборот [25].

В этот же период в центральных и местных изданиях возросло число публикаций, посвященных различным отраслям сельского хозяйства, а также оленеводству и животноводству [26]. Подчеркивалась роль северных народов в продвижении их на север и за Урал и освоение ими необжитых территорий.

Изучение арктических территорий привлекало внимание и политических ссыльных. Наибольшую известность получили труды Н.И. Надеждина, в которых печатались материалы по исторической географии Европейского Севера и Коми края. Ссылный этнограф П.П. Чубинский проводил исследование «мер к развитию и заселению Печорского края». Являясь чиновником особых поручений при архангельском генерал-губернаторе, он в 1863 г. участвовал в переписи населения губернии, а в 1867 г. по заданию Вольного экономического общества и Императорского Русского Географического Общества изучал экономические ресурсы Севера. Арктические территории привлекали внимание Морского ведомства, а также геологов. Они занимались поиском углей для Архангельского порта, а также изучением возможности соединения рек Печоры и Вычегды. Известны работы А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна по изучению Печорского края. Работы экспедиций позволили составить точную карту северного побережья Арктики [27].

Рассматривая вопросы изучения арктических территорий Европейского Севера, нельзя не сказать об этнографических, лингвистических исследованиях. Это работы А.М. Шегрена, посвященные изучению языка коми, и исследования выдающегося финского ученого Матиаса Кастерна. Последний побывал в северных районах Коми края в 1843 г. В результате им была составлена зырянская грамматика и защищена докторская диссертация «О склонении имен зырянского языка». Следует отметить, что это была первая научная работа, посвященная языку, культуре и истории коми населения.

Изучением арктических пространств занимались и экономисты. В 1893 г. статистик В.Ф. Попов обследовал северные районы Архангельской губернии и предоставил в уездную земскую управу г. Усть-Сысольска программу обследования уезда. В его основу был положен опыт передовых земств и статистических комитетов. Известным автором по экономическим проблемам Европейского Севера был А.Ф. Арсентьев. Он изучал население р. Печоры и припечорских территорий. Взяв за основу материалы члена статистического комитета П.В. Кокшарова, к тому времени умершего, он опубликовал работу «О промышленных делах и торговых сношениях в зырянском крае».

В этот период началась публикация исторических источников конца XVI – начала XVII в., где содержались сведения о численности, социальном и возрастном составе, расселении, занятиях населения Европейского Севера [28]. На местах продолжалось выявление древних рукописей. Примером служит деятельность сосланного в Коми край народника А.Н. Александровского, который активно изучал и публиковал в центральных и местных журналах документы архива Яренской воеводской канцелярии и Усть-Сысольского судебного архива [29].

Большую роль в развитии исторической науки на местах сыграли созданные после революции 1905 г. научные исторические общества по изучению Севера. Они издавали свои научные журналы, в которых участвовали крупные ученые страны и краеведы. В конце XIX – начале XX в. начали выходить журналы кооперативных организаций. Так, в 1910 г. Вологодское общество сельских кооперативов стало издавать журнал «Известия», который позднее стал называться «Северный хозяин», продолжали выходить «Памятные книжки». Значительное число работ было посвящено промыслам и животноводству на Печоре и ее притокам, жизни и обычаям коренного населения и др.

Подводя некоторые итоги необходимо отметить, что историография изучения арктических территорий Европейского Севера в досоветский период довольно обширна. Исследователи внесли определенный вклад в изучение различных вопросов освоения, заселения арктических территорий. В работах поднимались самые разнообразные вопросы: от истории колонизации до влияния климатических условий на структуру хозяйства и управления. Работы ученых досоветского периода открывали новые направления в исторической науке, решали новые исследовательские задачи, активно собирали исторические источники.

Однако историография, за некоторым исключением, практически на всех этапах, носила несколько поверхностный характер. Исследователи, за исключением немногих, описывали историю освоения, заселения, быта и культуры проживающего населения. Созидательная роль народа и его представителей не нашла достойного отражения в крупных монографических сочинениях. Сегодня стоит вопрос о необходимости более широкого использования научных трудов досоветского периода и выведение роли человека в освоении арктических территорий Европейского Севера за рамки регионального изучения.

Источники и литература

1. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1. – 558 с.; История Карелии с древнейших времён до наших дней / Науч. ред. Н.А. Кораблёв, В.Г. Макуров, Ю.А. Савватеев, М.И. Шумилов. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – 994 с. и др.
2. *Беспятых Ю.Н.* Карелия при Петре I / *Ю.Н. Беспятых, Г.М. Коваленко.* – Петрозаводск: изд. Карелия, 1988. – 142 с.; *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / *Л.Н. Жеребцов.* – Москва: Наука, 1982. – 224 с.; *Жеребцов И.Л.* Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / *И.Л. Жеребцов.* – Москва: Наука, 2000. – 578 с.; *Силин В.И.* Очерки по истории географических исследований на территории Коми края / *В.И. Силин.* – Сыктывкар: изд. КРИОиПК, 2003. – 176 с.; *Кондрескул А.М.* Северная Русь в Удельный период / *А.М. Кондрескул* // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2015. – № 2. – С. 15–21; *Игнатова Н.М.* Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX вв.; историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / *Н.М. Игнатова, Д.И. Вишнякова, А.П. Обедков, В.И. Силин.* – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УРО РАН, 2022. – Вып. 1. – 276 с., и др.
3. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования (второе издание) / *И.Д. Ковальченко.* – Москва: Наука, 2003. – 485 с.

4. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования / Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
5. Гагиева А.К. Пространственное освоение арктических территорий Европейского и Азиатского Севера в имперской России до 1917 года. Первый этап / Л.Н. Мазур // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Материалы XIV Всероссийской научной конференции (с международным участием) 22–23 апреля 2021 г. – Сыктывкар: изд. КРАГСИУ, 2021. – С. 91–95.
6. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Ленинград: изд. Главлит, 1938. – 306 с.; Флетчер Д.О. О государстве Русском / Флетчер Д.О. – 3-е изд. – СПб.: изд. Тип. А.С. Суворина, 1906. – 138 с.; Койет Балтазар. Посольство Кунрадафон – Кленки к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Койет Балтазар. – Санкт-Петербург: Изд. Археографической комиссии, типография Главного управления уделов, 1900. – 287 с.; Путешествие Корнилия де-Бруина через Московию (при Петре Великом) // Чтения императорского общества истории и древностей Российских. – 1872. – № 1–4; – 1873. – № 1 и др.
7. Крестинин В.В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен / В.В. Крестинин. – СПб.: изд. Имп. Академии наук, 1784. – 69 с.; Крестинин В.В. Краткое географическое известие о земле самоедской и о состоянии самоедов, обитающих в Архангельском наместничестве / В.В. Крестинин. – СПб.: изд. Имп. Академии наук, 1792. – 68 с.
8. Труды ВЭО. – 1776. – Ч. XXIII.
9. Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. Дневные записки. – СПб.: изд. Имп. Академии наук, 1818–1825. – Ч. 1–7.
10. Засецкий А.А. Исторические и топографические известия и древности о России и частно о Вологде и его уезде / А.А. Засецкий. – Москва: изд. Университетская типография Н. Новикова, 1782. – 87 с.
11. Челищев П. «Путешествие по Северу России в 1791 году». Дневник П.И. Челищева издан под наблюдением Л.Н. Майкова. – СПб.: изд. тип. В.С. Балашева, 1886. – 315 с.
12. Максимов С.В. Год на Севере / С.В. Максимов. – СПб.: изд. П. К. Прянишникова, 1890. – С. 430–432.
13. Энгельгард А.П. Русский Север. Путевые записки / Энгельгард А.П. – СПб.: изд. Тип. А.С. Суворина, 1897. – 258 с.
14. Ончуков П. Печорские былины. Записки ИРГО / П. Ончуков. – СПб.: изд. типо-литрография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. – Т. XXX.
15. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам / А. Шренк. – СПб.: изд. Типография Григория Трусова, 1885. – 665 с.
16. Мясников М. Нечто о пятинах новгородских и особенное о стране, известной издревле под именем Ваги / М. Мясников // Северный архив. – 1827. – Ч. 27. – № 9–12. – С. 12–34; Ульяновский А.С. Село Усть-Цильма Архангельской губернии / А.С. Ульяновский // Архангелогородские Губернские ведомости. – 1868. – № 26.
17. Ульяновский А.С. Село Усть-Цильма Архангельской губернии / А.С. Ульяновский // Архангелогородские Губернские ведомости. – 1868. – № 26. – С. 14–34.
18. Там же. – С. 24–28.
19. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере. XVII в. / М.М. Богословский. – Москва: изд. Императорского Общества истории и древностей, российских при Московском университете: Синодальная типография 1909–1912 гг. – Т. 1. – С. 53–56.
20. Гагиева А.К. Община Крестьян Коми Края во второй половине XVIII века: автореф. дисс...канд.ист. наук / А.К. Гагиева. – Ленинград: изд. Государственного педагогического института им. А.И. Герцена, 1987. – 21 с.
21. Лалош А. Сельская община в Олонецкой губернии / А. Лалош // Отечественные записки. – 1874. – Т. 2. – С. 219–227.
22. Соколовский П.А. Очерки истории сельской общины на Севере России / П.А. Соколовский. – СПб.: изд. типография В.Ф. Демакова, 1877. – С. 39–52.
23. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в российском государстве / П.А. Колесников. – Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, Вологодское отделение, 1976. – С. 186, 27, 226.
24. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: Обычное право / А.Я. Ефименко. – Москва: изд. В.И. Касперов, 1884. – С. 149, 170.
25. Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии / А.Я. Ефименко // Из записок Императорского Русского Географического Общества по отделению Этнографии». – СПб: изд. тип. В. Киршбаума, 1878. – Т. VIII. – С. 234–267.

26. *Спесивцев П.Н.* Практический определитель короедов главнейших древесных пород Европейской России (за исключением Крыма и Кавказа): пособие для студентов и лесоводов / *П.Н. Спесивцев.* – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1913. – 112 с.
27. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1. – С. 526, 529.
28. Акты времен правления царя Василия Шуйского. – Москва, 1914 // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. – СПб.: изд., тип. О-ва распространения полезных книг, аренд. В.И. Вороновым, 1905. – Кн. 3. – Вып. 214; *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. – Москва: изд. Синодальная типография. – 1913–1917. – Т. 1–2.
29. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1. – С. 529.

Л.В. Корвин-Пиотровский

Селения Печорского края. Из «Трудов экспедиции 1909 г. по обследованию 5-го участка Усть-Сысольского уезда»*

Публикуется фрагмент «Трудов экспедиции 1909 г. по обследованию 5-го участка Усть-Сысольского уезда», подготовленных и изданных в 1910 г. Л.В. Корвином-Пиотровским, содержащий важные сведения о населенных пунктах верхней Печоры и верховьях Вычегды в начале XX в. Приведены биографические сведения о Л.В. Корвине-Пиотровском.

Ключевые слова: *Л.В. Корвин-Пиотровский, река Печора, река Вычегда, коми, населенные пункты*

Начало XX в. было временем, когда на Европейском Северо-Востоке работало несколько важных экспедиций, одной из задач которых было исследование населения и населенных пунктов. Одним из объектов изучения стали обширные пространства на востоке Вологодской губернии, в верховьях Печоры и Вычегды, составлявшие 5-й участок Усть-Сысольского уезда. Инициатором одной из экспедиций стал вологодский губернатор Алексей Николаевич Хвостов (1872–1918), возглавивший губернию 2 июня 1906 г. и посетивший в 1907 г. р. Ухту, а летом 1908 г. – верхнюю Печору. Убедившись, по его словам, «в полной неосведомленности уездных представителей власти о положении вещей в указанном выше огромном районе, обследовать который необходимо как в целях устройства крестьянского населения, так и для выяснения, хотя бы самого первоначального, – пригодности края к заселению» [1], А.Н. Хвостов занялся поисками человека, имеющего представление о водных путях сообщения (являвшихся в указанном регионе основными, а зачастую и единственными путями сообщения) и достойного (в соответствии с существовавшими тогда требованиями) занять должность земского начальника 5-го участка Усть-Сысольского уезда.

В Санкт-Петербурге А.Н. Хвостову «отлично рекомендовали» (по его выражению) надворного советника Людвиг Владиславовича (Владиславлевича) Корвина-Пиотровского (1866 – не ранее 1919), правителя канцелярии и дел общего присутствия правления Петербургского округа, автора нескольких публикаций о путях сообщения и чиновничьей службе («К вопросу о личном составе железных дорог» [2], «Современный чиновник и его судьба» [3], «Новые основания гражданской службы» [4]). Помимо этого, Л.В. Корвин-Пиотровский, возможно, занимался и литературным творчеством (в частности, драматургией): по некоторым данным, он являлся редактором журнала «Театрал» (издававшимся в 1895–1898 гг.), автором комедии «Старый друг – лучше новых двух» [5] и драмы «Дьяволенок. Сцены из романа Генриха Сенкевича “Пан Володыевский”» [6], литографированными в Санкт-Петербурге в 1901 г. Литературные свершения, впрочем, к делу не относились. Но, как писал позднее сам Л.В. Корвин-Пиотровский, «случайно цензовые, на должность земского начальника, требования земского отдела министерства внутренних дел совпали с проектами г. Вологодского губернатора и благодаря моим научным трудам по водоходству, на меня пал выбор» провести интересовавшее губернатора исследование [1].

29 января 1909 г. А.Н. Хвостов направил министру внутренних дел Российской империи доклад, в котором представил Л.В. Корвина-Пиотровского к назначению земским начальником 5-го участка Усть-Сысольского уезда как чиновника, «вполне подготовленного» к выполнению поставленных задач, которые, писал А.Н. Хвостов министру, «признаются мною крайне важными». Назначение состоялось. В конце апреля экспедиция Л.В. Корвина-Пиотровского, по его словам, «первым парходом, который прокладывал себе дорогу между льдинами весеннего ледохода», отправилась

* Публикация текста и предисловие д.и.н. **И.Л.Жеребцова** (Сыктывкар, ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Название дано публикатором. Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

из Вологды в Усть-Сысольск, где «пришлось целый месяц выжидать спада воды и возможности дальнейшего пути, который пролегал по земскому тракту, несколько раз пересекающему Вычегде при отсутствии переправы» [1]. Дождавшись первого парохода из Усть-Сысольска в Усть-Кулом, Л.В. Корвин-Пиотровский отплыл вверх по Вычегде, а затем сухопутным путем из Усть-Кулома в Пожег.

Описание своей работы в верховьях Вычегды и на верхней Печоре Л.В. Корвин-Пиотровский опубликовал в книге «Труды экспедиции 1909 г. земского начальника Л.В. Корвин-Пиотровского по обследованию 5-го участка Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и по предварительному исследованию вопроса возможности соединения водным, через Урал путем бассейнов рек Оби и Печоры» (Санкт-Петербург, 1910 г.), в которой значительное место уделено местным жителям и селениям. Характеристика этих материалов достаточно полно дана в публикации О.Н. Титкова «Этнодемографическое своеобразие населенных пунктов верхней Вычегды и верхней Печоры по материалам экспедиции Л.В. Корвина-Пиотровского 1909 г.» [7]. Но сами «Труды экспедиции 1909 г.» давно стали библиографической редкостью. Они являются ценным источником по изучению расселенческих процессов в Коми. В настоящую публикацию включены фрагменты работы Л.В. Корвина-Пиотровского, касающиеся населенных пунктов вверенного ему участка.

Еще несколько слов о А.Н. Хвостове и Л.В. Корвине-Пиотровском. А.Н. Хвостов являлся вологодским губернатором до 23 августа 1910 г., затем возглавил Нижегородскую губернию (а тамошний губернатор М.Н. Шрамченко, наоборот, стал руководить Вологодской губернией). Возможно, из-за этой ротации идеи по развитию Верхнепечорского края, выдвигавшиеся А.Н. Хвостовым и Л.В. Корвином-Пиотровским, не были реализованы. А.Н. Хвостов был нижегородским губернатором до 15 ноября 1912 г., затем был избран в Государственную Думу, являлся председателем думской фракции правых, позднее недолго был министром внутренних дел Российской империи и главным начальствующим над Отдельным корпусом жандармов (26 сентября 1915 – 3 марта 1916). Во время Февральской революции был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, где находился около полутора лет. В начале Красного террора публично казнен в Москве как заложник вместе с группой священнослужителей и правых политиков [8].

Л.В. Корвин-Пиотровский отметил в Усть-Сысольском уезде еще несколькими инициативами. Во-первых, он попытался организовать на Печоре перевозку земской почты, продовольствия и прочих грузов, врачей, священников и других пассажиров путем приобретения быстроходных моторных катеров (благодаря моторам «предстоит безустанная по воде деятельность в особенности в настоящее время по линии будущего великого водного по реке Илычу пути», – писал он) [1]. Усилиями Усть-Сысольского земского собрания и Л.В. Корвин-Пиотровского в октябре 1909 г. был приобретен в Санкт-Петербурге немецкий мотор «Дан» для лодки «Лебедь», которую он использовал во время своей экспедиции 1909 г. по Илычу. По сведениям краеведа А. Панюкова, мотор доставили в Котлас по железной дороге, потом в Помоздино на пароходе, а далее в Троицко-Печорск на подводах, летом 1910 г. установили его на лодку, но завести так и не смогли... [9; 10].

Во-вторых, Л.В. Корвин-Пиотровский предложил передать дорогу по Печорскому волоку (с Вычегды на Печору) как стратегически важный путь в ведение российского министерства путей сообщения и «немедленно выработать проект шоссе и мостовых сооружений на дороге от Помоздина до с. Троицкого на Печоре», а также обустроить дороги через Урал от Щугора до Ляпина и от Илыча до Сибиряковской пристани на реке Манье. Далее, Л.В. Корвин-Пиотровский призывал земство установить в Печорском крае телеграф и телефоны, с дозволения губернатора обращался с соответствующей просьбой к начальнику Главного управления почт и телеграфов России и получил благоприятный ответ. Он также ходатайствовал о разрешении постоянного устройства декабрьской ярмарки в селе Троицком и, наконец, об открытии в с. Троицком столярной, слесарной, кузнечной и переплетной мастерских. Кроме этого, 29 апреля 1910 г. Л.В. Корвин-Пиотровский выступил в Московской купеческой управе с докладом «о Великом водном Сибирском пути» (доклад был издан отдельной брошюрой) [11].

Через некоторое время после перевода А.Н. Хвостова в Нижний Новгород Л.В. Корвин-Пиотровский покинул Усть-Сысольский уезд и перебрался поближе к губернскому центру.

В 1912–1914 гг. он являлся земским начальником 3-го участка Грязовецкого уезда, в 1912 г. состоял также действительным членом Вологодского округа Императорского Российского общества спасения на водах и членом Грязовецкого уездного училищного совета, получил чин коллежского советника [12–14]. В 1913 г. он опубликовал в Вологде брошюру «Домострой сельской жизни», посвященную законам, касающихся крестьянского сословия [15].

К 1916 г. Л.В. Корвин-Пиотровский был удостоен очередного чина. 12 апреля 1916 г. газета «Сибирская жизнь» сообщала, что «в Иркутск прибыл назначенный Высочайшим приказом по гражданскому ведомству на должность советника иркутского губернского управления статский советник Людвиг Владиславович Корвин-Пиотровский» [16]. Вероятно, в Иркутске Л.В. Корвин-Пиотровский и встретил Февраль и Октябрь 1917 г. В период Гражданской войны он находился на стороне Белого движения, имел чин полковника. Вероятно, после прихода к власти в Забайкалье атамана Г.М. Семенова во второй половине 1918 – начале 1919 гг. Л.В. Корвин-Пиотровский был назначен управляющим Верхнеудинским уездом Забайкальской области. В середине мая 1919 г. по распоряжению Г.М. Семенова он руководил ликвидацией самопровозглашенного бурятского Кундунского буддистского государства во главе с ламой Цыденовым [17]. По возвращении в Верхнеудинск вступил в конфликт с начальником располагавшегося там отряда американских солдат из-за игнорирования ими местной белой власти, о чем докладывал управляющему Забайкальской областью 23 мая 1919 г. [18]. Известно также о конфликте Л.В. Корвина-Пиотровского (также в бытность его управляющим Верхнеудинским уездом) с драматургом, журналистом и театральным деятелем И.Я. Абрамовичем (1888–1934) [19]. Дальнейшая судьба Л.В. Корвина-Пиотровского неизвестна.

* * *

<...> В состав 5-го участка Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии входит часть бассейна реки Печоры на протяжении 160 верст и хотя река Печора протекает по трем Пермской, Вологодской и Архангельской губерниям, тем не менее, площадь этого бассейна лишь в одной Вологодской губернии носит название Печорского края. Будучи отделенным от бассейна р. Вычегды Тиманским кряжем через который пролегает земский тракт на протяжении 134 верст, Печорский Край (в пределах 5 участка) обнимает собою площадь приблизительно в 92.000 кв. верст, около 9 ½ мил. десятин земли.

<...> Первая волость участка, – это Пожегодская. Прежде волость эта входила в состав Помоздинской (соседней, но в настоящее время с 1 января 1903 г. волость эта стала самостоятельной). Волость эта состоит из одного общества, населением около 2000 душ. Пожегодская волость отстоит от уездного города в 222 верстах и состоит из 11 деревень и одного села. Село Пожег расположено на левом берегу р. Вычегды, в нем 8 домохозяев, жителей мужчин 23, женщин 19. В селе каменная церковь, которая нынешней весной будет перестраиваться, для чего местный священник производил в лето 1909 г. заготовку кирпича. Церковь не вмещает и половины прихожан и потому в предстоящее лето предполагается расширить церковь вдвое больше. В селе волостное правление, которое помещается в собственном здании. За церковью на открытом месте стоит на каменных (кирпичных) устоях хлебозапасный магазин, который содержится в полном порядке. Так как село лежит на тракте в с. Помоздино, то и зимою и летом здесь большое движение, к услугам которого имеются постоянные дворы. В селе Пожег фельдшерский пункт имеется и казенная винная лавка.

<...> В самом селе ярмарок не бывает, да в них нет никакой и надобности, так как в селе Помоздино в 26 верстах бывает довольно продолжительная ярмарка в декабре месяце. Село отделяется речкой, за которой расположена на высоком берегу деревня Габсикская [Габсикт] из 23 дворов. Мужчин в ней 92, женщин 74. Далее деревня Шахсикская [Шахсикт] из 42 двора, 122 мужчины и 130 женщин, расположена тоже на высоком месте отдаляясь от реки Вычегды, а далее в одной версте деревня Кекурская в 52 двора, 200 м. и 170 ж., по правую же сторону реки расположена деревня Вольминбожская [Вомынбож] в 32 двора 127 м. и 113 ж., неподалеку между этими деревнями стоит особняком небольшой завод кожевенный, который по производству своему является лишь для местных нужд.

<...> Далее деревня Вомир-Юрч [Вомыньюр] из 8 дворов, 23 м. и 33 ж., а напротив ее, между горами, Маевская[?] деревня тоже из 8 дворов 35 м. и 30 ж. Далее деревня Пожегдинская из 57 дворов 177 м. и 170 ж. Это большая деревня, в которой имеются даже две большие и широкие улицы. В этой деревне имеется и земская школа. В расстоянии 11 верст расположена на правом берегу дер. Великопьевская [Великопольская] из 42 дворов, 155 м. и 148 ж. тоже с земской школой. Затем по пути к Помоздину имеются три поселка: Дыренакожи [?] из 2 дворов 10 м., 10 ж., Седтыдарский [Седтыдор] из 6 дворов 14 м. и 11 ж. и Сторожевский Хутор [?]. Все эти деревни, расположенные вокруг села Пожег, имеют между собою связь с дорогами, как полевыми, так равно и водою по р. Вычегде. Вся волость расположена на склонах очень гористой местности, лесные пространства отделяются площадями полевой земли, очень хорошей. Деревенские постройки не скучены.<...>

В 26 верстах от с. Пожег по р. Вычегде расположено село Помоздино, получившее свое название от реки Помозд [Помос], притока Вычегды, у слияния которых и расположено село Помоздино. Волость эта около 3000 душ обоего пола состоит из 17 деревень и 4 починов, великолепно обзаведенных, являющихся прекрасными образцами хуторского хозяйства. Село Помоздино состоит из 57 дворов, 181 м. и 194 ж. В селе каменная церковь, высокая, превосходно отделанная, скорее напоминает собою городской храм Божий чем сельскую церковь, в особенности во время богослужения, когда прекрасный хор певчих мысленно переносит молящихся из глуши деревни на архиерейскую службу. В селе две земские школы, одна двухклассная мужская и женская; кроме того в помещении женской школы производится еще занятия воскресной школы. В селе фельдшерский пункт. Имеется почтовая станция. Казенная винная лавка доводит свои обороты до 30.000 рублей. Само село Помоздино расположено на песчаном участке, а далее по Помозду залежи каменноломные. Село является центром большой и зажиточной волости, которая обладает потребительской лавкой. <...>

В версте от Помоздина расположена деревня Модлаповская, состоящая из 24 дворов при 77 м. и 76 ж., а рядом Нижнеслюда-божская [Нижне-яг-слудабож] из 4 дворов при 7 мужчинах и 10 женщинах и Вехнеслюда-божская [Верхн-яг-слудабож] из 8 дворов, при 24 мужчинах и 22 женщинах. Несколько севернее Сорд-Ильская [Сордйив] из 25 дворов при 87 мужчинах и 75 женщинах. Далее на северо-восток расположены три большие деревни гораздо больше села – это Вильгордская в 2 верстах из 96 дворов при 301 мужчине и 270 женщинах. Деревня эта расположена в большом овраге; имеет часовню. Далее в шести верстах деревня Вольдинская из 68 дворов при 234 м. и 230 ж., в этой деревне имеется земская школа, лавочка. Посередине на возвышенном месте стоит часовня. Далее деревня Бадвельская [Бадъельская] из 84 дворов при 238 м. и 251 ж. В ней тоже имеется часовня и земская школа. Неподалеку деревня Расгиб [Разыб]. Все эти деревни расположены в весьма красивой гористой местности, в хлебодарной полосе. По другую сторону села расположены деревни Скородумская и Кортишевская [Кырныша], первая из 98 дворов при 281 м. и 284 ж., а вторая из 25 дворов при 85 м. и 78 ж. Обе деревни расположены по обе стороны р. Вычегды, в Скородумской – земская школа.

Все описанные деревни этой волости носят тот же характер, что и Пожегодской волости. Крестьяне все православные, живут хорошо, занимаются хлебопашеством, кроме того рыбным и звериным промыслами и лесными заготовками. Между собою деревни связаны местными путями сообщения за исключением района дер. Роздинской, куда возможно пробраться лишь установившимся зимним путем или раннею весною, во время разливов. Помоздино не связано как торговый пункт удобными путями с городом, а будь здесь хотя бы мотороходство, торговое движение здесь сразу стало бы иным. Земли здесь не хватает крестьянам и эта нужда выразилась в разрешенном уже досрочном переделе земли. Крестьяне кроме того постоянно хлопочут об аренде казенных оборочных статей и удовлетворение их ходатайств по более продолжительным срокам, могло бы разрешить вопрос о местном устройстве крестьян Помоздинской волости, иначе им придется переселяться в соседний, Печорский край.

Деревня Вольдино является как бы границей так называемого Вычегодского края. Далее в 134 версты по Тиманскому кряжу, в совершенно другой во всех отношениях очень интересный Печорский край. Так как Тиманский кряж является водоразделом, то необходимо остановиться на нем более подробно. Прежде всего необходимо заметить, что отроги Тиманского кряжа между

рр. Ижмой и южнее Вычегодский Чер, с запада, и р. Печорою с востока и до обеих Мыльв с юга, составляют несколько как бы отдельных горных плато, разделенных долинами рр. Чер-Ижма, Ижма, Вычегда, Сойва и Расью и так как истоки последних четырех рек сконцентрированы выше зимовки Ежва-дор в расстоянии приблизительно 50 верст, самого высокого подъема кряжа, – то поэтому эти высоты и следует считать собственно водоразделом и местом рождения истоков названных рек, долины которых прежде всего делят эту часть кряжа на северную с районом Ижмы, и южную, район волока и обеих Мыльв.

Район Ижмы, к сожалению, во время моих поездок в с. Помоздино, – был по бездорожью и для меня недоступен, и поэтому обследование этой части, в которую входит и р. Ухта с ее нефтяными богатствами, составит дополнение к настоящему труду. В настоящее же время можно сказать лишь то, что установлено официальными данными, имеющимися в Помоздинском волостном правлении, а именно, что по р. Ижме расположены дер. Крутая, Разьдин [Роздин], Чулкиндин [Чулкидин], Куш-Кодж, Нягод, Лачевская и Одос-Дин, на р. Чер-Вычегодская дер. Кузьслудабожская и на р. Вож дер. Югит-ти-дар [Югидтыдор]. Все эти деревни весьма немногочисленны, однако населения здесь насчитывается 525 человек обоего пола. Село Розьдино является как бы центром района, который совершенно отрезан от остального мира. Ни почты, ни телеграфа, ни дорог, одна лишь церковь в селе является духовным утешением в ужасных условиях жизни местного населения. Проезжая в конце ноября через Помоздино, я должен был поехать в Розьдино для проверки и промерки на месте сельского хлебозапасного магазина, а между тем за отсутствием дорог, лишен был возможности проехать туда, именно потому, что добраться туда, возможно было только на лыжах, по примеру новобранцев, прибывших оттуда тоже на лыжах, но для подобного передвижения на расстояние 150 верст до села Розьдино необходим навык в этом деле, которым я еще не обладал. По отсутствию дорог почта туда не ходит, а сношения волостного правления с селом и деревнями делаются пользуясь каждым удобным случаем. По возвращении во вверенный мне участок, первую заботу моею будет обследование этого района в смысле условий жизни и неотложных нужд местного населения.

<...> Волок, так называемый Печорский, начинается от переправы р. Вычегды до д. Вольдино. <...> Мы доехали до прекрасной деревни, состоящей из 8 дворов, под названием Пузла. Трудно себе представить, чтобы в таком укромном уголке можно было встретить подобную деревенскую роскошь. Точно сговорившись 8 домохозяев, которые до того жили по разным деревням Помоздинской волости очень бедно построили перспективу восьми великолепных типичных зырянских построек под ряд по линии с большими промежутками между строениями, а напротив по другую сторону естественно образовавшейся улицы, – выстроился ряд амбаров. Крестьяне здесь живут очень богато, трезво. Одна большая беда у них это отсутствие воды. <...> Приходится возить воду за 1 1/2 версты, подымаясь на высокую гору.

<...> От деревни Пузла дорога вновь спускается к пересечению с Вычегдою у зимовки под названием Ежва-дор [Эжвадор]; от этого спуска и до следующей зимовки под названием Зеленец, дорога все время вьется около Вычегды, которая становится все уже и уже, все мельче и мельче, а местность все более и более вокруг болотистая. Зеленец, зимовка, стоит на западном склоне второго плато, по направлению к Печоре, высокого, сухого. Зеленец как бы является серединою дороги; к нему съезжаются промышленники и от этой зимовки расходятся уже вправо и влево для поисков добычи.

<...> 1 июня въехали мы в село Троицко-Печорское. <...> В интересах Печорского края г. вологодский губернатор признал необходимым местожительство земского начальника 5-го участка перенести на Печору, <...> в центр Печорского края. Итак, я прибыл в центр, в сердце Печорского края. Село Печорское действительно является центром, так как вниз по Печоре, т. е. к северу 5-й участок растянут на протяжении 360 верст, а вверх по Печоре, Ильчу и до Урала около 300 верст. Площадь лишь между Печорою с запада, Щугором с севера, Уралом с востока и Ильчем с юга, обнимает собою слишком шесть миллионов десятин земли покрытой лесом, лугами, водою. И вот этот край мне и предстояло обследовать по возможности подробнее для выяснения степени пригодности его к заселению и размеров участков годных к переселению, а также и предварительно обследовать вопрос о возможности соединения через Урал каналами рек бассейнов Оби и Печоры. Обследовать

возможно подробнее, изучить что либо возможно, прежде всего став близко сразу к местному населению. Но местное население зыряне, вообще народ очень и очень недоверчивый. Будучи чутким ко всему, что может принести ему пользу, зырянский народ, не бывший никогда в крепостничестве, привык к свободе, а вместе с этим не допускал чьего либо вмешательства в свою жизнь, которая в этом крае, при необъятности пространств и богатства природы, казалась правом каждого без подначалья.

<...> Село Печорское стоит на левом берегу реки Мылвы у впадения ее в р. Печору, поэтому на зырянском языке село называется еще и «Мьел-дин» [Мылдин]. <...> Село расположено в том месте, где Печора, круто повернув к северу, соединяется с Мылвою. Это обстоятельство создает две разлагающие силы во время весеннего ледохода, одна действует по касательной к повороту реки, вследствие чего струенаправляющая ежегодно все больше и больше подмывает высокий берег села, в то время как течение Мылвы срезывает этот разрыхленный берег, унося с собою целые обрывы.

Таким образом, левой части села угрожает переход куда-либо на другое место, так как кругом поля, и места для усадеб вблизи положительно не имеется. Эта сторона села тянется по берегу Печоры с версту. Троицкое, как я говорил уже, грязное село. Крестьяне здесь живут грязнее вычегодцев, несмотря на то, что они зарабатывают гораздо больше. Так как это бросается в глаза каждому вновь прибывшему, а мне в особенности, то я постарался исследовать этот вопрос, тем более интересный, что правая, по Мылве, сторона села не похожа на противоположную. На левом берегу большинство домов старых, грязных, нуждающихся в перестройке. Нельзя, однако, не отметить, что в селе замечается строительная горячка и что новые постройки отвечают уже требованиям даже не деревенских удобств. Имеются уже и двухэтажные дома и даже с балконами на железных красивых подпорах. На правом же берегу, на так называемой почему-то старообрядческой стороне, там постройки лучше, и крестьяне живут зажиточнее. Изучая условия жизни крестьян, мне пришлось убедиться, что хотя зыряне очень способный и восприимчивый народ, тем не менее, так как этот край до сих пор был заброшен, то никем не насаждалась там человеческая культура хотя бы в самых первоначальных ее формах, и потому край этот живущий в кредит, как бы рабами чердынцев, сжился уже с беспросветностью своего положения, сознавая, что они являются крепостными их чердынских благодетелей.

<...> Само село состоит из 138 дворов. Мужчин 414, женщин 436. В селе каменная церковь, земская больница, недавно выстроенная, но настолько плохо, что и полицейскими актами установлена невозможность содержания в ней больных и на практике самые больные находят эту невозможность. При больнице имеется и фельдшер. Но врача во всем 5-м участке не имеется вовсе, вследствие чего как фельдшера, так и акушерки предоставлены бесконтрольно самим себе.

<...> Пахота, имеющаяся в распоряжении местного населения, недостаточна по количеству своему и потому здесь мало приходится сеять хлеба, который родится, несмотря на неумелое удобрение и обработку в этой полосе, – хорошо. Отсутствие же соломы, как подстила для скота, изнуряет скот, вследствие чего, коровы слабого сложения, малодойные; несмотря на обилие пашни село Троицкое нуждается в прирезке удобной земли, а главное в устройстве показных для них хозяйств, так как сами крестьяне, которые весьма охотно воспринимают всякие практические познания, – по темноте своей совершенно некультурны в хозяйственном отношении. По Мылве расположен выселок Педестав в полуверсте от села Троицкого и поселок Титостав; по притоку же Мылвы р. Сойва расположены деревни Большая и Малая Сойва с населением до 200 душ обоего пола. Эти деревни тоже не обладают достаточным количеством земли, которая, составляя южный склон Тиманского кряжа, достаточно плодородна и при умелом ведении хозяйства могла бы дать хорошие урожаи.

Далее по Мылве расположены одна за другой на расстоянии 70-ти верст от с. Троицкого три выселка: Пед [Педе], Яг-Ты-дин и Марко-Ласт [Марколаста] с населением по десять, а в Марко-Ласте 20 душ обоего пола. Несмотря на свою отшельническую жизнь, эти выселки более зажиточны. Но зато далее вся Мылва до переволока и Иктиль с Южной Мылвой совершенно не заселены на расстоянии более 500 верст протяжения. А между тем линия эта так важна в стратегическом отношении в случае постройки каналов между рр. Обью, Илычем и Мылвами, что не откладывая в долгий ящик этого государственного вопроса, необходимо предоставить с в о б о д н о е в границах того же участка переселение на казенные земли по указанию местного земского начальника, который имел

бы полномочия от вологодского правления государственных имуществ. И из Помоздинской, и из Пожегодской волостей многие заявили вологодскому управлению государственных имуществ о их желании переселиться, но небольшой штат этого Управления задерживает разрешение этого жгучего вопроса на десятки лет и потому то необходимо разрешение вопроса о переселении разрешать на месте властью земского начальника.

<...>В полуверсте вниз по реке, на высоком берегу, расположен поселок Парма. Поселок этот состоит из 8 дворов и составляет как бы продолжение села Троицкого, а далее тоже маленькими выселками расположены Лазул, Грамостав [Гришестав?] и Пилястав. Все эти поселки весьма незначительны, по 4 и 6 дворов и представляют собою тип заграничных ферм, т. е. форму расселения, переходящую ступень к хуторскому хозяйству, к которому здесь все население весьма склонно. Одиночество, – это идеал здешнего крестьянина и по его верованиям и по его настроению. Проехав эти выселки, оба берега становятся более отлогими, кое где лишь берег подымается, образуя так называемое здесь катище. Катище, это место, с которого скатывают в реку лес, свезенный сюда зимою.

Около тридцати верст безлюдное лесное пространство отделяет выселки с. Троицкого от села Покчи. Покча расположена тоже на левом высоком берегу реки, вернее на нескольких холмах, но подступ к селу не так прост. Отмельные косы широкою полосой вдоль реки не дают возможности подойти к берегу и только в конце по течению села на северной его стороне, имеется возможность бросить якорь.

Село Покча расположено на нескольких высотах, чернозем-суглинистой почвы и потому атмосферные осадки настолько задерживаются, что все село становится непролазно грязным. Не говоря уже о езде на лошадях телегами или санями, – коровы и те западали по главной дороге села на живот.

<...> Село состоит из 146 мужчин и 190 женщин, в селе единоверческая церковь и церковно-приходская школа, в которой впрочем весьма небольшое количество учащихся. Так как это является следствием, то нужно несколько подробнее разобраться в причинах этого явления.

Население здесь – раскольники. <...> С издавна появившийся раскол в этом крае, – не носил никаких общих характерных особенностей, а тем более среди жителей села Покчи, которые будучи ближе всех от с. Троицкого, постоянно приезжали в это село, населенное православными и входя с ними в общение по торговым делам, – волей-неволей как «путешественники, ночующие в чужом монастыре», – должны были присноравливаться к жизни гостеприимных домохозяев, а следовательно и приучаться есть и пить то, что прежде они считали грешным. Отсюда между Покчинцами постепенно стало развиваться, на этой почве, брожение умов, которое и вылилось в весьма близкой к Православной вере, Единоверческой вере, которая как бы является переходною ступенью, – формой как бы унии между расколом и Православием. И крестьяне стали к этой форме привыкать и отдавать в церковно-приходскую школу своих детей.

Так дело обстояло до 1905 года, но когда Высочайшим Манифестом была объявлена свобода религиозных убеждений; старое поколение взяло верх и в настоящее время, несмотря на то, что священником там состоит местный, ими же выбранный единоведец, – прежние взгляды на религию и ее учение, стали все больше и больше отклонять молодежь от Единоверческой церкви и ее церковной школы и в настоящее время ее почти никто не посещает, а народное образование падает, благодаря религиозному фанатизму.

<...> Далее вниз по реке расположена дер. Скаляповская. Она расположена на правом берегу реки и состоит из сорока пяти мужчин и сорока трех женщин, а далее в 17 верстах, у впадения р. Кодач, деревня Кодаждинская [Кодач], с населением 80 человек; у впадения р. Кодач-Дика, – дер. Кодачдикатская [Кодачдин] с населением всего в 40 человек обоего пола. Р. Кодач-дик принимает в свою очередь р. Велью с притоком Идшетобук; Вельва и Кодаждик протекают по лощинам между двумя отрогами Тиманского кряжа, а затем орошают собою громадную низменную площадь, которая является кормилицей обеих названных деревень.

Обе эти деревни расположены на левом залильном берегу реки, благодаря чему деревни эти многоводны, грязны и нуждаются в их устройстве, т. е. осушке, о чем они и заявили мне в своей просьбе, приехать к ним весной для этой цели. Деревней Кодачдикатской кончается Троицко-Печорская волость и начинается Савиноборская. Волость эта очень маленькая по населению всего около

850 человек обоего пола, состоит из 11 деревень и одного починка, расположенных по р. Печоре на протяжении 150 верст вниз по реке.

<...> Село Савиноборское находится по середине, по расстоянию, своей волости, а деревни расположены вниз по течению в следующем порядке. Митрофановская (80 человек обоего пола), Овининская (40), Евтюгинская (43), Пашнинская (54), Деминская (27), село Савиноборское (146), с. Пирединское [Пыредино] (102), Кузьдибожская (80), Дутовская (84), Лемты (84), Лемтыбожская (90) и починок Вятский Норис (11). Протяжение реки Печоры в границах волости около 150 верст, а расстояния между деревнями весьма незначительны, самое большое 12 верст. Так как главный промысел здесь – охота, то вся забота волостного самоуправления сводится к приобретению охотничьих ружей и достаточного запаса пороха.

<...> Деревня Лемтыбожская является границей Савиноборской волости, за которую начинается уже Щугорская волость. Говоря о Савиноборской волости, необходимо отметить, что за частым на реке расположением деревень, а также за малым, в виду климатических условий хлебопашеством, казалось бы необходимым предоставить местному населению пашни в казенных дачах для разведения скотоводства, о чем я говорю ниже. Пашен же, находящихся во владении населения, безусловно недостаточно. Первою деревнею Щугорской волости является деревня Лебязская с населением в 34 души обоего пола, а вся волость по Печоре на протяжении 160 верст состоит из десяти деревень, двух починков и множества отдельных хуторов, из которых, по лесным неведомым притокам, проживают старообрядцы-отшельники. Деревни этой волости расположены в следующем порядке: в 15 верстах от дер. Лебязьей, дер. Вухтыльская (70 ч. обоего пола), затем в десяти верстах село Подчерье (240 ч.), далее тоже в 10 верстах дер. Боярский яг (41 чел.), а затем село Щугорское (165 ч.); далее Устьвоя [Усть-Воя] (31), дер. Березовская (50 чел.), Усть-Сопляская (31), Позорихинская (190) и Борисдикотская [Борисдикот] (66). Это граница волости, участка, уезда и губернии.

В пределах Щугорской волости река Печора имеет почти все время направление на север и северо-восток, а потому вся волость находится под анфиладой северных ветров, которые создают здесь суровый климат, не допускающий хлебопашества. В очень редких местах делаются попытки полевого хозяйства, но это те единичные случаи опытов, которые не могут иметь значения в жизни местного населения и фигурировать в статистике.

Население здесь, вообще говоря, зыряне старообрядцы. Так как полевого хозяйства не ведут, то средствами к жизни являются заработки от промыслов охотничьих и рыбных, а также извоз и заготовка леса. <...> Из всех деревень этой волости заслуживают особенного внимания село Подчерье и Щугор. Подчерье является оплотом старообрядчества, а Щугорское – центром волости. В селе православная церковь, земская школа, фельдшерский пункт и волостное правление. Население почти все старообрядцы.

<...> Закончив обследование Щугорской волости, я вернулся в с. Троицкое. <...> Первою моею заботою по возвращении снизу в село Троицкое, было сооружение лодки, на которой, как в ковчеге Ноя, могла бы поместиться вся экспедиция. Случай помог мне в этом деле. Распорядясь очисткою набережной в селе Троицком, я усмотрел мусором заваленный остов лодки, которую все считали сгнившей. Удостоверившись, что материал еще не сгнивший, я приобрел ее за 20 рублей и тотчас приступил к отремонтированию, шпаклевке, постройке кают и даже окраске лодки, которая при спуске в воду получила название «Лебедь». <...> Я обратилась с просьбою к проживающему в селе Троицком А. Ф. Вроблевскому не отказать в участии во вверенной мне экспедиции. Добрый по натуре, любящий науку, культуру, людей, 78-летний старик, строитель Сибиряковской дороги через тот же Урал, согласился быть участником экспедиции.

<...> «Лебедь» стал уже нагружаться и готовится к отвалу, который был назначен в 9 часов вечера 30-го июня. <...> Мы плавно стали подыматься вверх по течению, все больше и больше окутываясь мглою наступающей темноты. <...> Дома и строения села скоро сошли с горизонта, а перед нами, во всем величии своем, красовалась природа.

<...> Река сразу круто поворачивает влево и в двух верстах далее принимает справа р. Ичед-Ляга, т. е. Малая Ляга. У впадения этой реки стоят постройки прежней так называемой Шведской пристани. Пристань эта была построена когда-то на р. Илыче Сибиряковым в месте, называемом

Сибиряковская пристань, в 5 верстах ниже д. Габы; затем, когда Сирияков от своих проектов по Уралу отказался, Шведская Лесопромышленная Компания Лидбек и К-о на Печере приобрела и эти строения и перенесла именно в устье Ичед (Малая) Ляга. С прекращением же действий названной фирмы, эти строения были приобретены лесной фирмой Ульсон, Стампе и К-о (то же – Стелла Поляро). Строения эти в настоящее время стоят без действия. В случае предположений правительства открыть водный путь Печера–Илыч–Егра–Ляга–Манеа–Урал–Манья, приобретение этих зданий в готовом уже виде создало бы для движения при производстве работ и инспектирования и по устройству переселения, несомненно, пункт базы. Постройки эти можно приобрести от фирмы на весьма выгодных условиях.

Далее река делает два крутых поворота на восток и юг и, приняв здесь вторую Лягу, река вновь меняет свое направление на юго-восток и принимает р. Шер-Лягу, т. е. 2-ю Лягу. В двух верстах от нее так называемый Конаш-Порог. <...> Проехав этот порог, мы подошли к чудному острову, напоминающему по своему виду, – отдельный форт. За ним почти в версте избушка Попова. Избушка эта служит для ночевки сортировщиков и вместе с тем пристанью для случайных путешественников. Весь день накрапывал дождик, а к вечеру усилился: нечего было делать, пришлось ночевать. Низенькая курная избушка гостеприимно манила к себе.

<...> Мы остановились в удобной бухточке против д. Ляга-Дине [Лягадин]. Итак, мы прошли 30 верст от с. Троицкого, а до с. Усть Илыча нам оставалось всего 10 верст, поэтому мы решили идти далее, т. к. было уже около 11 ч. дня. Деревня Лягадин расположена на правом песчаном берегу, состоит из 8 дворов мужского пола 17 душ, женского 18. Участок от д. Лягода-Дина до Усть Илыча по ровно прямой без извилин.<...> Малая Печера у Усть Илыча переименовалась в Печеру, сразу делает поворот по течению почти в 90% градусов влево.<...> Подойдя левым берегом до р. Малой Печеры, против самой деревни Усть Илыча, мы перешли на другую сторону на веслах.

<...>От высокого берега до линии крестьянских домов было по крайней мере шагов 150; вся эта полоса земли в испокон веков стояла под водою, пройти по ней даже было топко, но я все-таки пошел, чтобы ознакомиться с расположением деревни. Скажу сначала о первом о деревне, о впечатлении, а затем поделюсь и теми данными, которые я лично добыл, прожив здесь два дня. Когда я поднялся на берег, я говорю совершенно искренно, я был поражен Красивым видом крестьянских домов; по обе стороны улиц ведущей к домам Причта прекрасные дома: справа дом в 12 окон, а слева высокий недавно построенный дом с примыкающим к нему амбаром. По обе стороны далее такие же красивые дома, обнесенные заборами.

<...> Усть-Илыч, по моему мнению, должен в будущем занять видное место в жизни Печорского Края и если не вытеснит по значению влияния с. Троицкого Печорского, то, во всяком случае, будет соперничать с ним сильно. Предположение это вытекает из следующих соображений. С. Троицкое-Печерское явится пунктом как бы передаточным с Вычегды на Печеру вверх и вниз, тогда как Усть-Илыч стоит на перекрестке Малой Печеры и р. Илыча – дороги на Сибирь. При этом каждый путешественник может остановиться в начале и конце пути, от Урала по каналам и р. Илыч – в селе Усть Илыче, чем, минуя его, пройдет в с. Троицкое; тем паче или движение с Урала местом распределения грузов на Якшу и Печеру, несомненно останется Усть-Илыч; местом же перегрузки на Урал опять так может быть лишь Усть-Илыч, так как лишь по прибытии в Усть-Илыче грузоотправителю осведомляться о высоте воды рр. Илыч, Егра, Лягды, Чупудовош, Манье и каналах между ними. Вот почему Усть-Илычу предстоит большое будущее.

<...> Ночлегом нашим была промысловая избушка Петра, одна из многих в этой реке. Перейдя за островом Паль-ды на левый берег мы дошли наконец до нашего маяка и тут-то мы и расположились на ночь. Это было в расстоянии 20 верст от Усть-Илыча. <...> Промысловая избушка Петра по типу своему не отличалась от других положительно ничем. Но в ней также как и в избе Ивана, первом нашем от с. Троицкого, – было все необходимое для каждого путешественника, не только летом, но даже и зимой. – Прежде всего невольно бросается в глаза отсутствие личного эгоизма хозяина избушки. Уходя, он мог бы запереть избу на замок как-нибудь с внутри; а вместо этого он, наоборот, гостеприимно оставляет для других все, что нужно, а именно: прежде всего сухие дрова на растопку, затем кочергу, котелок, чашку или что-либо в этом роде, иногда табак, сахару немного,

сухарь и т. п. Это поразительная черта зырян. Когда я обращался к рабочим по этому, все отвечали, что это каждый «порядочный человек так должен, а он придет зато когда хоть ко мне, тогда ему ничего не надо». И вот сложились об этих Иванах и Петрах и их «кирках» [керках] (промысловых избушках) целые легенды.

<...> Дошли до дер. Когиль-дин в 9 ч. в. Тут мы и расположились на ночь. Деревня эта в 40 в. от Илыча, расположена на высоком левом берегу Илыча и состоит из 7 дворов – 19 мужчин и 29 женщин. Деревня сама грязная и неустроенная. <...> Название дер. Когильдин происходит от противоположающей в р. Илыч р. Когиль, которая протекает по ложине Горного пята между Печерою и Уралом. Река Когиль проходит по ложине на которой образует и озера даже; берега ее очень травянисты и потому вполне пригодны для заселения. Охота же здесь очень удачна, река же служит ориентированной для охотников базой. Здесь сеют, но недостаток для посевов делает население Когильдина бедными, нуждающимися.

<...> Вся местность по левому берегу до самой деревни Максима выжжена бывшим пожаром и не возделывается пож засев в виду того, что расчистка этого участка не окупит труда на ряду с рыбными и охотничьими промыслами. Люди здесь довольствуются не многим и потому, благодаря неустанной работе и трезвому образу жизни, сама деревня производит не только приятное, но и отрадное впечатление. Десять домохозяев, при 22 мужчинах и 30 женщинах, один лучше, один зажиточнее другого, – точно один семейный род в старое доброе на Руси время.

<...> мы очутились перед деревней Мортгюрдином, расположенной на левой стороне реки в расстоянии 25 верст от Максима. <...> Состоит она из 7 дворов при 11 мужчинах и 17 женщинах. Среди местных крестьян проживает здесь бывший волостной старшина, очень разумный и почтенный человек, который имеет видимо благотворное влияние на крестьян; все они показались развитыми и деловитыми людьми. В ожидании моего приезда, они устроили дорогу вверх к отдельно стоящему дереву кедру, вокруг которого все хозяева ставили свои рыболовные, для просушки, снасти. Кедр-Великан издали служил маяком для судоводцев. Деревня благодаря песчаному покрову и сосновому произрастанию около хат даже отличается чистотою и здоровым воздухом. Одно только здесь не соответствует своему назначению, это кладбище, на самой середине деревни, да еще и не обнесенное забором. В жизни крестьян замечается все таки прогресс; новые постройки имеют уже вид избы, а не хаты и с некоторыми удобствами и заборами вокруг усадьбы. Крестьяне очень приветливы и разговор с ними доставлял мне удовольствие. <...> Деревня Мортгюр-Дин хоть и носит название по речке Мортгюр, тем не менее за неимением более подходящего места, деревня поселилась в расстоянии слишком версты от речки.

Переменив рабочих и наскоро позавтракавши, мы тронулись в предстоящий нам трудный путь, хотя и очень недалекий, всего лишь 4,5 версты до деревни Еремей, но зато трудный по своему переходу по быстринам. <...> Деревня Еремей состоит из 9 дворов при 21 мужчине и 27 женщинах.

<...> По прибытии к дер. Сарью-Дину крестьяне вышли на встречу: их здесь было довольно много, 10 дворов, в которых проживают 32 мужчины и 22 женщины. Деревня расположена на крутой горе скалистой, в которой много железняка; гора высотой 15 сажень. Подъем очень крутой, но каменистый, а деревня, несмотря на сравнительно сухое время, представилась мне до того грязной и неустроенной, что, войдя в избу, я заявил, что до тех пор не выйду к крестьянам, пока деревню не приведут в порядок. До того была непролазная грязь, что немисливо было пройти от хаты Петра (в которой я остановился, первой от входа/ до следующей, – богача, как его здесь называют, это Александра. Досок даже не было положено, не говоря уже об устройстве мостков. Урядник Попов стал распоряжаться приведением в порядок деревни; заборы разрушены, грязь непролазная, лесной материал и дрова разбросаны на дороге, а о соблюдении пожарного устава и речи быть не могло. Я тем временем у Петра в чистой большой хате стал раскладывать свои пожитки.

Сарью-Дин – это полпути до Егра-Ляги и вместе с тем последняя деревня на остальном пути в 70 слишком верст. <...> С самого Сарью-Дина путь по р. Илычу представлял непрерывную цепь островов с неизбежными «порогами» и затем вслед за «порогами» ямами. <...> Широкие заливные луга все время украшают берега Илыча. На левом берегу показалась первая промысловая избушка, а дальше против ручья Ежегудом-Июль на высоком берегу за островом другая. <...> Луга отходят

от реки далеко, лес вдаль и немного реже. С левой стороны впадают две речки Анью-Большая и Анью-Малая; у впадения обеих речек промысловые избушки, в первой живет Иван и живет хорошо; местность эта не представляет из себя ничего особенного. <...> Лесу по самому берегу почти нет, разве только на утесах. Доехали мы и до предпоследней избушки «Дьякон Иван», за ней перекаат, а за перекаатом остров «Роза-Кырта-Ды»; перевалились мы на другую сторону, а там яма, а за ямой остров Косью-Улдор-Вера-ды. Это было в 4 ч. 50 мин.; затем нам предстояло опять переправиться на правый берег, и в 6 ч. 30 м. мы подошли к р. Косью и по этой стороне дошли уже до ночлега у избы Ивана.

<...> Пройдя остров Ляга-ды, мы вновь вошли в яму, а за ямой по обыкновению «порог», за которым на правом берегу красиво расположилась изба Петра. Завидя «Лебеда», Петр поторопился на берег для указания нам места, куда можно подойти к берегу и стал кричать по-зырянски «правее, правее, здесь глубоко, порог». Но напрасно Петр гостеприимно звал к себе; в бинокль нам были видны домики на устьях Егра-Ляги и Малой Ляги, и мы, конечно, стремились туда как можно скорее. <...> Справа от нас осталась Егра-Ляга, затем сажень 150 Малая Ляга и, наконец, остров, за которым стояли две избы с пристройками. Вот к этим-то хатам, спустившись немного по реке, чтобы обогнуть остров с южной стороны, мы и подошли.

<...> Мы подходили к пересечению реки с Сибиряковской дорогой и к тому месту реки, с которого она считается судоходной. <...> Оказалось, что вся эта дорога стоит под водою; сухого места нет на пути; лишь кочки моха давали людям возможность перебираться с одной на другую; лошади же что ни шаг, то проваливались в болотистом грунте; чуть ли не на каждом шагу приходилось подстилать лошадям жердный настил, а в некоторых местах приходилось запавшую лошадь отпрягать, чтобы вытащить ее из болота. Ломались при этом конечно и нарты. Достаточно сказать, что скорость движения была верста в час, чтобы было понятным, какое состояние этой дороги. Мы переехали на другую сторону реки и поместились в большом доме, построенном Сибиряковым для будущих его дел. Дом этот оказался заброшенным, даже крыша уже в одном месте разобрана, тем не менее, железная печка с трубою оказалась настолько в порядке, что мы сейчас же затопили ее.

<...> III. НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ В РАЙОНЕ ПЕЧОРЫ, ИЛЫЧА, ЕГРА-ЛЯГА И УРАЛА. ПОСЕЛЕНИЯ ПО ПЕЧОРЕ, ИЛЫЧУ, ЕГРА ЛЯГА.

По Печоре в этом направлении лишь одно село Усть-Илыч. А далее по Илычу разбросаны деревни Когильдин, Максимовка, Морт Юрдин, Еремеевка и Сарью Дин; кроме того по Илычу далее отдельные избушки в которых проживают отдельные семейства и наконец в Усть Егра Ляге три семейства. Прежде всего необходимо повториться, что никто никогда не мерил здесь расстояний, которые местными жителями определяются количеством «чемкосов» а чемкос это, приблизительный, пять верст хотя бывают «большие чемкосы» и «малые чемкосы», но что именно определяет понятие «большой чемкос» или «малый чемкос», это вопрос открытый, вследствие чего и определены расстояния по количеству чемкосов является весьма гадательным, тем не менее примеры лесных партий дают цифру около 87 верст до Сарью Дина от Усть Илыча и 90 верст от Сарью Дина до Усть Егра Ляги.

И так на расстоянии первых ста верст живут зыряне в форме более оседлой жизни, имеют свое хозяйство. Далее же живут «отшельники» старообрядцы, которые бросают свой надел преимущественно в Савиноборской волости и переселяются сюда самовольно, но именно потому, чтобы не быть «наделенными» правительственными властями, так как это противно их закону.

Перечисленные деревни малонаселенны, у каждой из них имеются более или менее удобные места для остановок судов и лодок.

УСЛОВИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ.

До сих пор переселение на реку Илыч официально не зарегистрировано, хотя отдельные ходатайства давно уже поступили на имя вологодского управления государственными имуществами, в ведении коего и находится этот район. Вопрос о заселении Илыча именно и является одним из главнейших задач вверенной мне экспедиции, и потому на нем необходимо остановиться несколько серьезнее.

Чтобы сказать, пригоден ли известный район к заселению и устройству быта крестьян, необходимо взвесить его климатические условия на ряду с остальными, создающими подспорье в домашнем обиходе крестьян. И вот с этой-то точки зрения необходимо сказать, что почва по Илычу вполне пригодна к развитию здесь сельского хозяйства, тем более, что Илыч протекает с востока на запад под защитой северных ветров. На склонах гор, в особенности по правому берегу, растет земляника, а по Егра-Ляге и в Урале «сладкий медвежий корень» как его здесь прозывают, растение средней полосы Европейской России, в изобилии произрастающее здесь чисто. И действительно, медведи питаются его стволем, верхней его частью; по свежести перелома можно судить о времени прохода по этому месту медведя. Таким образом, местность эта под хлебопашество вполне пригодна, уже и потому, что она находится гораздо южнее села Троицкого, на полях которого при безобразном ведении полевого хозяйства хлеб родится. Что же касается до лугов, то они изобилуют и по Печоре и по Илычу и по его притокам; по Егра-Ляге почти нет у самой реки, но далее на плыто выше Чудоповажа и до самого перевала лугов здесь очень много.

Вышеизложенное приводит к тому заключению, что район этот вполне пригоден к переселению сюда крестьян с целью устройства их. Местные же крестьяне потому занимаются неохотно сельским хозяйством, что промысел дает им гораздо больше без накладного труда. Около деревни Максимовка, громадные горелые лесные пространства по левому берегу. Казалось бы отчего бы местному населению не заняться хлебопашеством. А между тем громадные пространства остаются с испокон веков не разработанными, благодаря лени местного населения. Они не скрывают даже и говорят: «Пока живем охотой, хлеба хватит». В этом как бы слышится и вторая часть фразы: «А как охоты не станет тогда займемся хозяйством». Таким образом, район этот для переселения весьма подходит, тем более что в близком будущем предполагаются работы по устройству великого через Урал водного пути. Но вопрос о переселении находится в ведении землеустроительных комиссий, которые не касаются еще, к сожалению, Печорского края, а между тем и крестьяне желают этого переселения, в особенности на Илыче, да и в целях правительственных казалось бы это весьма нежелательным.

Ввиду изложенного необходимо этот вопрос выделить как вопрос не местного значения, а государственного, и потому необходимо придать этому делу форму свободного в этом районе переселения.

Источники и литература

1. Труды экспедиции 1909 г. земского начальника Л.В. Корвин-Пиотровского по обследованию 5-го участка Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и по предварительному исследованию вопроса возможности соединения водным, через Урал путем бассейнов рек Оби и Печоры» (Санкт-Петербург, 1910 г.

2. Л. В. К-П. К вопросу о личном составе железных дорог. – Спб.: Тип. Уч-ща глухонемых, 1902. Отг. из журн. “Ж.-д. неделя”.

3. *Корвин-Пиотровский Л.В.* Современный чиновник и его судьба / *Л.В. Корвин-Пиотровский.* – Спб.: Электропеч. К.А. Четверикова, 1905. – 48 с.

4. *Корвин-Пиотровский Л.В.* Новые основания гражданской службы / *Л.В. Корвин-Пиотровский.* – Спб.: Электропеч. К.А. Четверикова, 1906. – 47 с.

5. Старый друг – лучше новых двух: Комедия в 1 д. Л. В. Корвин-Пиотровского. – Спб.: Знамя типолит. Х. Краузе и М. Финикова, 1901. – 36 с.

6. Дьяволенок: Сцены из романа Генриха Сенкевича “Пан Володыевский”: В 6 карт., с прологом / Л.В. Корвин-Пиотровский. – Спб.: Лит. В.В. Несслер, 1901. – 117 с.

7. *Тутков О.Н.* Этнодемографическое своеобразие населенных пунктов верхней Вычегды и верхней Печоры по материалам экспедиции Л.В. Корвина-Пиотровского 1909 г. / *О.Н. Тутков* // Историческая демография. – 2008. – № 2. – С. 44–49.

8. *Иванов А.А.* «Алексей Хвостов – у власти». Портрет правого политика / *А.А. Иванов* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 11. – С. 193–202.

9. Заря. – 2004. – 24 июня.
10. Красное знамя Севера. – 2013. – 24 дек.
11. Доклад земского начальника Печорского края Л.В. Корвин-Пиотровского о Великом водном Сибирском пути, прочтенный в Москве 29-го апреля 1910 года в помещении Московской купеческой управы. – Москва: тип. А.Н. Иванова, 1910. – 21 с.
12. Памятная книжка Вологодской губернии. Вологда, 1912. – С. 51, 58, 62.
13. Памятная книжка Вологодской губернии. Вологда, 1913. – С. 74.
14. Памятная книжка Вологодской губернии. Вологда, 1914. – С. 75.
15. *Корвин-Пиотровский Л.В.* Домострой сельской жизни / *Л.В. Корвин-Пиотровский.* – Вологда: Тип. А.В. Иванова, 1913. – 40 с.
16. Сибирская жизнь. – 1916. – 12 апреля.
17. *Цыремпилов Н.В.* Конституционная теократия Лубсан-Самдан Цыденова: попытка создания буддийского государства в Забайкалье (1918–1922) / *Н.В. Цыремпилов* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 4. – С. 318–345.
18. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. – Владивосток, 1995. – С. 91–92.
19. *Посадсков А.Л.* Чиновник и поэт: к истории конфликта управляющего Верхнеудинским уездом Л.В. Корвина-Пиотровского и литератора И.Я. Абрамовича / *А.Л. Посадсков* // Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века. – Новосибирск, 2011. – С. 104–118.

С.М. Елемесов, Т.С. Садыков*

Отражение историко-демографических процессов в топонимах монголо-ойратского происхождения в Акмолинской области Республики Казахстан

Статья посвящена истории возникновения монголо-ойратских топонимов в Акмолинской области Республики Казахстан. Казахско-джунгарская война 1643–1756 гг. (серия длительных конфликтов между казахскими джусами и Джунгарским ханством) оставила след в истории, что видно по анализу топонимов. На казахской земле существует множество джунгарских (джунгары – ойратское племя, также название союза ойратских племен или ойратское население Джунгарского ханства) и монгольских топонимов. Анализ топонимов позволяет получить дополнительную информацию об истории формирования и развития населения территорий в разные периоды.

Ключевые слова: топоним, Акмолинская область, Казахстан, монголы, ойраты, джунгары

S.M. Elemesov, T.S. Sadykov

Reflection of historical and demographic processes in toponyms of Mongol-Oirat origin in the Akmola region of the Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the history of the emergence of Mongol-Oirat toponyms in the Akmola region of the Republic of Kazakhstan. Kazakh-Dzungarian 1643–1756 (a series of long-term conflicts between the Kazakh dzhuses and the Dzungar Khanate) left a mark on history, as can be seen from the analysis of toponyms. On the Kazakh land, there are many Dzungars (Dzhungars – an Oirat tribe, also the name of the union of Oirat tribes or the Oirat population of the Dzungar Khanate) and Mongolian toponyms. The analysis of toponyms allows obtaining additional information about the history of the formation and development of the population of the territories in different periods.

Key words: toponym, Akmola region, Kazakhstan, Mongols, Oirats, Dzhungars

Ученые отмечают наличие в казахском языке более 200 топонимических названий, связанных с уйгурским, монгольским, татарским, калмыцким языками. Например, Шемолган, Каскелен, Кеген, Нарынкол, Арганатты, Зайсан, Шалкар и др.

Топонимы монгольского происхождения, образовавшиеся в результате монгольского нашествия, можно найти и сегодня на карте Казахстана. Какими бы фонетическими, структурными изменениями эти топонимы не подвергались, они хранят информацию о природе, жизни, духовности. Например, слово Коргалжын означает «свинец» на монгольском языке. В Кокшетауском манае село Зеренда (дзерен) – топоним означает антилопа, косуля. Нура (поселок и река) – топоним происходит от монгольского слова «нураа» или «скала», часто встречается в монгольском языке как географический термин в составе составных «сложных» топонимов «озеро Цагаан нуур».

Несмотря на то, что территория Республики Казахстан огромна, некоторые топонимы повторяются. Удивительно, что названия рек ойрат-джунгарского происхождения находятся далеко друг от друга, такие названия, как Селеты, Уленты, Шидерты встречаются на западе и севере, и это не случайно. Топонимы Оленты, Булдырты, Анкаты, Калдыгайты, Жымпиты, Шидерты, расположены в пределах одного региона, имеют эквиваленты на монгольском языке и являются древними топо-

* Елемесов Санжар Мейрамович (Астана, Казахстан) – phd 1-й курс, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, sancho-94@mail.ru. Садыков Тлеген Садыкович (Астана, Казахстан) – доктор исторических наук, декан исторического факультета, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

формантами. Можно предположить, что на севере эти топонимы были распространены джунгарами, а на западе – калмыками. Ученые, занимавшиеся этимологией казахского языка, выводят слово Селеты (название села) из монгольского слова «чулуты», т. е. «тасты» по-казахски. По мнению Г. Конкашпаева, причиной этому послужило определение «глубокого ущелья, скалистого начала реки» [1]. А. Абдрахманов пишет: «Кроме того, названия «чулууты», «селеты» – древняя версия слова «ташты» или «тасты» в других тюркских языках» [2]. Известный географ, топонимист Э.М. Мурзаев не совсем согласен с топонимическими определениями вышеупомянутых географических терминов и считает, что эти топонимы не являются заимствованными из монгольского языка [3].

Анализируя название города Ерейментау в Акмолинской области, можно проследить дискуссии в истории происхождения топонима. Ерейментау – населенный пункт, расположенный в восточной части Акмолинской области, а также название системы гор. Ученый-географ Г.К. Конкашпаев в работе «Монгольские топонимы в Казахстане» [1] отмечает, что название состоит из двух монгольских слов «эрэ» (мужской) и «эмэ» (женский), и некоторые горы очертаниями похожи на мужские и женские статуи [1, с. 91]. Г.А. Абдрахманов согласен с выводом Конкашпаева, в котором звук [е] в казахском языке переходит в цепь [е], а звук [н] в древнетюркско-монгольском языке указывает на явление произвольное. В то время как в народе слово Ермен, «как легенда», не имеет языкового значения для перехода к Ереймскому типу, и это утверждение обозначается как «народная этимология» [2, с. 104]. Т. Жанузак, ссылаясь на приведенные выше определения, делает свой вывод: «Предполагаем, что это имя должно быть составлено не из общих именных слов, а от имени известного героя или известного рода (этноним). Первая строчка названия «ер»-«батыр», Ейская и ман – дополнительные личности» [4, с. 165]. М.Б. Абдрашев считает, что на казахском языке нет слова «ереймен», из легенд, объясняющих происхождение слова ближе всего творчество Асана Кайгы. Народный певец XV в. выразил свое восхищение извилистостью гор: «Как таяла гора! – я не знаю», – сказал он. Таким образом, он дал первоначальное название территории [5].

Среди местного населения существуют три различных мнения, связанных с этимологией слова Ерейментау. Первый, Ерейментау-горы и г. Ереймен, названы в честь человека, когда-то жившего здесь. Второе мнение, сочетание двух слов «седло» и «дуб» дает словосочетание «седло из дуба». По словам аксакалов, береза Ерейментау отличается исключительным качеством, прочна как дуб. Корни березы использовались казахскими мастерами для изготовления деревянной части седла. Третья легенда гласит, что слово связано с борьбой населения гор с джунгарскими захватчиками. Батыр Богенбай когда-то преследовал врага до этих гор. В одном из ущелий прошел бой Богенбая с джунгарским войском. После разгрома противника бойцы Богенбая бросились ловить вражескую лошадь. Вскоре в горах послышалось: «Ермен, ермен!» (Мужчина с седлом! С седлом!). С тех пор народ стал называть эти горы Ерейментау.

Библиотека «Каролина Редивива» в Уппсальском университете в Швеции, считающаяся старейшей библиотекой в Скандинавии, содержит оригинал ценной карты, подаренной в апреле 1743 г. артиллеристом Ю.Г. Ренатом (1682–1744). Эту карту переводили с джунгарского на русский язык А.В. Контев и В.Б. Бородаев [6]. На карте можно проследить горную систему под названием «иерей чжидор». В русских географических произведениях данные этого хребта приводятся в книге А.И. Левшина (1797–1879), опубликованной в 1832 г.: «иремейские горы, простирающиеся с севера на юг, западные притоки примыкают к боковым ветвям ильдигского хребта, а с востока-к Бугульменским горам... В горах иремея протекает река Ишим» [7]. П.А. Словоцов (1767–1843) объяснил, что Ишим «идет от гор Якши и Джаман-Нияза или от хребтов Ирмей и Илдиги» [8]. Истоки Ишима действительно находятся в горах Нияз, которые Левшин рассматривал как южную часть иремейских гор, так как бухта расположена еще южнее.

По мнению М. Уали и М. Томпиева, на казахской земле от джунгар осталось гораздо больше следов, чем известно. Например, название «Тургай» (регион) происходит от джунгарского слова «торгхэ», а название степи «Сарыарка» – от слова [Сээр ар тал] – «Северная каменистая сторона», и почти все названия рек и озер происходят из ойратского языка [9].

На территории Республики Казахстан в числе земельно-водных названий, оставшихся непосредственно от джунгарского нашествия, это Шемолган, Боралдай и Каскелен. Если предположить,

что топонимы Нарын, Маканжан и т.п. результат монгольского нашествия или общее одноименное название тюрко-монгольских народов, то Каскелен, Боралдай и Шемолган названы в честь джунгарских и монгольских батыров (Шамал хан, Каскелен батыр, Боралдай батыр, Гегена(Гэгэн) Батыр) Против них воевал знаменитый батыр Шапырашты Наурызбай Куттымбетулы. В число джунгарских топонимов входят Шонджи, Мукуры, Кордай, как отражение эпохи «Ақтабан шубырынды, Алаколь Сулама». Очевидно, что со временем имена адаптировались к языку местного населения.

В ходе анализа топонимов исследователями было обнаружено, что монголо-казахско-джунгарские языки близки друг к другу. В настоящее время существует немало топонимов, встречающихся как у народов Монголии и монгольского происхождения, так и в Казахстане. В работе «Монголо-казахский словарь» [10], опубликованной в 1984 г. Б. Базылхан, говорит о том, что корни монгольского языка имеют тюркское происхождение. В своем словаре исследователь дал обоснование общим историческим корням казахского и монгольского языков. Например: если сравнить слова в данном словаре, то получается, что 3 тыс. слов в двух языках имеют один и тот же корень, а 1500 слов в казахском и монгольском языках имеют общий корень. Количество слов, корень которых образован одним словом, составляет около 24 тысяч. Следовательно, существует 60-процентное сходство, присущее древним тюркам. Монголовед З. Кинаятулы также высказывает сходные с Б. Букатулы идеи: «В структуре произведения “Тайная история” («Тайная хроника монгола») сохранилась древнетюркско-монгольская стилистика».

В заключение можно утверждать, что есть множество географических местностей в Казахстане, отражающие историческую реальность прошлого, происхождение которых связано с монголо-ойратскими словами.

Литература

1. Географические названия монгольского происхождения Г. Конкашпаев // Известия АН КазССР. Сер. филол. Вып. (II) 1. – Алма-Ата, 1959.
2. Топонимика Казахстана: транслитерация и этимология названий / Абдрахманов С.А. – Алматы, 2012. – 182 б.
3. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – Москва: Изд-во «Мысль», 1974.
4. Жер-су атаулары (этимологиялық анықтамалық) / Жанұзақ Т. – Алматы: «Өнер», 2011. – 496 б.
5. Газет «Ақмолинская правда». Ерейментауский район, 2016 год.
6. *Контев А.В.* Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века / *А.В. Контев, В.Б. Бородаев* // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сборник материалов Международной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 5–11.
7. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей / А.И. Левшин – Алматы, 1996. – С. 49.
8. Историческое обозрение Сибири / П. А. Соловцов – Новосибирск, 1995. – С. 434.
9. Газет «Ветер Странствий», тираж № 53 / Мурат Уали, Марал Томпиев «Живые свидетели прошлого» <http://veters.kz/zhivye-svideteli-proshlogo/>
10. Монголо-казахский словарь / Базылхан Б. – Уланбаатар-Өлгий., 1984. – 444 с.

УДК 39:910.4(470.21)"1971"(047.3)

DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-65-77

*Л.Н. Жеребцов**

**Научный отчет
об итогах этнографической экспедиции 1971 г. на Кольский полуостров****

Публикуется не издававшийся ранее научный отчет об итогах этнографической экспедиции на Кольский полуостров. В работе анализируется расселение коми по Кольскому полуострову, этническое смешение их с саамами, хозяйственно-культурное влияние коми на саамов и роль коми в развитии культурного уровня коренного населения.

Ключевые слова: этнография, Кольский полуостров, коми, саамы, расселение, традиционная культура

L.N. Zherebtsov

**Scientific report
on the results of the 1971 ethnographic expedition to the Kola Peninsula**

A previously unpublished scientific report on the results of an ethnographic expedition to the Kola Peninsula is published. The work analyzes the settlement of the Komi in the Kola Peninsula, their ethnic mixing with the Saami, the economic and cultural influence of the Komi on the Saami and the role of the Komi in the development of the cultural level of the indigenous population.

Key words: ethnography, Kola Peninsula, Komi, Saami, resettlement, traditional culture

Северный этнографический отряд был сформирован для изучения этнических и хозяйственно-культурных взаимоотношений ижемских коми с коренным населением Кольского полуострова –

* **Жеребцов Любомир Николаевич** (1925–1991) – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Текст подготовлен к изданию сотрудниками ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. **И.Л. Жеребцовым** и **Л.Я. Каневой** в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

** Фрагмент научного отчета, подготовленного в 1972 г. и хранящегося в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН (Ф. 5, оп. 2, д. 73. 42 мпс.). Отчет был обсужден и принят на заседании сектора этнографии 28 ноября 1973 г. К отчету прилагались 122 иллюстрации. Публикуемый текст расположен на стр. 1–27 отчета. Исправлены опечатки, внесена минимально необходимая редакторская правка. Нумерация сносок при публикации изменена с постраничной на сквозную. В приложении к отчету помещены 18 таблиц, характеризующих уровень образования и количество членов семей в Ловозере и Краснощелье. К сожалению, в большинстве таблиц отсутствует указание на время, к которому относятся данные, поэтому приложение не публикуется.

саамами (лопарями). В программу работы отряда входило изучение процесса расселения коми по Кольскому полуострову, этнического смешения их с саамами, хозяйственно-культурного влияния коми на саамов и роли коми в развитии культурного уровня коренного населения.

Отряд состоял из трех человек: начальник отряда с.н.с. Л.Н. Жеребцов, лаборанты И.М. Паршуков (художник) и Н.К. Зиновьева. Экспедиционное время длилось два месяца. Основная часть полевого сезона была проведена в сс. Ловозеро и Краснощелье. Это в настоящее время основные центры оленеводства, где сосредоточено коми население Кольского полуострова. Кроме того, отряд занимался сбором материалов в Мурманском областном и Ловозерском районном музеях, в Мурманском областном архиве, в Ловозерских районных отделе ЗАГС и архиве. В сельсоветах Ловозера и Краснощелья изучались похозяйственные книги.

Часть экспедиционного времени отряд потратил на работу в Вологодском областном архиве, где занимался сбором материала по переселению коми в Сибирь.

Собран большой цифровой, статистический материал, часть которого в виде таблиц приложена к тексту отчета. Однако обработка цифрового материала еще не завершена. Та часть материалов, которая не имеет прямого отношения к теме исследования, временно оставлена без дальнейшей обработки и не введена в настоящий отчет, который посвящен одной основной проблеме: взаимоотношения коми и саамов.

К отчету приложены четыре альбома: два с фотоиллюстрациями и два с цветными рисунками*.

Исторические основы контактов коми и саамов уходят в относительно глубокую древность. Первоначально их встречи имели место в XII–XIV вв. где-то в бассейнах Мезени, Пинеги и, возможно, нижней Печоры. Подтверждением пребывания древних саамов в указанных районах является наличие топонимических терминов явно саамского происхождения, например, с. Нюхча (по-саамски «лебедь») и некоторые другие [1]. Прямые предки коми в XII–XVI вв. расселились в бассейнах вышеупомянутых рек и встретились с саамами. В удорском диалекте коми языка до сих пор сохранились слова, являющиеся несомненными саамскими заимствованиями: токты (гагара) = тохт (гагара), чукчи (глухарь) = чукча (глухарь), тивти (ястреб) = чйвт (ястреб) и т. п.

Приведенные примеры позволяют говорить об обитании саамов или их прямых предков в Мезенской тундре в период продвижения древних коми (пермян) в бассейны Мезени и Пинеги. Контакты эти очевидно не были особенно продолжительными, так как проявление ненцев (а возможно и некоторых других народов) заставило саамов отступить на запад и затем на север в Скандинавию. Какая-то часть из них была, вероятно, ассимилирована пришельцами. Очень вероятно, что воспетая в ненецком эпосе борьба народных богатырей с иноплеменниками является отражением реальной борьбы ненцев с саамами. А.К. Микушев считает, например, что колвинский эпос или, как он пишет, севернокоми эпос является «оригинальной формой, в которой слились элементы не только коми-зырянские и ненецкие, но обско-угорские и саамские» [2]. Хотя сам колвинский эпос складывался относительно поздно, но в него вошли очень древние мотивы, и поэтому вполне реально звучит вышеприведенное высказывание о включении в него саамских элементов.

В последующие века, вследствие передвижения саамов на новые места, в частности, в Карелию и на Кольский полуостров, контакты между коми и саамами надолго прервались. Новая встреча этих народов произошла лишь в конце XIX в. в результате переселения коми-ижемцев на Кольский полуостров. По имеющимся данным, первые стада оленей, принадлежащие оленеводам-ижемцам, появились в Кольской тундре в 1887 году, когда четыре ижемских семейства поселились в саамском с. Ловозеро. С тех пор почти ежегодно на Кольский полуостров прибывало по несколько семей ижемцев со своими стадами оленей. Это переселение было вызвано распространением массовых эпизоотий в Печорской тундре. Беглецы пытались спасти своих оленей, увозя их в незараженные районы. Как правило, все это были владельцы относительно небольших стад. Эпизоотии для них были особенно страшны.

* Иллюстрации не публикуются.

Все первые переселенцы обосновались в с. Ловозеро. И к концу I четверти XX в. в этом селе их собралось уже достаточно много. Д.А.Золотарев писал, что «из 745 человек жителей приходится на долю лопарей (саамов. – *Л.Ж.*) третья часть, в то время как больше половины ижемцев-зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов (ненцы. – *Л.Ж.*) и 30 человек русских» [3].

Первоначально саамско-русские общества не давали согласия на вселение пришлых ижемцев. Поэтому ижемцы не имели права основать свои деревни, а по мере возможности, по степени уступчивости того или иного сельского общества поселялись в уже имевшихся погостах (как уже отмечалось, главным образом в Ловозере). Однако с годами это сопротивление саамских обществ ослабело. Ижемцы получили разрешение на прописку и стали основывать свои самостоятельные поселения.

В I четверти XX в. коми-ижемцы обитали не только в одном Ловозере, но также довольно широко расселились по Кольской тундре, как по многим другим населенным пунктам саамов (например, в Сосновском погосте), так и, главным образом, во вновь основанных ими самими новых поселений. Так, недалеко от саамского Каменского погоста в 1917 г. Иван Рочев основал д. Ивановку. В 1926 г. в ней обитало уже 113 человек. Она даже переросла соседний Каменский погост, где в тот год был всего 61 житель. Вместе с коми в Ивановке поселились несколько ненецких, саамских и две русских семьи.

Принято считать, что ненцы появились на Кольском полуострове вместе с коми. Правда Чарнолуцкий приводит полуполюгендарное сказание о том, что первую семью ненцев Хамьяновых завез на пароходе в погост Сосновский русский купец А. Заборщикова в качестве пастухов своих оленей где-то около 1877 года, но автор тут же оговаривается, что к этому известию следует относиться осторожно и дату считать неустановленной. Далее, правда, он указывает, что позднее ненцы пришли вместе с коми [4]. Думается, что мнение о появлении ненцев и коми более или менее одновременно является правильным. Это подтверждается тем явлением, что оба эти народа, как правило, селились вместе в одних и тех же селениях.

Некоторые исследователи объясняют этот факт тем, что ненцы были батраками коми-ижемцев, но полагаю, что это утверждение не вполне соответствовало действительности, так как основная масса переселившихся оленеводов была малооленной и не держала пастухов. Кроме того, в исследованиях приводятся примеры наличия самостоятельных стадовладельцев из ненцев. Так, В.В. Чарнолуцкий подтверждает это, приводя данные о наличии поголовья оленей по каждому народу в отдельности на 1927 г. Он пишет, что из 20996 голов саамам принадлежало 9428, ижемцам – 7044, русским – 3217 и ненцам 1307 оленей [5]. Следовательно, у ненцев имелись свои собственные стада оленей.

Около 1920 г. недалеко от Ивановки возникли еще две коми деревни: Краснощелье и Оксина. В первой из них в 1925 г. было 37 жителей, а во второй – всего 9. По данным В.В. Чарнолуцкого, обе они возникли только в 1924 г. [6]. Все новые деревни ижемцами основывались вдоль берега реки Поной, которая протекает в средней части Кольского полуострова примерно с северо-запада на юго-восток. На этой же реке в 1923 г. уже весьма близко к берегу моря (Краснощелье расположено почти в центре Кольского полуострова) Ф.В.Канев основал д. Каневку. В 1926 г. в ней было четыре добротных дома братьев Каневых. Там же намерены были основаться еще несколько семей, в том числе и саамских [7]. В.В.Чарнолуцкий пишет, что Каневка была основана в 1924 г., а в 1927 г. туда был перемещен весь так называемый Зимний Лумбовский погост [8] (саамский). Насколько точны данные Д.А.Золотарева, мне не удалось проверить, но И.Елькин [9] для этих же лет (1925–1926 гг.), правда, не на своих материалах, а по данным Осиновского, дает несколько иные сведения о количестве и распределении коми населения на Кольском полуострове. Однако в принципе цифры их совпадают.

Таблица 1

Этнический состав населения некоторых поселений Ловозерской области (по данным Осиновского)

№ п/п	Название населенного пункта	Число хозяйств	Кол-во жителей	В том числе			
				русских	коми	ненцев	саам
1	Ловозеро	131	702	26	417	63	196
2	Воронье	27	122	–	28	–	102
3	Ивановка	17	72	–	56	16	–
4	Краснощелье	7	47	–	30	17	–
	Итого	182	943	26	531	96	298
	в %		100	2,75	56,7	10,1	31,7

Однако в таблице И. Елькина отсутствует Каневка. Отсюда можно предположить, что сведения И. Елькина (Осиновского) относятся к несколько более ранним годам, чем данные Д.А. Золотарева.

Как говорят все вышеприведенные материалы, коми расселились не по всему Кольскому полуострову, а только в определенной его части, в тундровой зоне. В этой местности они составляли не менее 50 % населения. Однако в целом по области картина была совсем иная. По данным переписи 1926 г., коми в Мурманской области было всего 3,1 %, а ненцев – 0,5 % от общего количества населения [10]. В.В. Чарнолуцкий по данным переписи приводит таблицу этнического состава населения по интересующим нас поселениям [11]. Эту таблицу мы полностью приводим ниже (см. табл. 2).

Перепись населения 1959 г. коми и ненцев в Мурманской области вообще не выделила. Они идут в графе «прочие национальности» [12]. Т.В. Лукьянченко на основании своих полевых материалов предположительно считает, что коми составляют 0,2 % населения области [13]. Эти цифры не свидетельствуют о сокращении количества коми в области и объясняются обильным приливом населения в развивающиеся промышленные районы Кольского полуострова из-за пределов Мурманской области. Это результат дальнейшего прилива населения в промышленные районы. Чрезвычайно наглядно это показывают программы соотношения городского и сельского населения области, составленные Т.В. Лукьянченко [14].

Коми-ижемцы и прибывшие с ними частично в качестве их пастухов, частично в качестве владельцев собственных стад, ненцы совместно с коренными обитателями этих мест саамами составляют основную массу сельского населения Мурманской области, занимающейся оленеводством на обширных пространствах Кольских тундр. В настоящее время они объединены в колхозы. Центрами колхозов, в составе которых есть все упомянутые выше народы, являются сс. Ловозеро (колхоз «Тундра») и Краснощелье (колхоз «Им. В.И.Ленина»). Здесь они рядом живут и вместе работают.

Однако дружеские отношения между ижемскими коми и саамами наладились не сразу. И одной из основных причин возникновения неприязни было то, что коми и ненцы пришли в Кольскую тундру незваными, вторглись на чужую территорию, нарушили установившуюся традиционную систему хозяйства саамов. Они внесли разлад в пути перекочевков, поскольку стали пасти свои стада на уже занятых (распределенных) участках саамских обществ.

Особой тесноты коми, конечно, не вызывали, так как примерно 60 % из них владели стадами, насчитывающими не более 100 голов, и 30 % имели от 100 до 200–300 оленей. Только 10 % переселенцев владели относительно крупными стадами по 3–4 тыс. голов [15]. Но зато они принесли с собой свою особую ижемскую систему оленеводства, направленную на создание промышленно-выгодного оленеводческого хозяйства и свою ижемскую же систему выпаса оленей. И то, и другое было в корне противоположно саамской системе оленеводства.

Саамы практиковали вольный выпас оленей в летнее время, то есть на все лето олени отпускались без всякого надзора и паслись самостоятельно. А осенью вновь сгонялись в общее стадо. Этот осенний сбор оленей занимал очень много времени и сил, но зато летом саамские семьи были полностью освобождены от ухода за стадом и могли заниматься другими видами хозяйственной деятельности: главным образом рыболовством, а также и охотой [16]. Ижемская же система требует круглогодичного выпаса стад пастухами с помощью собак.

Таблица 2
Этнический состав населения Летнего Наволока по данным Всесоюзной переписи 1926 г. (по материалам КИПС АН СССР)

Наименование населенных пунктов	Кол-во обитаемых пунктов пог. дер.	Кол-во домохозяйств	Всего жителей	Лопари				Русские		Самородов	Ижемцев	Прочие народы	Состав селений по национ. признаку в %			
				Муж.	Жен.	Всего	Из них терских	Сожит. с лопар.	Всего				Лопари	Русские	Ижемцы	Самороды
Сосновский погост	1	17	68	20	22	42	42	12	12	4	10		61,9	17,6	14,7	5,8
с. Поной (безлоп. пог.)	2	77	315							8	7	1				
<i>Русские селения терск. бер.:</i> Понойская вол.	3	8	43								2					
Тетринская вол.	7	225	1110													
Кузоменская вол.	2	251	1040													
дер. Ивановка	1	27	113	2	1	3	3	16	16	19	75		2,0	14,0	67,0	17,0
выс. Красная Щелья	1	14	78							16	62					
выс. Оксина	1	2	11							3	8					
выс. Макаровка	1	1	6							6						
дер. Каневка	1	7	27	2	1	3	3			4	20		11,1		74,0	14,9

Примечание: В 1927 г. Зимний и Лумбовский пог. объединился с д. Каневской, данные для которой относятся к 1926 г.

Столкновение этих двух систем оленеводства привело к тому, что саамский способ вынужден был уступить. Саамы стали переходить на ижемскую систему. Правда, они полностью ее нигде почти не восприняли, сохранив или привнеся в нее некоторые свои особенности. В частности, например, если ижемцы объезжали стадо на нартах, то саамские пастухи предпочитали пеший обход и т. д. [17]. Интересно в данном случае привести отрывок из ненецкой легенды, опубликованной в работе В.Н. Чернецова. В ней говорится:

Таана (чужак, пришелец. – Л.Ж.) без чума за оленями пешком ходил,
С осени до весны ходил,
А с весны до осени
На оленях нигде не ездил.
Весной и осенью к мысам подходил [18].

Этот отрывок, как мне кажется, может служить дополнительным доказательством того, что у предков саамов (а Таана, несомненно, должен быть отнесен к этому народу) не практиковалась езда на оленях. Олень служил вьючным животным и для прочих хозяйственных нужд. Эта старинная традиция сохранилась в какой-то мере у саамов до XX в.

Затруднялось сближение обоих народов и тем, что сами ижемцы, явившись незваными и встреченные настороженно, а местами и просто враждебно, также держались очень замкнуто, особняком. Результаты былого заметны и теперь. Так, в Ловозере все еще можно проследить следы этого раздельного расселения: коми и саамы селились на разных берегах речки Вирмы, которая и сейчас разделяет село на две части. Исследования 1925–1930 гг. постоянно отмечают резкое различие между этими двумя частями села [19]. Этой же причиной вызывалось стремление поселиться отдельно в стороне от других (саамов и русских), вследствие чего и появились перечисленные выше деревни, в которых вначале жили одни только коми (и иногда ненцы). Если бы не национальная политика советского государства и коллективизация сельского хозяйства, сближение этих трех оленеводческих народов шло бы гораздо медленнее.

Появление отдельных поселений коми в тот период было в какой-то степени вынужденной мерой. Саамские общества предпочитали из двух зол меньшее: раз уж от ижемцев нельзя избавиться, то пусть лучше они живут сами по себе, в стороне от саамов, и стали разрешать основывать новые деревни. В свою очередь это отвечало в то время и интересам коми. В первые десятилетия оба народа (и коми и саамы) относились друг к другу недоверчиво и отзывались по данным исследователей конца I четверти XX в., отрицательно. Коми считали саамов дикарями, саамы ижемцев – хитрым народом, которому доверять нельзя, которого надо опасаться [20].

Немалую роль в возникновении враждебности саамов сыграло и столкновение двух систем выпаса оленей. Однако. По моему представлению, исследователи коми-саамских взаимоотношений не вполне объективно и правильно объясняют смысл этого столкновения. Даже в самом последнем по времени появления исследовании по саамам, автор, касаясь этого вопроса, пишет, что, выпасая свои стада, ижемские пастухи постоянно натыкались на вольно пасущихся саамских оленей и без стеснения присоединяли их к своим стадам. Таким образом, со временем вольный выпас оленей стал практически невозможен для лопарей, так как грозил им потерей стад [21]. В данном случае Т.В. Лукьянченко просто приняла на веру утверждения многих исследователей I четверти XX в. Однако этот тезис требует расшифровки, ибо в таком выражении он не отвечает исторической правде. Во-первых, далеко не все ижемцы были хищниками. Наоборот, большинство их, как уже выше говорилось, были владельцами небольших стад. Эти мелкие хозяйчики с уважением относились к чужой собственности, поскольку прекрасно понимали, чем грозит потеря оленей. И забота о сохранности чужой собственности была для них борьбой за сохранение своей. Иначе мелкие владельцы остались бы быстро без оленей. Следовательно, и исторически, и политически неверно поголовно всех ижемцев Кольского полуострова считать людьми бесчестными.

Во-вторых, каждый владелец метил своих оленей. Иначе тем же саамам трудно было бы собрать осенью свое стадо и именно только из своих оленей. Кроме того, все авторы отмечают, что в первые десятилетия XX в. саамский олень весьма отличается от ижемского. Следовательно, таких оленей в стаде ижемцев и обнаружить и доказывать права собственности было очень легко. Поэтому

ижемские пастухи просто не могли «без стеснения» присоединять их к своим стадам. И если бы все ижемцы были бы хищниками, то те же саамы не стали бы доверять им пастьбу своих стад, как это, однако, случилось: «уже с начала XX в. многие из них стали свои небольшие стада оленей на выпас ижемским пастухам» [22].

С моей точки зрения, главная причина отказа от вольного выпаса в том, что слишком много времени хозяин саамского стада должен был затрачивать на розыск своих оленей, приставших к стадам ижемских и угнанных ими в разных направлениях. Именно такую же точку зрения высказывает В.В. Чарнолусский. Он пишет, что «присоединение это (оленей – Л.Ж.) привело к тому, что оленеводы всех селений Терского Наволока были вынуждены отбивать своих оленей в стадах ижемцев, куда они выезжают вплоть до самого последнего времени (чумовой маршрут)» [23]. И уже второй, менее важной причиной, следует считать использование пастухами чужих оленей в пищу, с целью сохранения поголовья своего стада. И именно это уничтожение (съедение) чужого оленя, а не присоединение его, играло определенную роль в отказе от вольного выпаса.

Освоение ижемской системы выпаса саамами шло разными путями. Одним из распространенных была отдача своего стада на выпас ижемцу. Этот способ имел два варианта. По одному саам присоединял (по договору) своих оленей к стаду ижемцев. По другому варианту саамы нанимали пастуха ижемца (и, вероятно, этот-то пастух и не имел большого стада). Для лучшего освоения ижемского способа саамы нередко присоединяли к коми пастуху в помощники-подпаски своего человека. Так, в Лумбовском погосте в 1927 г. часть хозяев отдавала своих оленей ижемцу из Каневки, который и заботился о них, присоединив к своему стаду. Другие же решили «нанять пастуха ижемца, а в помощь ему, для обучения и наблюдения за сохранностью стада, выбрать своего лопарского пастуха» [24].

Таким образом, с 1930-х годов и почти до настоящего времени на Кольском полуострове действовала ижемская (в целом) система выпаса оленей. Она, безусловно, не лишена недостатков, на что справедливо указывает в своей работе Т.В. Лукьянченко, но объяснение причин возникновения, с моей точки зрения, дано не верно. Автор пишет о недостатке опыта у ижемцев в пастьбе оленей [25]. Но как раз наоборот, единственно у ижемцев и был хоть какой-то опыт выпаса больших многочисленных стад. В.В. Чарнолусский подчеркивает, что «ижемцы вообще являются наиболее культурной оленеводческой народностью» [26]. Здесь, автор, конечно, имеет в виду прежде всего общий, более высокий культурный уровень коми, а также и промышленный характер их оленеводства, но именно эта специфика ижемского оленеводства и требовала выработки новых методов выпаса, который стихийно ижемцы и создали.

Ни ненцы, ни тем более саамы подобного опыта вообще не имели. Именно ижемцы и являлись создателями метода выпаса оленей большими стадами. Конечно, опыта было маловато. Никто научной проверкой не занимался. Тем более в капиталистическое время, когда он сложился. Да и в советский период (в первые десятилетия) недостатки этого метода проявились не сразу. Только в результате многолетнего тщательного его изучения сотрудниками Мурманской опытной оленеводческой станции удалось установить, что для Кольского полуострова более выгодной, более прогрессивной является так называемая система «полувольного» выпаса оленей [27].

Итак, можно считать, что ижемская (именно ижемская, а не ненецкая) система выпаса оленей утвердилась на Кольском полуострове с появлением там коми оленеводов и сохранилась вплоть до последнего времени без существенных изменений. Лишь в последнее десятилетие (примерно с 1957 г.) ее начали усовершенствовать, улучшать и одним из принятых вариантов явилась упомянутая выше «полувольная» система, которая характеризуется воссозданием в новых условиях некоторых саамских способов пастьбы, в частности использование изгородей и т. п. Ижемцы принесли с собой не только систему выпаса оленей, но и всю свою культурно-бытовую специфику, которая также во многих ее проявлениях была воспринята саамами (подробнее об этом будет сказано ниже).

Следует коснуться и других сторон хозяйственной деятельности коми и саамов. Здесь также обнаруживается много сходства, но, как правильно говорят исследователи, в данном случае речь может идти не о заимствованиях, а об общих истоках. Так, в области рыболовства много общего у коми и саамов. Но ведь и у тех, и у других рыболовство – весьма древнее занятие. И, следовательно-

но, наличие одинаковых орудий и методов может говорить о едином источнике, общем для обоих народов районе и времени возникновения этих орудий и методов. Совершенно справедливо пишет Т.В. Лукьянченко, что «приемы рыболовства саамов имеют много общего с карелами и коми – двумя соседними «лесными» народами. Что касается способов охоты (ямы, силки, сети и др.) то они не только характерны, а по существу и возможны только в лесной зоне» [28].

Таким образом, в области охоты и рыболовства можно предполагать те или иные мелкие взаимозаимствования, передачу от одного народа другому каких-либо отдельных инструментов, орудий промысла, но нельзя говорить о сколько-нибудь широких заимствованиях. Наоборот, здесь можно говорить даже о некоторых противоречиях, о некоторой противоположности в подходе к охотничьему промыслу. В этой области ижемцы действительно допускали определенную долю хищничества, например, добывая крестоватиков (молодые песцы), охота на которых считалась запретной [29], и, возможно, в некоторых других случаях.

Несколько большее влияние оказали коми на саамов в области домашних промыслов и ремесел. Но и здесь, главным образом в тех из них, которые непосредственно связаны с оленеводством: изготовление одежды и обуви из оленьих шкур, нарт и упряжек для оленей и т. п. Так, например, повсеместно на Кольском полуострове саамы отказались от кережи и перешли на косокопильную ненецкого типа нарту. Одновременно вошли в обиход и форма запряжки оленей и сам тип упряжки нарты. Переняты они, несомненно, от коми. Как отличие в использовании нарты саамами, можно указать на то, что они до сих пор меньше пользуются ею для переездов в летнее время. Исследователи пишут, что саамский олень для такого использования не годился: быстро переутомлялся, стограл. Переход на ижемскую систему выпаса и совместная пастба ижемских (тундровых) и саамских (горнолесных) оленей привел к их смешению и появлению на Кольском полуострове новой породы оленя, сочетающего черты обоих родоначальников и отличающегося рядом положительных качеств [30]. Он оказался крупнее тундрового, но приобрел ряд его свойств. Например, если на саамском олене нельзя было ездить летом на нартах, то на этом стали ездить и летом. Он также оказался сильнее тундрового и так же вынослив, как он. Поэтому стала возможна езда на нартах и в летнее время, но как рецидив прошлого сохранилась вышеупомянутая черта в быту саамов – малое использование нарты летом.

В других средствах передвижения также наблюдается определенная близость или даже полное сходство (некоторые типы лодок, лыжи и т. д.), но здесь мы не можем говорить о коми влиянии. Здесь, как уже отмечалось, причины сходства скорее всего следует искать в одинаковых условиях жизни предков этих народов. Но не исключено, что в некоторых случаях было и заимствование, например, от русских или коми, но в данной работе этот аспект этнокультурных связей саамов не рассматривается.

Говоря о большом культурном влиянии коми на саамов, В.В. Чарнолуцкий пишет, что «ижемцы своим расчетливым ведением хозяйства, своими отличными постройками и культурными навыками оказывают положительное воздействие на своих соседей» [31]. В частности, он отмечает появление у саамов домашнего скота («Часть каменчан переселилась в Ивановку и обзаводится рогатым скотом»), приусадебных участков, обработанных лугов, подчеркивает, что «некоторые лопари обратились к полукочевому образу жизни, свойственному ижемцам» [32]. Правда, с моей точки зрения, оленеводческий быт ижемца нельзя назвать полукочевым, а скорее все же полуоседлым, но это дело автора.

Таким образом, несомненно, что появление коми вслед за русскими на Кольском полуострове способствовало развитию оседлости у саамов. Благодаря примеру этих народов они начали возводить бревенчатые дома, обзавелись хозяйственными постройками, из которых прежде у них был только амбар. Последний привлекает внимание своими характерными особенностями, типичными для промысловых амбаров таежных охотников, в том числе и коми (тщамья) [33]. Одна из самых характерных его особенностей состоит в том, что его устраивали на одном высоком (до 4-х метров) столбе-пне, дверца устраивалась в виде люка в полу амбара, и попадали в него по приставной лестнице из толстого бревна с зарубками-ступеньками. Все прочие хозяйственные постройки, несомненно, являются заимствованными, но очень трудно сказать, через какой народ они попали к саамам; во многих случаях источником могли быть (и должны были быть) русские, а не коми.

Несомненным заимствованием у саамов является, конечно, чум. Взят он ими, безусловно, от коми и ненцев (в данном конкретном случае выделить, у кого сделано заимствование, невозможно). Сами ижемцы восприняли чум у ненцев и внесли в него ряд изменений, касающихся его благоустройства и улучшения условий жизни в нем. Ненцы позднее стали также использовать улучшенный чум, который они совместно с коми и принесли на Кольский полуостров. Этот тип переносного жилища оказался наиболее подходящим к условиям кочевого оленеводства и поэтому до сих пор сохраняется современными оленеводами, хотя и идут интенсивные поиски нового типа передвижного дома для пастухов.

Говоря о заимствованиях в народном жилище, следует отметить еще и ту сторону, что культурное влияние коми отчетливо проявилось во внутреннем убранстве, в мебелировке бревенчатых домов саамов. Ижемцы – народ очень чистоплотный и с устойчивой культурой постоянного жилища, поэтому их постройки и на Кольском полуострове отличались как внешним видом, так и внутренним убранством. И поэтому не могли не оказать соответствующее воздействие на соседей. Особенно в последние десятилетия, когда коми, ненцы и саамы стали жить рядом в одних и тех же поселениях, особенно в Ловозере и Краснощелье. Новые дома в этих селах построены с учетом современных культурных запросов, весьма удобные и красивые. А в Ловозере в последнее десятилетие начали строить пятиэтажные каменные дома со всеми коммунальными удобствами. Квартиры в этих домах выделяются лучшим производственным. И сам семейный быт в таких совершенно новых условиях коренным образом изменяется. В данном случае речь уже не может идти о каком-либо коми влиянии. Здесь показывают свою силу сам советский образ жизни, когда достижения современной культуры в силу объективных законов входят в быт советского человека, способствуют подъему его культурного уровня.

Как уже отмечалось выше, заимствования, связанные с оленеводством, коснулись не только производственной бытовой стороны, но и различных сторон материальной и духовной культуры. В области материальной культуры выше отмечены заимствования в средствах передвижения (нарты, упряжь) и жилище (чум). Не отмеченным оказалось влияние ижемцев на народную одежду саамов. До прихода коми у кольских аборигенов были распространены свои во многом не похожие на одеяния других северных народов предметы мужской и женской одежды и обуви. Я здесь не останавливаюсь на описании традиционных типов саамской одежды и обуви, так как это прекрасно сделано уже в многократно цитированных мною работах Т.В. Лукьянченко.

Для меня в этом вопросе важно другое, а именно то, что не только наши материалы, но и наблюдения исследователей подтверждают, что привезенные ижемцами типы меховой одежды и обуви полностью вытеснили собственно саамские изделия, и вплоть до настоящего времени они являются основной одеждой оленеводов не только в тундре, но также и в поселках.

Однако надо отметить и то, что восприятие ижемской одежды и обуви саамами не было механическим. Они в ряде случаев внесли свои изменения, особенно в обувь, приспособив ее к своим запросам. Особенно это относится к тобокам (тобоки) – летней обуви из оленей кожи. Саамы шьют головки тобоков из нерпичьей шкуры и как легкую и непромокаемую используют на промыслах, особенно рыболовных. Есть некоторые детали и в употреблении других видов меховой обуви саамов и коми. Саамы, например, всегда надевают вначале шерстяные чулки и лишь потом меховые чулки – липты (сверх которых натягиваются пимы). В названиях заимствованных предметов одежды и их деталей сохраняются ижемские названия: малица, совик, пимы, липты, тасма (ремень) и т. д.

При описании таких занятий саамов, как охота и рыболовство, выше отмечено наличие многих сходных предметов и методов добычи, имеющих общие древние истоки. В одежде и в обуви коми и саамов также можно выявить такие же общие элементы: например, специфической формы обувь с загнутым острым носком (кõм по коми – специальные лыжные ботинки), накидка от комаров (номдор или кукель по коми) и т. д. [34]. Р.Ф. Тароева приводит пример, доказывающий, что подобная накидка у карел является очень древней [35]. Очевидно, есть основания видеть в указанных элементах одежд и обуви, как и вышеотмеченных деталях охотничьего и рыболовного промыслов, отзвуки весьма далеких общих культурных истоков многих северных народов. Об этом же говорят и приведенные Т.В. Лукьянченко весьма интересные параллели в традиционной народной утвари и

ее изготовлении, в методах приготовления и хранения продуктов питания, способов приготовления блюд и т. п. [36].

Таким образом, в области хозяйства и материальной культуры отчетливо прослеживается, с одной стороны, весьма отдаленные связи между нынешними северными народами, выявляются общие истоки их в культурах, с другой стороны также очень ясно заметны заимствования, сделанные саамами уже непосредственно из культуры коми-ижемцев.

Менее отчетливыми являются заимствования в области семейного и общественного быта и духовной культуры. В этой части значительную отрицательную роль сыграла первоначальная отчужденность обоих народов: саамов и коми. Еще в 1925–1927 гг. исследователи отмечали, что ижемцы с окружающими не сливаются. Однако уже в эти же годы начали появляться первые смешанные браки [37]. В последующее время совместное обитание в общих поселках, общий труд в одном колхозе, в одной бригаде заметно сблизила оба оленеводческих народа.

Количество смешанных браков увеличилось. Теперь они уже не представляют единичные явления. Для иллюстрации этого приведены две таблицы по Ловозерскому и Краснощельскому сельсоветам за 1967–1970 гг. Данные по Ловозеру показывают, что от всех людей, вступивших в разнонациональные браки, 16,7 % дают саамы и 30,3 % – коми, а по Краснощелью в том же сочетании саамы составляют 10 %, коми – 32 % (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Количество людей, вступивших в брак в с. Ловозере в 1967–1970 гг. (в %)

№ № пп	Национальность	% от общего кол-ва вступивших в брак	% от общего кол-ва вступивших в однонац. брак	% от общего кол-ва вступивших в разнонац. брак	% от общего кол-ва вступивших в разнонац. брак		% от общего кол-ва вступивших в однонац. брак	
					Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1	Саамы	25,3	28,0	16,7	48,9	51,1	32,4	32,6
2	Коми	23,0	21,2	30,3	82,1	16,4	34,0	24,0

Таблица 4

Количество людей, вступивших в брак в с. Краснощелье в 1967–1970 гг. (в %)

№ № пп	Национальность	% от общего кол-ва вступивших в брак	% от общего кол-ва вступивших в однонац. брак	% от общего кол-ва вступивших в разнонац. брак	% от общего кол-ва вступивших в разнонац. брак		% от общего кол-ва вступивших в однонац. брак	
					Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1	Саамы	11,6	12,5	10,0	55,8	44,0	6,2	6,2
2	Коми	36,0	56,2	32,6	13,5	13,5	18,1	28,1

Еще более интересные сведения дают таблицы, составленные по многолетним данным Ловозерского отдела ЗАГС (с 1927 по 1965 гг.). По ним можно проследить процесс постепенного сближения коми и саамов, рост количества смешанных браков. Для большего удобства пользования таблицы составлены по пятилетиям (см. табл. 5). Младшие поколения коми и саамов двуязычны, а в смешанных саамско-коми семьях даже трехязычны: владеют русским, коми и саамским языками.

Общий уровень культуры саамов за годы Советской власти резко возрос. Из малого народа, до 1917 г. не имевшего ни одного грамотного человека, сейчас выдвинулись руководители не только среднего, но и высшего звена. Вот показатели анализа похозяйственных книг по Ловозерскому и Краснощельскому сельсоветам за 1970 г. (см. табл. 6).

Таблица 6

Показатели уровня специализации по Ловозерскому и Краснощельскому сельсоветам (в %)

№ № пп	Названия сельсоветов	Н а р о д								
		коми/спец.			ненцы/спец.			саамы/спец.		
		высш.	сред.	низш.	высш.	сред.	низш.	высш.	сред.	низш.
1	Ловозеро		27,1	72,3		17,64	82,3	2,85	19,95	76,95
2	Краснощелье		23,2	76,8		11,2	88,7	2,86	17,16	80,08

Количество людей, вступивших в брак по данным Ловозерского архива ЗАГС за 1927–65 гг. (в процентах по пятилетиям)

Народность	% от общего числа вступ. в брак	% от общего числа вступ. в однонац. брак	% от общего числа вступ. в разнонац. брак		% от общего числа вступ. в разнонац. брак		% от общего числа вступ. в разнонац. брак	
			Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1927–1930 гг.								
Коми	53,5	55,3	45,0	27,6	27,6	27,6	5,0	40,0
Ненцы	7,8	4,2	25,0	2,12	2,12	20,0	5,0	5,0
Саамы	41,3	48,9	10,0	24,4	24,4	5,0	5,0	5,0
1931–1935 гг.								
Коми	42,1	50,0	42,3	25,4	25,4	3,8	3,8	3,8
Ненцы	1,5		7,6			7,6		
Саамы	21,0	33,3	3,8	16,6	16,6	3,8	3,8	3,8
1936–1940 гг.								
Коми	20,1	16,6	23,9	7,2	7,2	15,2	8,6	8,6
Ненцы	3,2		8,6			8,6		8,6
Саамы	34,6	41,1	6,5	20,8	20,8	6,5	6,5	6,5
1941–1945 гг.								
Коми	19,6	11,4	29,0	5,7	5,7	4,8	28,8	28,8
Ненцы	1,5		3,1			1,6	1,6	1,6
Саамы	11,3	11,4	11,2	5,7	5,7	6,4	4,8	4,8
1946 – 1950 гг.								
Коми	6,6	2,8	13,2	2,2	2,2	11,1	8,0	8,0
Ненцы	0,6	0,3	3,2	0,19	0,19	0,53	2,4	2,4
Саамы	8,2	9,2	5,3	4,9	4,9	3,18	2,12	2,12
1951 – 1955 гг.								
Коми	19,6	11,5	34,2	5,7	5,7	14,3	19,5	19,5
Ненцы	0,9		2,6			2,6		2,6
Саамы	8,4	11,5	2,6	5,7	5,7	1,3	1,3	1,3
1956 – 1960 гг.								
Коми	20,0	8,4	31,7	4,2	4,2	18,8	12,6	12,6
Ненцы	0,6		1,2			1,2		
Саамы	9,0	10,8	7,3	5,4	5,4	0,6	6,6	6,6
1961 – 1964 гг.								
Коми	22,5	20,3	29,3	10,1	10,1	22,3	6,9	6,9
Ненцы								
Саамы*	24,3	27,5	14,5	13,7	13,7	53,2	7,8	7,8

* В тексте отчета ошибочно напечатано «манси».

Данные похозяйственных книг, безусловно, как уже отмечалось, весьма приблизительны. Однако они все же достаточно красноречивы, когда показывают наличие руководителей высшего звена (2,86 %) выходцев их саамов, народа до 1917 г. жившего на стадии разложения первобытнообщинного строя.

Подъем материального и культурного уровня всего советского народа в полной мере сказался и на саамах и коми. Активность в общественной жизни у тех и других достаточно высока. По уровню развития семейного и общественного быта они также мало различаются. Различие наблюдается лишь по таким семьям, где большую роль играют старики, у которых еще сильна приверженность к старым обычаям (это больше относится к саамам).

Общественные организации и органы Советской власти борются с пережитками старины в семейной и общественном быту саамов. Применяются различные мероприятия. Из них можно отметить так называемый «праздник севера». Прежде это был чисто саамский праздник встречи солнца, так сказать возвращения солнца после долгой полярной ночи. Сейчас это скорее праздник проводов зимы: он проводится в марте. И участникам его являются не только саамы и все другое население Ловозера (где проводится праздник), но и окружающих поселений. Входят в быт и другие праздники и обряды.

Ввиду относительно небольшого периода совместной жизни коми и саамы в духовной культуре, в частности в фольклоре ни того, ни другого народа эта эпоха отражения не получила. Однако совместная самостоятельность при клубах и домах культуры существует. Здесь в кружках участвуют представители всех живущих в селе народов. Особой известностью в области пользуется Ловозерский народный хор. В нем участвуют саамы, коми и русские. Хор интересен тем, что стремится сохранить и развить песенное искусство на саамском языке [38].

Подводя общий итог изложенному, можно сказать, что несмотря на непродолжительный срок совместного обитания коми и саамов на Кольском полуострове первые оказали на вторых заметное культурное влияние. Оно сказалось прежде всего в области основного хозяйственного занятия саамов – в оленеводстве. А в связи с этим произошли заимствования и связанных с данным производством атрибутов: передвижного жилища (чум), средств передвижения (нарты), упряжка, обстановка чума, одежды и обуви из оленьих шкур (малица, совик, пимы, липты, тобоки-тоборки) и т. д. Появление коми усилило процесс оседания саамов, начавшийся еще раньше под русским влиянием. За годы Советской власти культуры и быт саамов, начавшие изменяться под влиянием более культурных соседей, подверглась полной перестройке. На основе общего экономического и культурного подъема всех народов СССР расцвела и обрела новую жизнь маленькая народность саамов. И что в данной работе следует особо отметить, что некоторую положительную роль в осуществлении этой задачи сыграли и коми, живущие на Кольском полуострове.

Источники и литература

1. *Симина Г.Я.* Дославянская топонимия Пинежья // Вопросы географии. Географические названия. – М., 1962. – № 58.
2. *Микушев А.К.* Эпос северных коми-зырян // Тезисы международного конгресса финно-угроведов. – Таллин, 1970. – Т. II. – С. 103.
3. *Золотарев Д.А.* Лопарская экспедиция. – Л., 1927. – С. 10.
4. *Чарнолуцкий В.В.* Материалы по быту лопарей. – Л., 1930. – С. 27–31.
5. Там же. – С. 110.
6. Там же. – С. 27–31.
7. *Золотарев Д.А.* Указ. соч. – С. 21–22, 25.
8. *Чарнолуцкий В.В.* Указ. соч. – С. 39, 41.
9. *Елькин И.* Оленеводство на Кольском полуострове (Мурманская губерния) // Коми му. – 1928. – № I. – С. 13–14.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1928, т. I, стр. 124–126.
11. *В.В. Чарнолуцкий.* Указ. соч. – С. 35.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – С. 314.

13. Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. – М., 1971. – С. 11.
14. Там же. – С. 12.
15. Елькин И. Указ. соч. – С. 15.
16. Подробнее по данному вопросу см.: Лукьянченко Т.В. Указ. соч. – С. 26–29.
17. Лукьянченко Т.В. Современное хозяйство, быт и культура саамов Кольского полуострова // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М., 1971. – С. 218.
18. Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Советская этнография. – 1935. – № 4–5. – С. 126–127.
19. Золотарев Д.А. Указ. соч. – С. 10.
20. Лебедев В. К северным народам. – М., 1933. – С. 130–131. 136.
21. Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов... – С. 32.
22. Там же.
23. Чарнолусский В.В. Указ соч. – С. 74–75.
24. Там же. – С. 75.
25. Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов... – С. 33.
26. Чарнолусский В.В. Указ. соч. – С. 30–31.
27. Подробнее см.: Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов...
28. Там же. – С. 53.
29. Чарнолусский В.В. Указ. соч. – С. 100.
30. Брюханов А.Ф. Лесные ненцы Архангельской области. – Л., 1939. – С. 1050.
31. Чарнолусский В.В. Указ. соч. – С. 30.
32. Там же. – С. 155, 159.
33. Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX вв. – М., 1972. – С. 74.
34. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков). – М., 1958. – С. 250, 254. (Труды Института этнографии АН СССР; т. 45).
35. Тароева Р.Ф. Материальная культура карел. – М.–Л., 1965. – С. 150.
36. Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов... – С. 156.
37. Чарнолусский В.В. Указ. соч. – С. 41.
38. Лукьянченко Т.В. Современное хозяйство, быт и культура саамов... – С. 227.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470.13)

DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-78-80

*М.А. Мацук**

Долголетие населения Яренского уезда по данным переписной книги 1710 г.**

Статья посвящена исследованию старшей возрастной группы (от 60 лет и старше) населения Яренского уезда начала XVIII столетия. Выяснено, что данная группа населения была достаточно многочисленной и ее доля в общей численности населения достигала почти 11 %, что больше, чем в 1950–1980-х гг. Также выяснено, что мужчин в указанной группе было значительно больше, чем женщин.

Ключевые слова: *Коми край, Яренский уезд, население, возрастные категории, 1710 год, переписная книга*

M.A. Matsuk

Longevity of the population of the Yarensky district according to the census book of 1710

The article is devoted to the study of the older age group (from 60 years and older) of the population of the Yarensky district at the beginning of the 18th century. It was found that this group of the population was quite numerous and its share in the total population reached almost 11%, which is more than in the 1950s–1980s. It was also found that there were significantly more men in this group than women.

Key words: *Komi region, Yarensky district, population, age categories, 1710, census book*

Возрастной состав населения Коми края начала XVIII столетия детально не известен, поскольку такие данные не подвергались анализу. Я начал данную работу с выяснения картины по пожилому населению (от 60 лет и старше).

Прежде чем приступить непосредственно к теме статьи, надо сделать следующее уточнение. В начале XVIII в. Яренский уезд, в состав которого входила большая часть Коми края, административно состоял из двух частей: 1. территорий, находившихся под непосредственным управлением воеводы и 2. территорий, так называемых отхожих волостей (Сысольская земля, Ужгинская волость, Вишерская волость, волости Верхней Вычегды, Удорская земля, Глотова слобода), обладавших правами некоторой автономии и управлявшиеся своими выборными руководителями.

В 1707 г. были описаны отхожие волости, в 1710 г. – территории, находившиеся под управлением воеводы. Мы с А.М. Мацуком опубликовали полный текст переписной книги Яренского уезда 1710 г. [1].

* **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, г.н.с. лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, michailmatsuk@ Rambler.ru.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Мной были проанализированы данные переписи 1710 г. по исследуемому вопросу.

В это время, условно говоря, воеводская территория, состояла из 26 различных единиц, независимых друг от друга в фискальном плане. Это: 1. Еренский городок; 2. Окологородье; 3. Погост Ирга; 4. Погост Лена; 5. Ленский наволок; 6. Погост Вожем; 7. Погост Цылиб; 8. Погост Туглим; 9. Погост Ошлапей; 10. Погост Шеном; 11. Погост Урдома; 12. Погост Пустыня; 13. Монастырь Спасский Сойгинский; 14. Погост Чакула; 15. Погост Жешарт; 16. Погост Гам; 17. Погост Шежам; 18. Погост Усть-Вымь; 19. Погост Оквад; 20. Погост Коквицы; 21. Погост Палевицы; 22. Погост Яли; 23. Княжпогостская треть; 24. Погост Турья; 25. Погост Онежье; 26. Погост Весляной.

Переписчики зафиксировали на указанной территории 7 907 жителей обоего пола, в примерно равном соотношении численности полов.

Для выяснения численности пожилого населения была проведена следующая работа: 1. Промомотрены данные о возрасте всех зафиксированных жителей; 2. Сделаны выписки с указанием возраста каждого человека, попадавшего в выделенную нами группу пожилых (от 60 лет и старше); 3. Полученные данные систематизированы по вышеуказанным 26-ти территориям и годам жизни; 4. В результате итоги анализа были сведены в одну таблицу, представленную ниже.

*Половозрастной состав пожилого населения (в возрасте от 60 лет и старше)
Яренского уезда в 1710 г.*

Возраст	Мужской пол, чел.	Женский пол, чел.	Всего, чел.
60 лет	208	128	336
61 год	2	–	2
62 года	26	8	34
63 года	15	11	26
64 года	12	5	17
65 лет	53	20	73
66 лет	11	3	14
67 лет	6	2	8
68 лет	12	13	25
69 лет	8	8	16
70 лет	97	63	160
72 года	6	6	12
73 года	7	6	13
74 года	3	–	3
75 лет	12	6	18
76 лет	2	2	4
77 лет	1	–	1
78 лет	3	5	8
79 лет	3	1	4
80 лет	37	16	53
81 год	1	–	1
82 года	5	–	5
83 года	2	–	2
84 года	3	–	3
85 лет	3	1	4
86 лет	2	–	2
87 лет	2	–	2
90 лет	3	3	6
92 года	1	–	1
95 лет	1	–	1
Итого	547	307	854

Источники: Мацук А.М., Мацук М.А. Коми край в начале XVIII века. Переписная книга Яренского уезда 1710 года. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015.

Всего нами выявлено наличие 854 человек обоего пола, относившихся к категории пожилых людей. То есть, в 1710 г. доля этой группы в общей численности населения Яренского уезда составляла 10,85 %.

Сравним данные 1710 г. с данными переписей населения Коми АССР советского периода. Так, по переписи 1959 г. всего было зафиксировано наличие 815 тыс. чел. обоего пола, в том числе пожилых людей от 60 лет и старше – 35,6 тыс. чел., или доля их составляет 4,37 %; в 1970 г. – 5,57 %; в 1979 г. – 5,94 %; в 1989 г. – 7,69 % [2].

Вернемся в начало XVIII столетия. Мы видим, во-первых, что всего 60-летних (от 60 до 69 лет включительно) было зафиксировано 544 чел. обоего пола; 70-летних (от 70 до 79 лет включительно) – 223 чел.; 80-летних (от 80 до 89 лет включительно) – 72 чел.; 90-летних (90 лет и старше) – 8 человек. Во вторых, необходимо отметить, что в переписи зафиксированы живые люди, которые и после проведения переписи могли жить какое-то время, иногда достаточно долго.

Основные выводы по представленному анализу данных по Яренскому уезду:

1. В Коми крае начала XVIII столетия были люди преклонного возраста – от 60 лет и старше.
2. Эта группа населения была достаточно многочисленна. Ее доля в общей численности населения превышала 10 %, в то время как в советский период – в 1950–1980-х гг., при развитой медицине и гораздо более легких условиях жизни, она не доходила до 8 %.
3. Долгожителей мужчин в Коми крае было больше, чем долгожителей – женщин. Первых – почти 64 %, вторых – 36 % от общей численности людей преклонного возраста.
4. То есть, мы должны констатировать, что при определенных условиях, крестьяне Коми края достигали весьма почтенного возраста.

В дальнейшем предстоит выяснить причины такого феномена.

Источники и литература

1. *Мацук А.М.* Коми край в начале XVIII века. Переписная книга Яренского уезда 1710 года / *А.М. Мацук, М.А. Мацук.* – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015.
2. Подсчитано по: 70 лет Коми ССР. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1991. – С. 9.

А.А. Филиппенко*

Население Спасо-Суморина монастыря в XIX – первой четверти XX века по ведомостям «О монашествующих и бельцах»

Статья посвящена анализу населения Спасо-Суморина монастыря по ведомостям о монашествующих. Были проанализированы возрастной, численный состав насельников, их происхождение, как географическое, так и сословное, уровень образования и грамотности, а также закономерности имянаречения монахов.

Ключевые слова: ведомости о монашествующих, монастыри, XIX в., монашество, имянаречение

A.A. Filippenko

The population of the Spaso-Sumorin Monastery in the 19th – the first quarter of the 20th century according to the statements «About monks and lay people»

The article is devoted to the analysis of the population of the Spaso-Sumorin Monastery according to the lists of monastics. The age, numerical composition of the inhabitants, their origin, both geographical and class, the level of education and literacy were analyzed. The patterns of naming monks are also analyzed.

Key words: list of monastics, monasteries, 19th century, monasticism, naming of monks

Ведомости о монашествующих являются распространённым документом, изучая их информацию, можно узнать некоторые подробности жизни Церкви в определённый период. Ведомости о монашествующих начали регулярно вестись с 1722 г. по указу Синода, были введены различные запреты на пострижение в монашество, для контроля соблюдения которых и требовалась информация ведомостей. Изученные нами ведомости хранятся в Государственном архиве Вологодской области. Был выбран период с XIX по XX в., так как документов за XVIII и более ранние столетия практически не осталось. Самые ранние ведомости о монашествующих – Послужные списки на монахов за 1805–1816 гг.

Данные по возрасту братии можно увидеть в табл. 1 и на рис. 1. Возрастной состав обители определялся двумя группами – люди, пришедшие в монастырь в юности, в 17–25 лет, и вдовое духовенство, холостые миряне старшего возраста.

Средний возраст всей братии Спасо-Суморина монастыря с 1805 по 1917 г. колебался в пределах от 36 лет до 50. В некоторые периоды времени, с 1815 по 1866 г., средний возраст братии был более молодой. К концу XIX в. средний возраст повысился.

Средний возраст духовенства колебался от 47 до 67 лет, максимальный от 69 до 80 лет, минимальный от 25 до 56 лет. По данным ведомостей, мы видим, что с 1815 по 1885 г. был примерно одинаковый средний возраст духовенства – от 47 до 53 лет. Можно предположить, что это связано с брачным статусом, в большинстве своем духовенство приходило в монастырь из-за вдовства, а к этому возрасту супруга преставлялась. Среди монахов не в сане вдовых практически не было. Есть интересный пример Феодора Стефанова Каменьщикова. Его первый брак был расторгнут «по вине его в прелюбодеянии». В монашество пострижен в 1891 г., а в схиму – в 1905 г., кроме него, за весь XIX в. в схиму был посвящен лишь один монах.

* Филиппенко Анастасия Алексеевна (Вологда) – студентка Вологодского государственного университета, nastyafilippenko2000@gmail.com.

Средний возраст монастырской братии на момент написания ведомости

Ведомость, год	Иеромонахи, иеродьяконы, вдовы священники и дьяконы (возраст, лет)			Монахи не в священном сане (возраст, лет)			Послушники (возраст, лет)			Средний возраст, лет
	Средний	Макс	Мин	Средний	Макс	Мин	Средний	Макс	Мин	
Ведомость 1805	66	74	56	46	56	36	38	65	23	50
Ведомость 1815	50	77	37	42	42	42	26,5	73	16	40
Ведомость 1850	51	69	27	56	71	30	29	67	15	36
Ведомость 1855	47	74	25	70	76	61	27	69	16	37
Ведомость 1866	47	80	32	43	55	34	33	80	20	37
Ведомость 1879	53	74	33	52	58	46	47	72	24	50
Ведомость 1885	52	73	32	58	64	53	51	75	27	53
Ведомость 1905	58	75	32	54	72	38	49	70	31	53
Ведомость 1917	56	81	36	55	75	43	44	64	24	51

Источники: Государственный архив Вологодской области. Ф. 496 О. 1. Д. 12723; Ф. 526. О. 1. Д. 17; Ф. 526. О. 1. Д. 103; Ф. 526. О. 1. Д. 112; Ф. 526. О. 1. Д. 146; Ф. 526. О. 1. Д. 148; Ф. 526. О. 1. Д. 151; Ф. 526. О. 1. Д. 157.

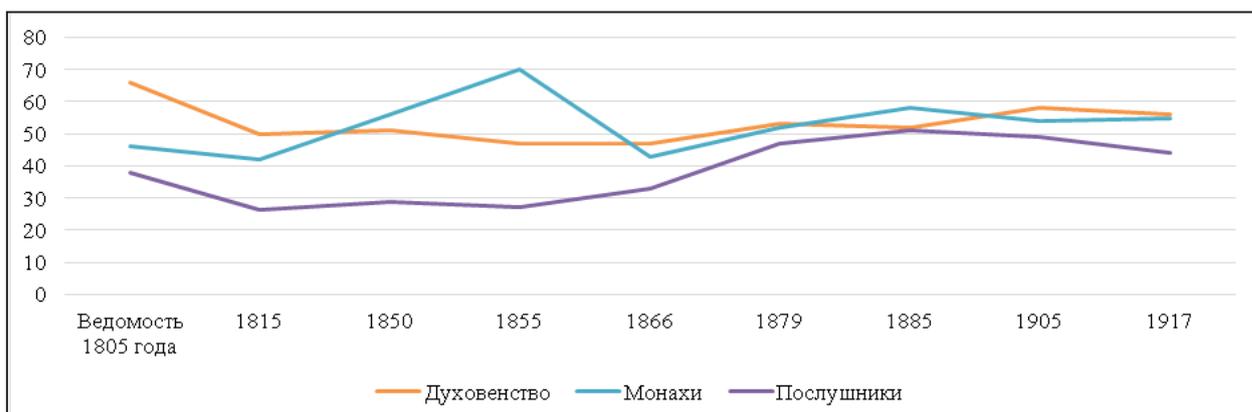

Рис. 1. Средний возраст насельников монастыря в разные годы (по данным ведомостей).

Средний возраст монахов от 43 лет до 70. Наибольший средний возраст пришелся на 1855 г., наименьший на 1815 и 1866 гг. – 42 и 43 года. Максимальный возраст – от 76 до 56 лет. Минимальный от 30 лет до 61. Не было монахов, которым было бы менее 30 лет.

Средний возраст послушников от 26,5 лет до 51 года. Наиболее молодым средний возраст был в период с 1815 по 1866 г. и начал увеличиваться до 47–50 лет в последующие годы, вплоть до 1917. Минимальный от 15 до 31 года. На те же 1815–1866 гг. приходится наименьший минимальный возраст послушников – от 15 до 20 лет.

Перейдем к анализу численности братии: данные по количеству насельников мы можем увидеть в табл. 2 и на рис. 2. Общее количество братии увеличивалось с 13–15 чел. в начале XIX в. до 48–53 с 1850 по 1866 гг. С 1879 по 1917 г. число братии изменялось незначительно, от 34 до 44 чел.

Число священнослужителей росло, и с 1855 г. в обители не было менее 10 чел. в священном сане. Максимальное количество пришлось на 1879 г. – 20, после, с 1885 по 1917 г. было примерно одинаковым – 12–13 чел.

Число монахов колебалось незначительно вплоть до 1885 г., после чего, в 1905–1917 гг., достигло 11–13 чел. Общее количество монашествующих и священнослужителей постепенно росло, с некоторыми колебаниями в сторону уменьшения.

Количество монастырской братии на момент написания ведомости, чел.

Ведомость, год	Общее	Иеромонахи, иеродьяконы, вдовы священники и дьяконы	Монахи	Послушники	Общее
Ведомость 1805	13	4	4	5	8
Ведомость 1815	15	7	1	7	8
Ведомость 1850	48	9	5	34	14
Ведомость 1855	50	13	6	31	19
Ведомость 1866	53	11	7	35	18
Ведомость 1879	44	20	5	19	25
Ведомость 1885	34	12	5	17	17
Ведомость 1905	40	12	13	15	25
Ведомость 1917	39	13	11	15	24

Источники: ГА ВО. Ф. 496 О. 1. Д. 12723; Ф. 526. О. 1. Д. 17; Ф. 526. О. 1. Д. 103; Ф. 526. О. 1. Д. 112; Ф. 526. О. 1. Д. 146; Ф. 526. О. 1. Д. 148; Ф. 526. О. 1. Д. 151; Ф. 526. О. 1. Д. 157.

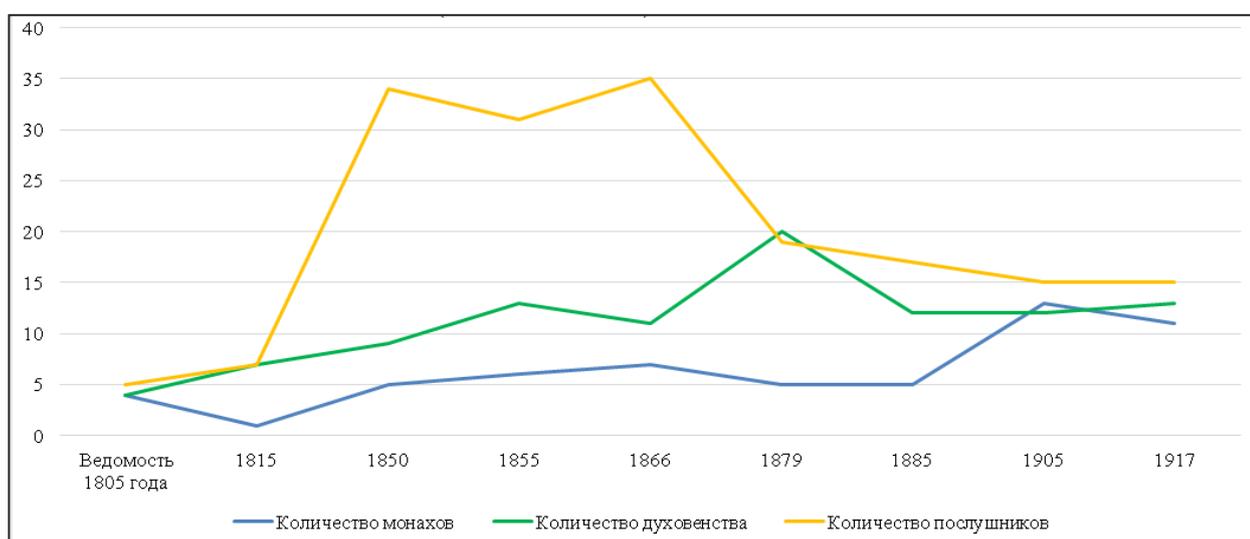

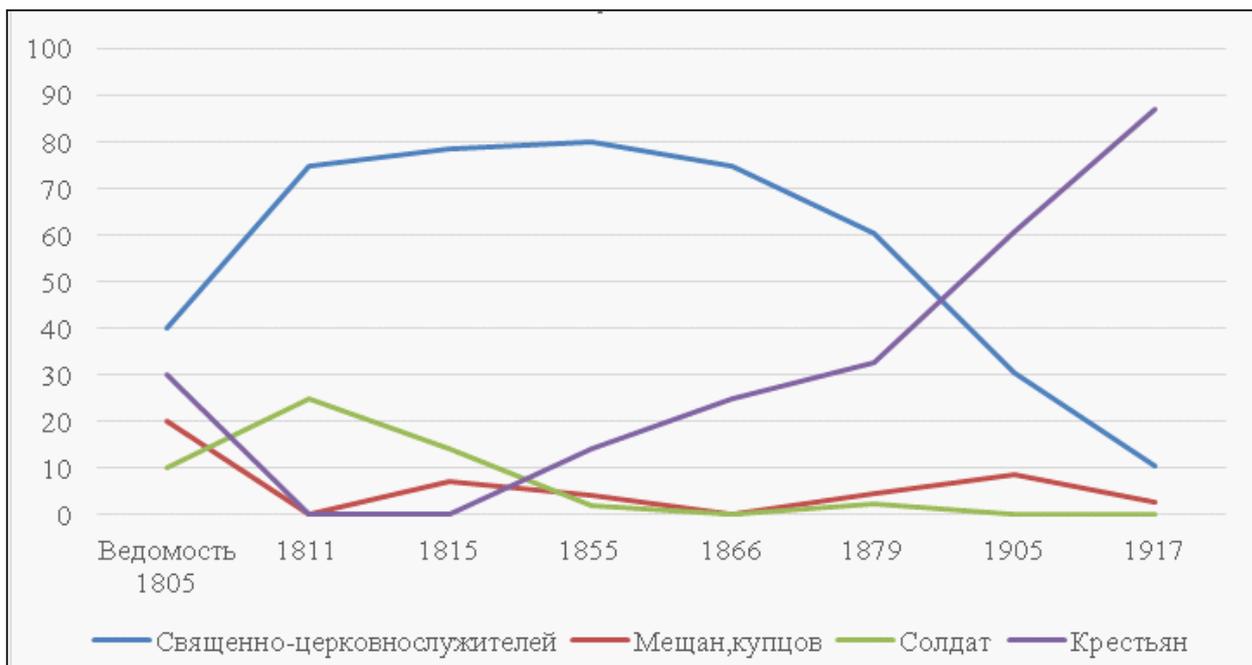
Рис. 2. Количество насельников монастыря в разные годы (по данным ведомостей).

Число послушников также росло, максимальное их количество приходилось на 1850–1866 гг., после чего опустилось до 19 чел. и сохранялось примерно одинаковым до 1917 г., когда в монастыре было 15 послушников.

В ходе работы была проанализирована закономерность имянаречения монахов. По ведомостям с 1805 по 1917 г., монахов, у которых монашеское имя не начинается с буквы их мирского имени, лишь девять из более чем 140 монахов. Это можно объяснить стремлением к простоте со стороны того, кто выбирал имя для пострижения. Дать человеку новое имя – это серьезное дело. И легче выбрать из меньшего перечня имен, чем из всех возможных имен святых.

В населении монастыря преобладают выходцы из Вологодской губернии. Преобладающее сословие меняется со временем, эти данные мы можем увидеть на рис. 3. В начале XIX в. – в основном дети священно-, церковнослужителей – к началу XX в. преобладают выходцы из крестьян. Это соответствует общим тенденциям той эпохи, когда после отмены крепостного права и со временем, благодаря упрощению монашеского пострига крестьян, многие верующие из данного сословия начали приходить в монастырь.

Данная работа анализирует состояние Спасо-Суморина монастыря в XIX – начале XX в. через рассмотрение информации о насельниках, их возраста, социального и географического происхождения.

Источники и литература

1. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496 О. 1. Д. 12723.
2. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 17.
3. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 103.
4. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 112.
5. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 146.
6. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 148.
7. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 151.
8. ГА ВО. Ф. 526. О. 1. Д. 157.
9. Нечаева М.Ю. Ведомости о монашествующих синодального периода как исторический источник / М.Ю. Нечаева // Вестник Екатеринбургской Православной духовной семинарии. – 2018. – № 4 (24). – С. 231–265.
10. Нечаева М. Ю. «Послужные списки» монахов: история возникновения и информационные границы / М.Ю. Нечаева // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 163–180.

*Н.А. Косяк**

Этапы создания Эстонского института национальной памяти

В публикации рассматриваются история и этапы создания, а также основные направления деятельности института национальной памяти в Эстонской Республике с 1998 по 2022 г., который в том числе проводит исследования миграций, повлиявших на этнодемографическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: музей, Эстонская Республика, научные исследования, базы данных, воспоминания

N.A. Kosyak

Stages of establishing the Estonian Institute of National Remembrance

The publication examines the history and stages of creation, as well as the main activities of the Institute of National Remembrance in the Republic of Estonia from 1998 to 2022, which, among other things, conducts research migrations that influenced the ethno-demographic situation in the region.

Key words: museum, Republic of Estonia, scientific research, databases, memoirs

В истории создания Института национальной памяти Эстонской Республики следует выделить три этапа: первый этап охватывает 1998–2008 гг., когда функцию института выполняла «Комиссия по расследованию преступлений против человечности»; второй этап (2008–2017 гг.) связан с учреждением и выработкой концепции института на основе государственной политики памяти; в третий период (2017–2022 гг.) происходит расширение функций института и присоединение к нему различных структур, занимающихся просветительской деятельностью в республике.

Прообразом института памяти в эстонском государстве можно считать международную «Комиссию по расследованиям преступлений против человечности», известную под названиями «Комиссия истории» или «Комиссия М. Якобсона», созданную в 1998 г. по инициативе президента республики Л. Мерри. Цель комиссии заключалась в расследовании преступлений, совершенных, по мнению организаторов комиссии, против эстонских граждан в Республике с 1940 по 1991 г. [1]. Особенностью комиссии было отсутствие в её составе граждан Эстонской Республики, что объяснялось целью повышения исторической объективности, председателем комиссии был избран финский дипломат М. Якобсон [2].

В спектр деятельности комиссии входил поиск исследовательской базы, итоги оформлялись в виде специальных отчетов (рапортов) комиссии. В 2001 г. вышел первый отчет, посвященный немецкой оккупации, а к 2004 г. – второй рапорт, охватывавший период 1940–1941 гг. В 2006 г. вышел последний рапорт комиссии, рассматривавший ситуацию в Эстонии начиная с 1944 г. Общие итоги работы (первых двух рапортов) комиссии были опубликованы в монографии: «Эстония 1940–1945: отчеты Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности» [3]. К 2007 г. комиссия выполнила все возлагавшиеся на нее функции и закончила свою деятельность.

В 2008 г. президент Эстонии Т. Хендрик Ильвес учредил Институт национальной памяти. В основном институт продолжил работу международной комиссии, сфокусировавшись на сборе

* **Косяк Никита Александрович** (Минск, Республика Беларусь) – аспирант Белорусского государственного университета, nik.kosyak.1998@mail.ru. Научный руководитель – профессор Белорусского государственного университета д.и.н. В.И. Меньковский.

информации о советском периоде. С 2012 г. Институт национальной памяти сделал акцент в исследованиях на изучение социально-повседневного облика республики в годы советской истории, были подготовлены монографии в области идеологического воспитания подрастающего поколения Эстонской ССР, о советской судебной и паспортной системах [4].

В 2017 г. Институт национальной памяти объединился с фондом «Unitas» (неправительственная организация, созданная в 2008 г., с целью повышения осведомленности о советском прошлом среди эстонских граждан), сохранив при этом прежнее название. К началу 2018 г. произошло расширение деятельности института в направлении сохранения исторического нарратива о коммунистическом прошлом посредством открытия мемориалов, тематических выставок и учреждений собственного «музея оккупации». Одним из крупномасштабных мероприятий стала идея создания «Международного музея жертв коммунизма» в бывшей батареейной тюрьме Патарей. Открытие музея планируется в 2025 г. Музей-тюрьма должен представлять собой аутентичное состояние тюремных камер, проходов для заключенных, «пыточных» с целью передачи «тоталитарного облика» различных политических режимов [5].

Президент Эстонии К. Кальюлайд поддержала предложение института об увековечивании памяти посредством создания в 2018 г. в Таллине памятника жертвам политических репрессий и депортаций («Мемориальный комплекс Маарьямяги») [6]. В 2019 г. в Патарее прошла выставка под общим названием «Коммунизм – тюрьма», основной посыл которой заключался в показе истории тюрьмы «Патарей» советского периода [7].

Под патронажем института проходит разработка информационной базы сообщества. К 2018 г. сотрудники института основали открытую онлайн-базу, посвященную «коммунистическим преступлениям» [8]. С 2013 г. на постоянной основе функционирует онлайн-база данных «Kogu Me Lugu» («Собираем нашу историю»), платформа представляет собой семейные портфолио (фото- и видеоматериалы) эстонцев за рубежом, особое внимание в базе данных уделяется воспоминаниям граждан Эстонии.

Таким образом, общая деятельность Института национальной памяти направлена на формирование мемориальной политики через трансляцию прошлого республики периода 1940–1991 гг. посредством исследовательской деятельности.

Источники и литература

1. Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР. – Москва: «Звенья», 2016. – С. 136.
2. Комиссия Якобсона заканчивает свою деятельность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/statja/20569738/>. – Дата доступа: 14.09.2022.
3. Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР. – Москва: «Звенья», 2016. – С. 470–471.
4. Этническая политика в странах Балтии. – Москва: Наука, 2013. – С. 136–137.
5. Побывали в самом жутком месте Эстонии. Репортаж из заброшенной тюрьмы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realt.onliner.by/2020/04/01/patarei/>. – Дата доступа: 14.09.2022.
6. На Маарьямяги открыли мемориал жертвам коммунизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/statja/83437867/>. – Дата доступа: 14.09.2022.
7. Estonia opens major new communism exhibition. [Electronic resource]. – Access mode: <https://emerging-europe.com/after-hours/estonia-opens-major-new-communism-in-prison-exhibition/>. – Access date: 14.09.2022.
8. An international portal about communist crimes launched in Estonia. [Electronic resource]. – Access mode: <https://estonianworld.com/life/an-international-portal-about-communist-crimes-launched-in-estonia/>. – Access date: 14.09.2022.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2021 ГОД

2021, № 1 (27)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Аверьянов К.А.** (Москва). Куликовская битва: демографические потери Руси. С. 4–10.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-4-10
- Вишнякова Д.В.** (Сыктывкар). Смертность населения Коми края в конце XIX – начале XX в.: возрастной состав умерших. С. 11–14.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-11-14
- Макаренко М.Ю.** (Краснодар). Состав и структура населения Северного Кавказа по материалам переписи 1926 г. С. 15–20.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-15-20
- Игнатова Н.М.** (Сыктывкар). Воспроизводство населения у спецпереселенцев Европейского Севера в 1930-е гг.: кризис и адаптация. С. 21–27.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-21-27
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Сдвиги в размещении и тенденции расселения населения Республики Коми в 1920–2020 гг. С. 28–45.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-28-45

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

- Силин В.И.** (Сыктывкар). Хозяйство Архангельской губернии и поселения на Печоре и Ижме по данным старых карт. С. 46–49.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-46-49
- Теребихин В.М.** (Сыктывкар). Антропологический кризис как интегральная оценка демосоциального развития Республики Коми в период социетальной трансформации (революформ) 1991–1995 гг. С. 50–56.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-50-56

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н.** (Сыктывкар). Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Материалы к этнической истории. С. 57–74.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

- Содержание журнала «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» за 2020 год. С. 75–76.
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 77–78.

2021, № 2 (28)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Мацук А.М., Мацук М.А.** (Сыктывкар). Ревизские сказки города Усть-Сысольска десятой переписи населения Российской Империи. С. 4–20.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-2-4-20
- Лыткина У.В.** (Сыктывкар). Демографическое развитие волостей Коми края в 1920-е гг. С. 21–29.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-2-21-29
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Бывшие города и региональные центры в системе расселения России. С. 30–41.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-2-30-41

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Обедков А.П. (Сыктывкар). Трансформация возрастно-половой структуры и изменение демографической нагрузки трудоспособного населения Республики Коми в 1990-е гг. С. 42–50.
DOI: 10.19110/2304-5922-2021-2-42-50

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Жеребцов Л.Н. (Сыктывкар). Современное коми население Южной Сибири (Раздел научного отчета Сибирского этнографического отряда от итогах экспедиции 1969 г.). С. 51–73.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 74–75.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлекцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например:

«Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментариев располагаются под ним, курсивом, например:

«Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

ISSN 2304-5922

9 772304 592116 >

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

2022. № 1 (29).

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 17.05.2021.

Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.